

INSPIRIA

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ НА НИКЧЕМНОЙ УЛИЦЕ

«Я НЕ ЧИТАЛ
НИЧЕГО ПОДОБНОГО
СО ВРЕМЕН ГИЛЛИАН ФЛИНН».

СТИВЕН КИНГ

КАТРИОНА УОРД

INSPIRIA

Annotation

«Мужчина примерно двадцати семи лет, в браке не состоит.

Безработный или же занят ручным трудом.

В общественном плане маргинал.

Скорее всего, ранее привлекался за насильственные преступления.

Мотивация для похищения ребенка сводится к...»

Так Ди представляет маньяка, лишившего ее младшей сестры много лет назад. До сих пор полиция не может ничего сделать – зацепок нет. Только по крошечной улике – старой фотографии подозреваемого – Ди начинает собственное расследование.

Хоть на ней и не видно лица, есть кое-что важное – адрес. Туда Ди и переедет.

Никчемная улица.

Последний дом.

-
- [Катриона Уорд](#)
    -
    -
    -
    - [Тед Баннерман](#)
    - [Оливия](#)
    - [Тед](#)
    - [Ди](#)
    - [Тед](#)
    - [Оливия](#)
    - [Ди](#)
    - [Тед](#)
    - [Оливия](#)
    - [Ди](#)
    - [Тед](#)
    - [Оливия](#)
    - [Тед](#)
    - [Оливия](#)
    - [Тед](#)

- [Ди](#)
- [Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Ди](#)
- [Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Ди](#)
- [Тед](#)
- [Лорен](#)
- [Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Оливия](#)
- [Ди](#)
- [Тед](#)
- [Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Оливия](#)
- [Ди](#)
- [Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Оливия](#)
- [Ди](#)
- [Тед](#)
- [Лорен](#)
- [Тед](#)
- [Лорен](#)
- [Тед](#)
- [Мрак-Оливия](#)
- [Тед](#)
- [Малыш Тедди](#)
- [Тед](#)

- [Послесловие](#)
  - [Благодарности](#)
  - [Библиография](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
-

Катриона Уорд

Последний дом на Никчемной улице

Catroina Ward

THE LAST HOUSE ON NEEDLESS STREET

Copyright © Catriona Ward, 2021

Дизайн обложки: © blacksheep-uk.com

Редактор серии Ю. Чернова

© Липка В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается моему племяннику
Риверу Эмануэлю Уорду Эноху,
родившемуся 14 августа 2020 года*

Тед Баннерман

Сегодня годовщина Девочки с фруктовым мороженым. Это случилось одиннадцать лет назад у озера – вот она была, и вдруг ее не стало. Так что день, когда я обнаруживаю, что среди нас затаился Убийца, с самого начала можно назвать паршивым.

Первым делом мне на живот с пронзительным мяуканьем, напоминающим перезвон заводных часов, тяжело плюхается Оливия. Если на свете и есть что-нибудь лучше кошки в кровати, мне об этом ничего не известно. Я обхаживаю ее, как только могу, потому как позже придет Лорен и она тут же исчезнет. Моим дочери и кошке в одном помещении не ужиться.

– Я проснулся! – говорю я. – Сегодня твоя очередь готовить завтрак.

Она смотрит на меня своими желто-зелеными глазами, тихонько уползает, находит солнечный зайчик, бросается на землю, щурится и время от времени бросает в мою сторону взгляд. Кошки шуток не понимают.

Я поднимаю с крыльца газету. Мне нравится наше местное издание по той простой причине, что в нем сообщается о появлении редких птиц – если заметишь какое-нибудь необычное пернатое типа северного дятла или сибирской завирушки, им можно написать. Даже в такую рань затянутый маревом воздух теплый, как суп. Улица оживлена еще меньше обычного. Она притихла, будто погрузившись в воспоминания.

При взгляде на первую полосу у меня внутри все сжимается и скручивается в тугий узел. Вот и она. У меня совсем вышибло из головы, что сегодня ее годовщина. Со временем я не в ладах.

Фотография всегда одна и та же. Большие глаза, притененные полями шляпы, и пальцы, вцепившиеся в палочку мороженого с такой силой, будто она боится, как бы его не отняли. На голове влажные, блестящие, короткие, как у мальчишки, волосы. Она купалась, однако никто не закутал ее в пушистое полотенце, дабы вытереть. Мне это не

нравится. Так можно подхватить простуду. Другую фотографию – ту, на которой изображен я, – на этот раз печатать не стали. Из-за этого газетчики нарвались на крупные неприятности. Хотя как по мне, то все же недостаточно крупные.

Ей было шесть. Все очень расстроились. В окрестностях, особенно у озера, у нас с этим проблема, поэтому ситуация развивалась быстро. Полицейские обыскали в округе дома всех, кто, по их мнению, мог причинить ребенку вред.

Поскольку мне при этом присутствовать не разрешили, я вышел на крыльцо. Было лето, глаза слепило от света, жара стояла, как на поверхности какой-нибудь звезды. От затяжного послеполуденного зноя у меня медленно обгорала кожа. Я слышал, как полицейские откидывали уродливый голубой ковер в гостиную, отдирали доски пола и простукивали перегородку за задней стенкой шкафа – им показалось, будто там прослушивается пустота. По двору расхаживали псы, заглядывали в спальню и куда только можно. Я знал, что это за собаки. У таких в глазах белыми зубами оскаливалась сама смерть. Пока я стоял, ко мне подошел какой-то тощий малый с фотоаппаратом и стал снимать. Мне даже в голову не пришло его остановить.

– Нет картинка – нет статейки, – бросил мне он перед тем, как уйти.

Мне было невдомек, что под этим имелось в виду, но на прощание он весело помахал мне рукой, поэтому я ответил ему тем же.

– Что с вами, мистер Баннерман?

Детектив в женском обличье – вконец замотанная – напоминала собой опоссума.

– Ничего.

Меня трясло. «Молчок, Малыш Тедди». Зубы отбивали чечетку, будто я страшно замерз, хотя мне было жуть как жарко.

– Но вы закричали! Произнесли мое имя и, как мне показалось, слово «зеленый».

– Должно быть, подумал о той истории, которую напридумывал себе в детстве... О потерявшихся мальчиках, превращавшихся у озера во всякие зеленые штуковины.

Она окинула меня взглядом, который я хорошо знал. На меня все время так смотрели. Я крепко прижался к стволу дубка в палисаднике.

Дерево наделяло меня своей силой. Что тут можно было сказать? Если и было что-то, то оно парило прямо над кромкой моих мыслей.

– Мистер Баннерман, это ваше единственное жилище? Другого дома где-нибудь поблизости у вас нет? Охотничьей сторожки или чего другого в этом роде?

Она вытерла с верхней губы пот. На нее непосильным грузом давили проблемы, будто ей на спину взвалили тяжеленную наковальню.

– Нет, – ответил я. – Нет, нет и нет.

Разговоров о воскресном убежище она бы не поняла.

В конце концов полицейские ушли. У них просто не было другого выхода, потому как после обеда я постоянно торчал у супермаркета «7-Eleven», это любой может подтвердить. Об этом же свидетельствует и запись с камеры видеонаблюдения. Я занимался там тем, что сидел на тротуаре у раздвижных дверей, а когда они разъезжались в стороны, выпуская в облаке прохладного воздуха очередных покупателей, просил у них конфетку. Иногда, когда у кого-то были сладости, мне что-нибудь давали, а порой даже специально покупали. Мамочка, узнай об этом, наверняка сгорела бы от стыда, но я так любил сладости. И никогда даже близко не подходил ни к озеру, ни к Девочке с фруктовым мороженым.

Когда полицейские наконец закончили и позволили мне вернуться в дом, там повсюду витал их запах – шлейфы одеколona, пота, пронзительно воняющей резины и химикатов. Меня огорчало, что они видели дорогие моему сердцу вещи, в том числе фотографию Мамочки и Папочки. Снимок уже тогда практически выцвел, и черты их лиц почти поблекли. Они прощались со мной, растворяясь в белизне. Еще на полке стояла сломанная музыкальная шкатулка – Мамочка привезла ее из своего далекого дома. Она уже не работала. Я расколотил ее вместе с матрешками в день, когда произошла история с мышонком. Сорванная со своего пьедестала крохотная балеринка тогда упала на пол и умерла. Может, из-за этого мне стало еще хуже. (Не знаю почему, но я называл ее Элоизой; она попросту выглядит именно как Элоиза.) В моих ушах звучал мелодичный Мамочкин голос. *Ты забираешь у меня что только можно, Теодор. Все забираешь, забираешь и забираешь.*

Все эти люди смотрели своими глазами на мои вещи, отчего у них в головах рождались собственные мысли, и дом уже не ощущался моим.

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. А когда вновь их открыл, мне в ответ самодовольно улыбнулась матрешка. Рядом с ней стояла музыкальная шкатулка. Гордо выпрямившись, балеринка Элоиза грациозно вскинула над головой руки. С фотографии улыбались Мамочка и Папочка. Прекрасный оранжевый ковер радовал ноги мягкими катышками.

Мне сразу же стало лучше. Все было в порядке. Это мой дом. В ладонь ткнулась головой Оливия. Я засмеялся и подхватил ее на руки.

И от всего этого почувствовал себя совсем хорошо. Но на чердаке над моей головой завозились зеленые мальчики.

На следующий день я попал в газету, прямо под заголовок «Обыск в доме подозреваемого». Я стоял перед своим жилищем. Полицейские обыскали и другие дома, однако из статьи могло показаться, что побывали они только у меня. Другие, надо полагать, оказались достаточно умны, дабы прикрыть руками лица. *Нет картинки – нет статейки.* Мою фотку поместили рядом со снимком Девочки с фруктовым мороженым, что само по себе уже представляло отдельную историю.

Названия улицы к фотографии не прилагалось, но ее, по всей видимости, все равно узнали. В окна полетели камни и кирпичи. Много. Стоило мне заменить стекло, как в него тотчас опять влетал камень. Мне показалось, я схожу с ума. Это повторялось столько раз, что я сдался и заколотил окна фанерой. Нападавшие подостыли. Какой интерес швырять булыжники, если больше нечего разбить? Я перестал днем выходить на улицу. Для меня наступили скверные времена.

Девочку с фруктовым мороженым – то есть газету с ее фотографией – я положил в чулан под лестницей. Чтобы сунуть ее в самый низ кучи, мне пришлось наклониться. И в этот момент мне на глаза попался магнитофон, едва выглядывавший из-под горы печатной продукции на полке.

Я тут же его узнаю. Он принадлежал Мамочке. Снимаю аппарат с полки. От прикосновения к нему возникает странное чувство, будто рядом звучит шепот, который мне не разобрать.

Пленка уже в аппарате – половина записана, вторая пуста. Старая, с полосатой, желто-черной этикеткой, кассета. Правильный Мамочкин почерк. *Заметки*.

Слушать я ее не слушаю. И так знаю, что на ней. Мамочка всегда наговаривала свои заметки вслух. Она слегка спотыкалась на согласных, и избавиться от этого до конца ей так и не удалось. В звуках ее голоса слышалось море. Мамочка родилась далеко-далеко, под темной звездой.

«Просто оставь его в покое, – думаю я, – забудь, что ты его видел».

Я съел маринованный огурчик и теперь чувствую себя гораздо лучше. В конце концов, все это случилось давным-давно. Становится все светлее, природа обещает самый замечательный день. Прилетят птицы. Каждое утро они высыпают из леса и опускаются у меня на заднем дворе. Желтогорлые певуны, корольки, овсянки, клесты, воробьи, черные дрозды, голуби. Их там пруд пруди – один красивее другого. Мне нравится за ними наблюдать. В надлежащем месте я проделал в куске фанеры аккуратную дырочку нужного размера, обеспечив полный обзор заднего двора. Помимо прочего, я постоянно слежу, чтобы была вода и никогда не пустовали кормушки. В такую жаркую погоду птицам порой бывает несладко.

Я уже собираюсь за ними понаблюдать, как в любой другой день, но в этот момент у меня что-то екает в груди. Порой нутро узнает о чем-либо быстрее мозга. Что-то явно не так. Слишком уж тихое это утро. Я говорю себе не дурить, делаю глубокий вдох и припадаю глазом к отверстию.

Первым делом вижу сойку. Она лежит в самом центре лужайки. Яркая мешанина ее перьев сверкает, словно нефтяное пятно на воде. И судорожно дергается. Одно крыло молотит по воздуху в отчаянной попытке взлететь. На земле птицы всегда выглядят неестественно. Задерживаться там надолго им не положено.

Дрожащими руками я поворачиваю ключи в трех массивных замках двери черного хода. *Щелк, щелк, щелк*. И даже сейчас трачу несколько секунд, чтобы обратно их запереть. Птицы лежат на опаленной зноем траве, разбросанные по всему двору. И без конца барахтаются, безнадежно застряв в каких-то непонятных штуковинах,

издали напоминающих куски коричневатой бумаги. Многие, особой двадцать, уже мертвы. Другие еще живы. Подсчитав, я обнаруживаю, что продолжают биться семь сердечек. Птицы хватают клювиками воздух, высунув в агонии узкие черные язычки.

Мои мысли стайкой муравьев разбегаются в разные стороны. Дабы понять, что произошло, достаточно сделать три вдоха. Ночью кто-то пришел и установил у каждой кормушки клеевые ловушки, обернув ими проволочные клетки и прикрепив к подвешенным на тетиве шарам. Прилетев на рассвете покормиться, птицы клювиками и лапками увязли в липкой массе.

«Убийство, убийство, убийство...» Я могу думать только об этом и ни о чем другом... Кто мог так поступить с птицами? Потом в голову приходит другая мысль: «Надо разобраться. Нельзя допустить, чтобы это увидела Лорен».

У проволочной изгороди припала к земле бездомная полосатая кошка, пожирающая картину происходящего своими янтарными глазами.

– Пошла прочь! – ору я.

Затем хватаю первое, что попадает под руку, – пустую банку из-под пива – и швыряю в нее. Снаряд летит мимо и попадает в столб. *Баммм*. Зверюга уходит, медленно переставляя свои лишённые когтей лапы, будто уйти было исключительно ее идеей.

Я собираю живых птиц. В моих руках они слипаются вместе, образуя дергающуюся массу, и напоминают чудовище из самых страшных кошмаров – повсюду лапки, глаза и клювики, жаждущие воздуха. Когда я пытаюсь отодрать их друг от дружки, перья отделяются от плоти. Пернатые не издают ни звука, и это хуже всего. Птицы не люди – когда им больно, они затихают.

Я отношу их в дом и предпринимаю любые мыслимые усилия, какие только приходят в голову, дабы растворить клей. Но после нескольких попыток с использованием растворителя понимаю, что делаю только хуже. Птицы закрывают глаза и судорожно дышат. Я больше не знаю, что делать. Они увязли навсегда – ни туда и ни сюда. И хотя еще не мертвы, но жить уже тоже не могут. Поначалу в голову приходит мысль их утопить, затем – разбить молотком головы. Одна идея сменяется другой, от чего меня охватывает все более жуткое, зловещее чувство. Я подумываю открыть шкаф, в котором хранится

ноутбук. Может, что-нибудь подскажет Интернет. Но при этом понятия не имею, куда положить птиц. Стоит им к чему-нибудь прикоснуться, как они тут же намертво прилипают.

Затем я вспоминаю одну передачу по телевизору. Попытаться стоит, тем более что уксус у нас есть. Орудя одной рукой, я отрезаю кусок шланга, беру большой пластиковый контейнер «Таппервер», пищевую соду и достаю из-под раковины белый уксус. Затем аккуратно кладу внутрь птиц, герметично закрываю крышкой, а в предварительно проделанное в ней отверстие втыкаю шланг. После чего смешиваю в пакете пищевую соду с уксусом и прилаживаю его к шлангу с помощью аптечной резинки. В итоге у меня получается газовая камера. Воздух в контейнере начинает меняться, и копошение перьев постепенно стихает. Я не отвожу от происходящего глаз, ведь смерть достойна того, чтобы за ней понаблюдать. Даже когда это смерть птицы. Все заканчивается быстро. Они и без этого уже наполовину сдались от страха и жары. Последним выпускает дух голубь; его выпяченная грудка вздымается и опадает все меньше, пока не замирает окончательно.

Убийца превратил в душегуба и меня.

Я уношу трупы на помойку на заднем дворе. Безвольные, все еще теплые тельца, мягкие на ощупь. Где-то по соседству косят газон. В воздух закрадывается запах свежескошенной травы. Окрестные жители пробуждаются от сна.

– Ты в порядке, Тед? – спрашивает человек с волосами цвета апельсинового сока, который каждый день гуляет с собакой в лесу.

– Конечно, все хорошо, – отвечаю я.

Он смотрит на мои ноги, и до меня доходит, что на мне нет ни обуви, ни даже носков. Ступни у меня белые и волосатые. Я прикрываю одну из них другой, но отнюдь не чувствую себя от этого лучше. Пес тяжело дышит и скалит на меня зубы. Обычно домашние животные лучше своих хозяев. Мне жаль всех этих собак, кошек, кроликов и мышей. Им приходится не только жить с людьми, но и любить их, а это уже гораздо хуже. Что касается Оливии, то она не домашний питомец, а нечто неизмеримо большее. (Полагаю, что так к своей кошке относится каждый, у кого она есть.)

При мысли о том, что рядом с моим домом в холодном мраке затаился Убийца, устанавливающий во дворе ловушки, а может, даже

подглядывающий за мной, Лорен и Оливией своими безжизненными, черными, как у жука, глазами, у меня тут же замирает сердце.

Я возвращаюсь. Вплотную ко мне стоит Леди Чихуахуа. Ее рука лежит на моем плече. Странно. Обычно ко мне не любят прикасаться. Пес у нее под мышкой дрожит и изумленно пучит на меня глаза.

Мы стоим перед ее домом – желтым с зеленой отделкой. У меня такое ощущение, будто я что-то забыл или же мне вот-вот предстоит что-то узнать. «Да соберись ты, – говорю я себе, – не чуди». На чудиков тут же обращают внимание. И запоминают.

– ... бедные твои ноги... – говорит дама. – А куда ты подевал ботинки?

Этот тон мне хорошо знаком. Крошечные женщины жаждут окружать заботой крупных мужчин. Для меня это загадка.

– Тебе надо следить за собой, Тед, – продолжает она, – мама из-за тебя страшно бы расстроилась.

Вижу, что из моей ноги на бетон темно-красной струйкой течет кровь. Наверное, я на что-то наступил.

– Я гоняюсь за этой бездомной бродягой, – звучит мой ответ, – то есть гонялся. Не хочу, чтобы она таскала на моем дворе птиц. (У меня в голове иногда путаются времена. Меня никогда не покидает ощущение, что все происходит здесь и сейчас, поэтому порой я забываю, что это было в прошлом.)

– От этой кошки одни неприятности, – говорит она, и в ее глазах вспыхивает интерес.

Я добавил ей новых ощущений.

– Она сущее бедствие. Город должен заняться бродячими кошками, в точности как занимается другими зловредными тварями.

– Это точно, – говорю я, – тут и спору нет.

(Имена в моей памяти не откладываются, но у меня свои способы оценивать и запоминать людей. Первый из них: были бы они добры к моей кошке? Эту даму я бы к Оливии не подпускал.)

– Как бы то ни было, спасибо вам, – говорю я, – мне уже лучше.

– Ну еще бы, – отвечает она, – приходи завтра на чай со льдом, я напеку печенья.

– Завтра не могу.

– Тогда приходи, когда захочешь. Мы ведь соседи и должны приглядывать друг за дружкой.

– Я и сам это всегда говорю.

Мне приходится быть вежливым.

– Знаешь, Тед, а ведь у тебя милая улыбка! Тебе следовало бы чаще ее показывать.

Я машу рукой, демонстрирую все свои тридцать два зуба и ухожу – ковыляя, старательно изображая боль, которую в действительности совсем не чувствую, и прихрамывая на кровоточащую ногу до тех пор, пока дама не скрывается за углом.

Леди Чихуахуа даже не заметила, что я ушел, и это хорошо. Я потерял время, но, похоже, не так уж много. Тротуар под ногами теплый, но назвать его раскаленным пока нельзя. Где-то поблизости по-прежнему жужжит газонокосилка, поэтому в воздухе висит вязкий, свежий аромат только что скошенной травы. Похоже, я потерял пару минут. Однако не надо было допускать этого на улице. К тому же перед выходом из дома следовало обуться. Здесь я совершил ошибку.

Порез на ноге я обрабатываю дезинфицирующим составом из пластиковой зеленой бутылки. Он, похоже, предназначен не столько для кожи, сколько для столешниц и полов. Нога после этого выглядит гораздо хуже; кожа покраснела и приобрела синюшный оттенок. Похоже, что вполне могла бы доставить мне боль, если бы я мог ее чувствовать. Но рану я как минимум промыл. А потом перемотал марлей. И марли, и бинтов у меня здесь полно. Всякие несчастные случаи в нашем доме не редкость.

У меня до сих пор липнут руки, словно к ним что-то приклеилось, то ли жевательная резинка, то ли смерть. Помню, я где-то читал, что у птиц бывают вши. А может, не у них, а у рыб. Руки я тоже мою чистящим средством для полов. Меня трясет. Я принимаю таблетку, которую надо было выпить еще несколько часов назад.

Одиннадцать лет назад в этот день пропала Девочка с фруктовым мороженым. Сегодня утром кто-то угробил моих птиц. Вполне возможно, что эти два обстоятельства никак между собой не связаны. В мире полно всякой бессмыслицы. Но может случиться и так, что это звенья одной цепи. Откуда Убийце было знать, что на моем заднем

дворе на рассвете кормится такое количество птиц? Он что, знает окрестности? От подобных мыслей мне отнюдь не хорошо.

Я составляю перечень. Наверху пишу: *Убийца*. Список получается совсем короткий.

Сосед с волосами цвета апельсинового сока
Леди Чихуахуа
Незнакомец

Я посасываю кончик ручки. Проблема в том, что я не очень хорошо знаю соседей. С ними водила близкое знакомство Мамочка. Пленять окружающих было ее стихией. Но, завидев меня, они обычно тут же шагают в другом направлении. Прямо у меня на глазах разворачиваются и улепетывают со всех ног. Так что Убийца сейчас может быть совсем рядом, через каких-то два дома, есть пиццу и посмеиваться надо мной. Я немного расширю свой список:

Сосед-выдра, его жена или их дети
Двое мужчин из Голубого дома
Леди, пахнувшая пончиками

Вот практически и все обитатели этой улицы.

Я не думаю, что кто-то из них действительно Убийца. Некоторые, как семейство выдр, на данный момент в отпуске.

У нашей улицы странное название. Некоторые порой останавливаются и фотографируют установленную в ее начале погнутую табличку. А потом уходят, потому как за ней один только лес и больше ничего.

Я медленно вношу в список еще одно имя. *Тед Баннерман*. Чем черт не шутит.

Затем отпираю шкаф, в котором храню принадлежности для рисования, и аккуратно прячу его под старой коробкой мела, к которой Лорен никогда даже не прикасается.

Людей я оцениваю по двум критериям – как они относятся к животным и что любят есть. Тот, кто предпочитает какой-нибудь салат,

человек явно дрянной. А с тем, кому больше по душе любые блюда с сыром, скорее всего, полный порядок.

Еще нет и десяти часов утра – это я могу утверждать по тому, как солнце, пробиваясь сквозь дыры в фанере, рисует на полу пятна света, похожие на монетки, – а день уже совсем не задался. Поэтому я решаю приготовить ранний ланч, мой любимый, самый лучший на всем белом свете. Для этого надо взять ту штукуну, на которую можно записывать голос.

А то я все думаю – почему бы не использовать для рецептов магнитофон? (Да, знаю, Мамочке это бы не понравилось. В затылке вспыхивает жар, красноречиво напоминающий о том, что окажись она сейчас рядом, то назвала бы меня «сущим наказанием».)

Я снимаю обертку с новой упаковки кассет. От них исходит приятный запах. Затем вставляю одну из них в аппарат. В детстве мне всегда хотелось с ним поиграть. У магнитофона есть большая красная кнопка, похожая на фортепианную клавишу и громко щелкающая, если ее нажать. Сейчас я не знаю, что делать со старой Мамочкиной лентой, и это меня расстраивает. Ни выбросить, ни разломать ее не могу – об этом не может быть и речи, – но и хранить их вместе с моими, новенькими и симпатичными, тоже не хочу. Поэтому кладу ее обратно в чулан под лестницей, запихивая под ворох газет, под Девочку с фруктовым мороженым. Вот и все, готово!

Рецепт сэндвича с сыром и медом от Теда Баннермана. Раскалить на сковороде растительное масло. Намазать с обеих сторон сливочным маслом два куска хлеба. Взять немного чеддера – лично я предпочитаю нарезанный, но вы можете воспользоваться любым по вашему усмотрению. Это ведь ваш ланч. Взять немного меда и намазать им с одной стороны оба куска хлеба. Положить на мед сыр, а сверху нарезанные кусочки банана. Теперь сложить куски хлеба в сэндвич и обжаривать на сковороде, пока он не подрумянится с обеих сторон. Когда все будет готово, сбобрите его солью, перцем и соусом чили. Разрежьте пополам. Посмотрите, как сочатся сыр и мед. Да такой даже есть жалко! Ну или почти, ха-ха-ха!

Какой же ужасный у меня голос! Как у придурковатого ребенка с лягушкой в животе. Ладно, записывать рецепты я буду, но слушать их

стану только в случае крайней необходимости.

Вести такие записи мне предложил человек-жук. Сказал вести «дневник ощущений». От этих слов в моей душе поселилась тревога. Но он выразился просто. «Говори обо всем, что происходит и как это на тебя влияет». Ну, об этом не может быть и речи. Но записывать рецепты здорово, на тот случай если я в один прекрасный день исчезну и запомнить их будет уже некому. Завтра приготовлю сэндвич с клубникой и уксусом.

У Мамочки были свои представления о еде, но мне это дело нравится. Как-то раз я подумал, что мог бы стать поваром, может, даже открыть закусочную. Подумать только! «У Теда»! Или же писать кулинарные книги. Но из-за Лорен и Оливии ни того ни другого мне делать нельзя. Я не могу оставить их одних.

Об этом было бы неплохо с кем-нибудь поговорить. (Только не с человеком-жуком, ведь для меня очень важно не показывать ему, кто я такой на самом деле.) Мне хотелось бы делиться рецептами с другом, но у меня его нет.

С сэндвичем в руках я сажусь на диван и смотрю монстр-траки. Это просто здорово. Они оглушительно режут и едут куда им заблагорассудится. Для них нет преград, их ничто не может остановить. Сыр и монстр-траки. Мне надо бы радоваться. Но в голове одни только клювики и перья. А что, если и я тоже увяз в какой-нибудь липучей ловушке? Если просто исчез? Ведь за моей смертью некому наблюдать.

Мой бок чувствует едва заметное прикосновение. Оливия тычется мордочкой мне в ладонь и забирается на колени, перебирая тяжелыми, бархатистыми лапками. Затем все ерзает и ерзает, пытаюсь устроиться как можно удобнее. Она всегда знает, когда я расстроен. От ее урчания вибрирует диван.

– Ну все, киска, давай, – говорю я ей, – тебе пора в ящик, скоро придет Лорен.

Она закрывает глаза и расслабляется. Тельце кошечки становится таким безвольным, что, когда я несу ее на кухню, она чуть не выскользывает из моих пальцев. Потом открываю крышку старой, сломанной морозильной камеры. Мне еще сто лет назад надо было избавиться от этой штуковины, но Оливии она очень нравится, хотя почему, знает один только Бог. И хотя морозильник давным-давно не

работает, я по привычке убеждаюсь, что он не включен в розетку. На прошлой неделе мне стало боязно, что в нем не хватает воздуха, в итоге в крышке пришлось проделать пару лишних дыр. Убивать живых существ, конечно же, трудно, но вот заботиться о них, чтобы они могли жить и быть в безопасности, гораздо труднее. Уж кто-кто, а я точно это знаю.

Мы с Лорен играем в ее любимую игру. В ней много правил, помимо прочего подразумевающих носиться на бешеной скорости на розовом велосипеде по всему дому, выкрикивая названия мировых столиц. За правильный ответ Лорен дважды звонит в свой звонок, за неправильный четырежды. Игра хоть и шумная, зато познавательная, поэтому я ничего не имею против. Когда раздается стук в дверь, я кладу на ее звонок ладонь и говорю:

– Сейчас я открою, а ты сиди тихо. В смысле не шуми. И не подглядывай.

Лорен кивает головой.

Это Леди Чихуахуа. Из ее сумки нервно выглядывает пес. У него поблескивающие, дикие глаза.

– Судя по звуку, у вас тут в самом разгаре какие-то игры, – говорит она, – я хочу сказать, что детям по самой природе положено шуметь.

– Ко мне пришла дочь, – отвечаю я, – так что вы не вовремя.

– Да, несколько лет назад мне говорили, что у тебя есть дочь, – продолжает Леди Чихуахуа. – Кто же мне это сказал? Нет, теперь уже не припомню. Но я точно от кого-то слышала о твоей дочери. Мне было бы очень приятно с ней познакомиться. Соседям надо дружить. Я принесла тебе виноград. Он полезен для здоровья и сладкий, так что всем обычно нравится. Даже детям. Это ведь природная сладость.

– Спасибо, – говорю я, – но мне пора идти. У нас с ней нет возможности проводить много времени вместе. Да и потом, у меня не убрано.

– Как ты, Тед? – спрашивает она. – Нет, правда, как ты?

– В порядке.

– А как мама? Мне бы хотелось получить от нее весточку.

– С ней тоже все хорошо.

Она с минуту молчит и говорит:

– Ладно, думаю, еще увидимся.

– Эй, пап! – кричит Лорен, когда за Леди Чихуахуа надежно заперта дверь. – Чили!

– Сантьяго! – ору в ответ я.

Лорен верещит и стрелой уносится прочь, огибая ошестинившуюся углами мебель. Налегая на педали, она громко поет какую-то песенку о мокрице, и не будь я родителем, ни в жизнь не поверил бы, что куплет о какой-то букашке может доставить столько радости. Но именно это и делает любовь, будто запуская тебе в душу свою руку.

Она вдруг останавливается, визжа шинами по деревянным доскам, и говорит:

– Все, Тед, хватит за мной ходить.

– Но мы же играем!

На меня накатывает отчаяние. Ну все, пошло-поехало.

– Я больше не хочу. Уходи, ты меня бесишь.

– Прости, котенок, – звучит мой ответ, – но это невозможно, потому как я могу тебе понадобиться.

– Не нужен ты мне, – говорит она, – я хочу кататься одна.

Ее голос срывается на визг.

– Я хочу жить в собственном доме, есть собственную еду, сама смотреть телевизор и больше никогда никого не видеть. Хочу уехать в Сантьяго, в Чили.

– Знаю, – отвечаю я, – но дети не могут ничего этого делать сами. За ними обязательно должен присматривать кто-то из взрослых.

– Ничего, придет время, и я точно смогу, – говорит она.

– Но, котенок, тебе хорошо известно, что этого никогда не произойдет, – как можно мягче говорю я, стараясь вести себя с ней как можно искреннее.

– Я ненавижу тебя, Тед.

Сколько бы раз она ни повторяла эти слова, чувство от них возникает одно и то же: будто тебе в спину на скорости врезалось что-то тяжелое.

– Не Тед, а папа, – отвечаю я, – и никакой ненависти ко мне в тебе нет.

– Я тебя ненавижу, – гнет она свое тихим и тонким, как паук, голосом, – ненавижу.

– Может, поедим мороженого? – спрашиваю я, и эти слова даже для меня самого звучат виновато.

– Лучше бы мне вообще было не рождаться на свет, – говорит она, нажимает на педали, уезжает и прокатывается прямо по ее же собственному рисунку. По черной кошке с изумрудными глазами – Оливии.

Перед этим я совсем не врал: в доме действительно царит страшный беспорядок. Лорен пролила на кухне немного желе, а потом, носясь по дому, несколько раз по нему проехала, оставляя повсюду липкие следы. На диване валяются сломанные карандаши, повсюду разбросана грязная посуда. Это одна из ее любимейших игр – брать из буфета по очереди каждую тарелку, облизывать ее, а потом во весь голос орать: «Пап, а тарелки-то все грязные». Теперь она скатывается с велосипеда на пол, изображает из себя трактор, рычит и медленно ползет вперед.

– Чем бы дитя ни тешилось... – тихо говорю себе я.

Что поделать, родительский долг.

В полдень я принимаю таблетку, но когда пытаюсь ее запить, в меня врзается Лорен. Вода выплескивается из стакана на голубой ковер, пилюля выскакивает из пальцев, подпрыгивает, мелькая в воздухе крохотной, желтой точкой, и исчезает. Я становлюсь на колени и заглядываю под диван, но ее нигде не видать. А ведь их у меня осталось совсем немного.

– А чтоб тебя... – бездумно говорю я. – Твою мать...

Лорен громко верещит. Ее голос превращается в сирену и нарастает до тех пор, пока я не чувствую, что у меня вот-вот лопнет голова.

– Ты *ругаешься*, – хлюпает носом она. – Прекрати ругаться, ты, здоровенный, жирный мужлан!

И тут я не выдерживаю. Так уж выходит, помимо моей воли. Хотел бы сказать, что вышел из себя не из-за этого ее «здоровенного, жирного мужлана», но не могу.

– Все! – ору я. – Хватит, время вышло.

– Нет!

Она тянет коготки к моему лицу, метя острыми пальчиками в глаза.

– Не умеешь себя вести, значит, и играть здесь не будешь.

Мне удастся ее удержать, и она наконец сдастся без боя.

– Мне кажется, котенок, тебе надо немного поспать, – говорю я, укладываю ее в постель и включаю запись.

Шепот диска проигрывателя несет успокоение. Воздух наполняет милый женский голос. Стоит зимняя ночь, ни у кого нет ни лишней кровати, ни конфетки... Сейчас я уже не помню имени певицы. Ее глаза преисполнены сострадания. Она как мать – но мать, которую не надо бояться.

Я собираю карандаши с фломастерами и пересчитываю их. Все на месте, это хорошо.

Этой музыкой я приучаю Лорен ко сну. Она была нервным ребенком, а теперь постепенно превращается в трудного подростка. Как же это называется? Ах да, тинейджер. Порой, как, например, сегодня, она кажется совсем еще маленькой, ей хочется только одного – носиться на своем розовом велосипеде. То, что сейчас произошло, меня беспокоит. И для этого беспокойства есть немало поводов.

Первый и самый важный: я чаще ухожу. Такое со мной случается в состоянии стресса. А что, если я в один прекрасный день уйду и больше не вернусь? Тогда Лорен с Оливией останутся одни. Мне нужны таблетки посильнее. Надо будет поговорить с человеком-жуком. Пиво холодит руку, а когда я тяну за кольцо, шипит, как змея. Я беру из банки три маринованных огурчика, режу их пополам и мажу арахисовой пастой. Хрустит поистине замечательно. Закуска просто супер, отлично идет под пиво, но я не могу ею насладиться.

Второй: шум. Наш дом стоит в самом тупике, за ним больше ничего нет, один только лес. А дом, что слева от нас, давным-давно пустует; газеты, которыми изнутри залепили окна, пожухли и пожелтели. Поэтому я за долгие годы ослабил бдительность, позволяя Лорен петь и кричать. Над этим стоит подумать. Леди Чихуахуа ее уже слышала.

Под кухонным столом красуется россыпь черных какашек. Опять вернулась мышь. Лорен все еще слегка всхлипывает, но уже успокаивается, что само по себе хорошо. Музыка делает свое дело. Надеюсь, она немного поспит, а потом я разбужу ее к ужину, когда приготовлю любимое блюдо – хот-доги со спагетти.

Повод третий: и сколько она еще будет любить хот-доги со спагетти? Сколько я еще смогу ее защищать? За ней нужен

постоянный просмотр. Дети подобны цепям на сердце или шее, которые тянут тебя в разные стороны. Она слишком быстро взрослеет; я знаю, так говорят все родители, но это ведь сушая правда.

«Успокойся», – уговариваю я себя. Оливия в конечном итоге научилась радоваться существующему положению вещей. Котенком она то и дело подбегала к двери каждый раз, когда я ее открывал. В жизни не смогла бы выжить за стенами дома, но все равно подбегала. Теперь, правда, уже слишком поумнела, чтобы так делать. Если это поняла кошка, то поймет и Лорен. Я по крайней мере на это надеюсь.

День клонится к закату, и после ужина Лорен пора уходить.

– Пока, котенок, – говорю я.

– Пока, пап, – отвечает она.

– Через неделю увидимся.

– Ага.

Она теребит ремешок рюкзака. Ей, похоже, все равно, но мне этот момент ненавистнее всего. Я взял за правило никогда не показывать, насколько расстроен. Опять ставлю запись. В знойных сумерках ветром летит женский голос.

Когда мне выпадает гнусный день, в голове постоянно путаются «сейчас» и «тогда». В некоторых уголках дома мне слышатся Мамочкин и Папочкин голоса. Иногда они затевают перебранку по поводу того, кому из них идти в магазин. В другие разы в холле трещит, заливаясь звоном, старый телефон с диском, Мамочка подходит к нему и разговаривает с моей школой, сообщая, что я опять заболел. Порой мне приходится просыпаться от того, что она зовет меня завтракать. Причем отчетливо, будто звон колокольчика. Затем наступает тишина, и я вспоминаю, что их больше нет. Что они ушли. Одни только боги знают куда.

Боги гораздо ближе, чем нам кажется. Они живут среди деревьев, за такой тонкой оболочкой, что ее можно проковырять ногтем пальца.

ОЛИВИЯ

Тед позвал меня в тот самый момент, когда я вылизывала язычком зудевший участок на лапке. «Как некстати, – подумалось мне, – черт бы его побрал». Но в его голосе прозвучала та самая нотка, поэтому я все бросила и пошла к нему. Для этого всего-то надо было пройти по веревочке, которая сегодня сияет насыщенным золотом.

Он стоял в гостиной. Его взгляд блуждал где-то далеко-далеко. «Котенок», – снова и снова повторял он. В нем, будто черви под кожей, шевелились воспоминания. В воздухе витала гроза. Самая что ни на есть страшная.

Я прильнула к нему бочком. Он подхватил меня трясущимися руками. От его дыхания моя шубка шла бороздами. Я замурлыкала и прижалась к его щеке. Напряжение пошло на спад. Тед задыхался более размеренно. Я потерлась о его лицо мордочкой. В меня лавиной хлынули его чувства. Мне было больно, но я терпела. У кошек все быстро проходит.

«Спасибо, киска», – прошептал он.

Вы понимаете? Когда он меня позвал, я хоть и была занята, но все равно пришла. Господь поставил передо мной эту задачу, и я с радостью ее выполняю. Отношения с другими – вещь очень деликатная. Над ними надо трудиться каждый день.

Леди-тед поет свой заунывный мотив. Я знаю наизусть каждую ее композицию, едва заметную дрожь и крохотную фальшивую нотку в той песне о прериях. Он постоянно слушает эти записи, когда здесь нет Лорен. Теду, похоже, нужна компания. У меня такое ощущение, что кошка за собеседника не считается. Будь я обидчива, меня это наверняка бы оскорбило. Но теды всегда такие бедолаги, поэтому подобные вещи не стоит принимать на свой счет. Я говорю в целом, потому как не знаю ни одного теда, кроме Теда, у которого живу. Ну и Лорен, надо полагать.

Расскажу все с самого начала. Как он нашел меня во время грозы, в тот самый день, когда нас воедино связала прочная веревочка.

Помню, как я рождалась на свет. Сначала меня не было, а потом появилась, без всяких предупреждений. Меня вышвырнули из теплой утробы в холод, я запуталась в клочьях липкой оболочки плода, ощутила шерсткой первое дуновение воздуха и впервые открыла ротик, чтобы закричать. Она склонилась надо мной, огромная, как небо. Я почувствовала на шейке теплый язык и такие же теплые губы. Пойдем, киска, здесь небезопасно. Мама-кошка. Остальных мы бросили в грязи. Им было не пережить тот поход. Мягкие тельца, с которыми я все эти месяцы делила мрак, теперь неподвижно застыли в потоках ливня. Надо идти. Ее одолевал страх. Я точно могла это сказать, хотя и была еще совсем маленькая.

Ненастье, должно быть, продержалось не один день. Сколько именно, мне неизвестно. Мы переходили с места на место в поисках крова и тепла. Глазки мои на тот момент еще не открылись, поэтому память запечатлела лишь запахи и прикосновения: мягкое, пахнувшее землей место, где мы спали, резкую, неприятную вонь крыс. Ее мех на моем носике, когда она тесно сворачивалась вокруг меня калачиком, щекочущий аромат листьев падубы. Открыв глазки, я могла видеть лишь смутные очертания. На землю сверкающими ножами обрушивался дождь. Мир грохотал и дрожал. Поскольку, кроме грозы, я больше ничего не знала, мне казалось, что так будет всегда.

Я понемногу научилась стоять, а потом и ходить. Вскорости поняла, что с мамой-кошкой что-то не так, что-то не в порядке с ее телом. Она все медленнее двигалась. И мне доставалось все меньше молока.

Как-то ночью нас приютил овраг. Над головой, бичуемые бурей, трепетали кусты ежевики. Она согрела и покормила меня. Затем заурчала. Голос прозвучал слабо, тепло куда-то ушло. Потом мама-кошка затихла. Ко мне стал подбираться холод.

Послышался рев, ослепительно полыхнул луч света, только не дрожащий небесный сполох, а желтый круг. Что-то вроде сотканного из плоти, сверкающего в струях дождя паука. Тогда я не знала, что это называется «рука». Он объял меня со всех сторон, меня отобрали у мамы.

«Что это?» От него исходил резкий запах земли. Манжеты скользили от грязи. Рядом рычал зверь. Он посадил меня зверю в

утробу. По железной крыше мелкими камешками барабанил дождь. Он завернул меня в желтое, с голубыми бабочками, полотенце и согрел. Оно пахло кем-то знакомым, чем-то таким, что я уже знала или же страстно хотела узнать. Но разве так бывает? Я ведь даже не водила еще ни с кем знакомств.

«Бедный, маленький котенок, – сказал он, – я ведь тоже совсем один».

Я лизнула его большой палец.

В этот момент все и случилось. У него в груди, там, где полагается быть сердцу, вспыхнул приглушенный, белый свет, свился в веревочку и по воздуху протянулся ко мне. Я орала и брыкалась, но меня крепко держали. Свет обвился вокруг моей шеи и соединил меня с его сердцем. Никакой боли. Нас просто связали вместе. Не знаю, испытал ли он в тот момент те же чувства, что и я, – мне нравится думать, что да.

Затем он отнес меня в этот милый, теплый дом, где я могла постоянно спать, а он меня гладил. Мне даже наружу смотреть не нужно, да и не хочу! Все окна он заколотил досками. Тед превратил меня в домашнюю кошку, и с тех пор мне больше не приходилось ни о чем беспокоиться. Это только наш дом, и никого другого мы к себе не впускаем. Разве что Мрак, само собой разумеется, зеленых мальчиков и Лорен. Хотя если честно, то без некоторых из них я вполне могла бы обойтись.

Полагаю, мне надо нас представить. Ведь именно так начинают всякие рассказы. Это трудно. Я совершенно не различаю тедов в телевизоре. Я не знаю, какие детали важны, а какие нет. Словом... по цвету мой Тед наподобие песка. На лице у него лоскуты рыжего меха, несколько гуще на голове и темнее оттенком – что-то вроде лакированного дерева.

Что до меня, то Тед всегда зовет меня «ты», «котенок» или «киска». Но на самом деле меня зовут Оливией. На грудке у меня узкая, белая полоска, ярко выделяющаяся на фоне черной, как смоль, шубки. Длинный и стройный, словно палочка, хвост. Большие, удивительно подвижные уши с деликатными кончиками. Невероятно чуткие. Глаза в форме миндалин и зеленые, как оливки для коктейля. Думаю, не ошибусь, если назову себя красавицей.

Этот тихий звук, напоминающий то ли звон, то ли резкий голос, все не стихает. От машин такого не бывает.

Я поднимаюсь наверх. Мне нравится взбираться по лестнице, от этого возникает ощущение какого-то улучшения. А еще мне нравится спать на ступеньке в аккурат посередине пролета. Тогда возникает чувство, будто я плыву. Ковровая дорожка на лестнице черная, и я с ней отлично сливаюсь. Порой о меня спотыкается Тед. Он слишком много пьет.

Пока я обхожу комнаты, звук, кажется, не стихает, но и не нарастает. Странно. Дверь на чердак я обхожу стороной, можно сказать, десятой дорогой. Гнусное местечко. Затем становлюсь на задние лапы и тяну вниз ручку двери в спальню, которая громко щелкает и распаивается. (Люблю двери. Просто обожаю.) На кровати Теда с полдюжины мотков скотча. Он покупает его ярдами. И я понятия не имею, как он его использует. Я облизываю ленту. На вкус твердая и липкая. В ушах продолжает тихо жужжать *шшоошшш*. Я злобно *рычу* от нетерпения. Мне показалось или звук действительно как будто пустой, металлический, словно идет из трубы?

В ванной подпрыгиваю вверх проверить краны. Они не издают ни звука, лишь эхом отражаются от стен мои собственные попытки. Я лижу металл и обнюхиваю грязь по краям раковины. Мой Тед – не очень чистый тед. И его ванная совсем не похожа на те, что показывают по телевизору.

Шкафчик стоит нараспашку. На полках коричневыми рядами выстроились пузырьки. Я провожу по ним кончиком хвоста и слегка толкаю. Они с грохотом валятся на пол, из горлышек во все стороны брызгают таблетки. Розовые, белые, голубые. Тед никогда их толком не закрывает, потому как на них есть защитные колпачки, которые у него не получается открыть в пьяном виде. Таблетки вперемешку лежат на грязных плитах. Из них пара штук угодили в лужу, оставшуюся после утреннего душа. От них в воде уже расходится розовое облачко. Я бью лапой по бело-зеленой капсуле, которая стремительно скользит по полу.

ИИИИшшшшшш. Высокий звук. Это же послание, я его знаю, причем у меня такое ощущение, что оно адресовано лично мне. Но выяснять это уже некогда, потому как пришло *ее* время.

Мы с Тедом связаны одной веревочкой, я о нем забочусь, как и велел Господь. Но понимаете, у меня есть жизнь и помимо него. Есть свои интересы. Ну хорошо, хорошо, не интересы, а интерес, только один. Теперь настало время для *нее*, это очень волнительно и заманчиво.

Я стремительно скатываюсь вниз по ступеням и мчусь к окну, огибая сзади диван подальше от розового велосипеда и оставляя за собой следы лап в пыли. Знаю, что успею, но все равно боюсь опоздать, не в состоянии что-либо с собой поделать. Однако круги света ложатся на стены *в аккурат* под нужным углом. Запрыгиваю на небольшой, зеленый, покрытый макраме столик. Если встать на задние лапы и немного потянуться вверх, можно заглянуть в дырочку и увидеть за ветвями небольшого дубка улицу. В воздухе за мной тянется серебристая, светящаяся веревочка.

Остальные дырочки сделаны на высоте тедова роста, и мне до них не дотянуться. Для меня это единственная возможность выглянуть на улицу. Отверстие маленькое, размером, пожалуй, с двадцатипятицентovou монету. Мне видно совсем немного: кусок бугристого дубового ствола, несколько голых зимних ветвей, и за ними пара футов тротуара. Пока я смотрю, серое небо капитулирует и тихо ложится на землю снег. Тротуар постепенно исчезает под белым покровом, на каждой ветке застывает узкая белая кайма.

Это все, что мне известно об этом крохотном уголке мира. Думаете, я против? Думаете, тоскую, что не могу выходить на улицу? Ничуть. Там опасно. Мне и этого достаточно – до тех пор, пока у меня есть возможность видеть *ее*.

Надеюсь, Тед не передвинет столик с макраме. Что-что, а это он точно может. Тогда я бы точно взбеленилась, хотя терпеть не могу выходить из себя. Если она еще не пришла, я подожду. Это, конечно же, и есть любовь. Стойкость и терпение. Этому меня научил Бог.

Впереди нее шествует запах, сочась в воздухе, будто стекающий на тост мед. Своей грациозной походкой она заворачивает за угол. Как бы я ее описала? Она полосатая, будто припорошенный пылью тигренок. У нее желтые глаза цвета кожуры спелого яблока «голден», ну или мочи. Я в том смысле, что они просто прекрасны, как и она сама. Она останавливается и потягивается – то в одну сторону, то в другую, выпуская свои длинные, черные коготки. Потом быстро

моргает, когда ей на нос опускаются снежинки. У нее из ротика торчит что-то серебристое, вероятно, хвост. Небольшая рыбка типа анчоуса или сардинки. Мне всегда хотелось узнать, какая на вкус настоящая рыба. Мне достаются начос с сыром, остатки куриных наггетсов или же стейк с истекающим сроком годности из отдела «7-Eleven», где все продается со скидкой. А когда в животе действительно не на шутку заявляет о себе голод, мне приходится просить Мрака для меня поохотиться. (Я хоть и отвергаю любое насилие, но этот мир был создан не мной, поэтому раз надо, значит надо.)

«Надеюсь, твоя рыбка вкусенькая», – безмолвно шепчу я кошечке. Потом глажу лапкой фанерный лист. «Я люблю тебя». Ветер нарастает и переходит в стон, воздух плотнеет от кружащего в вихре снега, она уходит прочь черно-золотистой вспышкой. Представление окончено. Бог дал, Бог взял.

Увидев ее, я обычно люблю просто немного посидеть и подумать. Но тихий вой возвращается вновь, на этот раз уже громче. Я до боли и красноты расчесываю лапкой ухо. Разницы – никакой. Откуда этот звук, будь он неладен? *ИИИИИОооошшшшшшш*, и так без конца и края. Как я могу чем-то заниматься, когда в ушах стоит этот звон? Будто маленькие часы. Даже хуже, потому как у меня такое чувство, словно этот звук спрятался где-то внутри меня и больше никогда не прекратится. От этой мысли на душе становится неуютно. И о чем же этот набат возвещает? Что ждать от грядущего? Мне срочно нужно наставление.

Я иду к своей Библии. Да, теперь она моя, но раньше, думаю, принадлежала матери Теда. Но она ушла и пока не вернулась, поэтому я не вижу ничего плохого в том, чтобы ею попользоваться. Тонкие страницы шелестят, как засушенные лепестки цветов. Золотистая обложка манит взор, то и дело приглашая бросить на нее искоса взгляд, будто под ней таится какой-то секрет. Тед держит ее на высоком столе в гостиной. Если честно, то ему от нее нет никакой пользы, потому как он никогда ее даже не открывает. Книга изрядно истрепалась, но мне, что ни говори, обязательно надо прочесть молитву.

Я запрыгиваю на стол рядом с книгой. Эта часть для меня сплошное веселье, потому как я постоянно чувствую, что вот-вот

упаду. Дрожу и опасливо балансирую в воздухе. Затем лапкой подталкиваю ее к краю стола и сбрасываю вниз.

Она с громким стуком падает на пол и выворачивает наружу страницы. Я жду, зная, что это еще не все; через пару секунд дом содрогается, грохочет земля. Когда это случилось со мной в первый раз, я громко мякнула и спряталась под диван. Но потом догадалась: это Он знаками дает мне понять, что я все делаю правильно.

Я спрыгиваю вниз, аккуратно приземляюсь на все четыре лапы, и Господь направляет мой взор на строки, которые мне, по Его замыслу, надо увидеть.

Возлюбленные! Будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога^[1].

Справедливость этого высказывания повергает меня в трепет. Я люблю Теда, люблю мою кошечку, мой дом и мою жизнь. И считаю себя счастливой.

Если мне приходится по душе те или иные строки – наподобие приведенных выше, – я стараюсь их запомнить. Но удерживать в голове целые фразы – дело непростое. Это примерно то же самое, что опрокинуть на твердый пол чашу с шариками. Они сразу же разбегаются во все стороны, в темноту.

В действительности книга лишь ориентир. Думаю, что к кошкам Бог относится иначе и предпочитает говорить с нами напрямик. Мы видим мир совсем не как теда.

Я устраиваюсь на диване в круге света и нарочно поворачиваюсь к упавшей Библии спинкой, тем самым давая Теду понять, что я здесь совершенно ни при чем. Завывание немного стихло.

Но почему меня все еще не отпускает тревожное чувство? В чем может быть проблема? Строки из Библии – лучше не бывает. Так или иначе, но в жизни есть один фокус: если происходящее тебе не нравится, ложись спать и не просыпайся, пока все не прекратится.

Тед

Все последнее время я думаю о том, что надо бы записать те или иные воспоминания о Мамочке. Так они не исчезнут, даже если меня не станет. Не хочу, чтобы ее забыли. Только вот выбрать из них какое-то конкретное не так-то просто. У большинства моих воспоминаний есть свои секреты, и для такой цели они попросту не подходят.

В голову приходит отличная мысль. А как насчет того дня у озера? В этой истории никаких секретов нет. Сначала я никак не могу отыскать ту штукювину для записи голоса, хотя уверен, что в последний раз видел ее на кухне. Наконец, устроив настоящую охоту, обнаруживаю ее за диваном в гостиной. Странно. Но, чтобы вы знали, так уж устроен мой мозг.

Итак, начнем. Вот откуда у меня впервые появилась любовь к птицам. Как-то летом мы отправились в поездку на озеро. Мне было шесть, воспоминаний о том времени у меня почти не сохранилось, но зато я помню свои ощущения.

В тот день Мамочка надела свое любимое темно-голубое платье. Оно трепетало на жарком ветру, со свистом влетавшем в комнату через треснувшее оконное стекло. Она высоко заколола волосы, однако из пучка выбивались непокорные прядки, метавшиеся по длинной белой шее. Папочка сидел за рулем, и его шляпа в ореоле света напоминала черный горный кряж. Я лежал на заднем сиденье, задрав наверх ноги, и наблюдал, как в вышине проплывало небо.

– А можно мне завести котенка? – спросил я, затянув привычную в последнее время песню.

Вероятно, понадеялся, что, если застать ее врасплох, она ответит иначе.

– Нет, Тедди, никаких животных в нашем доме не будет, – ответила она, – ты знаешь, как я отношусь к домашним питомцам. Держать в неволе живых существ просто жестоко.

Можно было сразу определить, что она негдеиная. Мамочкин голос по-прежнему хранил едва заметные следы родных краев ее отца. Куцые, урезанные «р». Но еще больше об этом

свидетельствовала ее манера держаться. Она будто постоянно ждала удара в спину.

– Папочка, – произнес я.

– Слушайся мать.

Я скривился, будто хотел заплакать, но так, чтобы никто не видел. Не хочу быть надоедалой. Я провел по воздуху рукой, сделав вид, что ощущаю под пальцами шелковистый мех и крепкую головку с любознательными ушками. Сколько себя помню, мне всегда хотелось котенка. Но Мамочка неизменно отвечала отказом. (Помимо своей воли, я до сих пор терзаюсь вопросами: может, она знала что-то такое, чего не ведал я? Может – багровой полосой на горизонте – видела будущее?)

Когда мы подъехали ближе к озеру, в воздухе заструился запах глубокой воды.

Нам хоть и удалось прикатить пораньше, но побережье уже заполнили семьи, клетками шахматной доски на песке расстелив повсюду одеяла. Над зеркальной поверхностью тучами висели песчаные москиты. Яростное утреннее солнце впивалось в кожу не хуже укуса.

– Тедди, не снимай свою вязаную безрукавку, – сказала Мамочка.

Было жарко, но я знал, что с ней лучше не спорить.

Мы с папой играли в воде. Мамочка сидела в кресле, держа над головой голубой шелковый зонтик. На ветру по воде бежала рябь. Она не читала, лишь смотрела вдаль и пыталась разглядеть за лесом, землей и водой что-то такое, чего нам видеть было не дано. Со стороны казалось, что Мамочка то ли грезит, то ли следит за каким-то врагом. Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что она делала и то и другое.

На прилавке с сувенирами продавались крохотные брелоки для ключей, вырезанные из местной сосны. Просто чудесные, в форме собачек, рыбок и лошадок. Они тихо покачивались, глядя на меня деревянными глазками, серебристые колечки ловили лучи света. Я перебирал их сморщившимися от воды пальцами. И в самой глубине полки отыскал ее – безукоризненную кошечку, которая сидела идеально прямо, сложив вместе лапки. Ее хвостик выгибался вопросительным знаком, ушки выглядели тонкими и изящными. Резчик здорово поработал над завитками и вкраплениями в древесине, дабы

придать ей вид шелковистой шубки. Мне страх как захотелось ее заполнить. В груди возникло чувство, что мы попросту созданы друг для друга.

Мне на плечо легла Мамочкина рука.

– Положи на место, Тедди.

– Но она ведь не настоящая, – ответил я, – это всего лишь кусок дерева. Я мог бы взять ее домой.

– Идем, – сказала она, – пора обедать.

Она повязала мне на шею салфетку, протянула две небольшие баночки с бело-голубыми этикетками – в одной яблочное пюре, в другой морковное – и ложку. Я подумал, что все на меня пялятся, но ничего подобного, вероятно, не было и в помине. Другие ребята вокруг вовсю поедали хот-доги и сэндвичи. Мамочка перехватила мой взгляд.

– В них полно жира и консервантов, – сказала она, – а наш обед содержит полный комплекс питательных веществ. В этих баночках есть все необходимые тебе витамины. И стоят они совсем не дорого. Она говорила тоном медсестры, звучащим немного ниже ее обычного голоса, и чуть больше глотала согласные. Мамочка трудилась в больнице, приглядывала за больными детьми и поэтому знала, что говорит. Так что спорить с этим менторским голосом было нельзя. Папочка с одной работы уже ушел, а на другую пока еще не устроился. Будто провалился в глубокую пропасть и теперь никак не мог из нее выбраться. Он без лишних слов ел свой рисовый пудинг со сливами. В его больших загорелых руках баночка казалась совсем крохотной. Затем он налил из термоса кофе.

Рядом с нами нетерпеливая краснолицая женщина кормила ребенка. На баночке красовалась бело-голубая этикетка. В приступе ледяного ужаса я увидел, что ее чадо ест тот же протертый рис, что и мой отец.

– Брось, – сказал я ему, – люди увидят!

Мамочка посмотрела на меня, но никак не прокомментировала мои слова, а лишь обратилась к папе и спокойно сказала:

– Доедай.

После обеда она аккуратно сложила баночки в термобокс и произнесла:

– Тедди, ты знаешь, откуда твоя Мамочка родом?

– Локронан, – ответил я, – это в Бретани. Во Франции.

Это все, что я знал. Мамочка никогда не говорила о своих родных краях.

– В моей деревне был один мальчонка.

Мамочка посмотрела на озеро и дальше, казалось, стала разговаривать уже не со мной.

– Его родители умерли от страшного гриппа, который прошел по Локронану, как нож сквозь масло. Мы делились с ним чем только могли. Только вот у нас и самих было совсем немного. Он спал в нашем амбаре с овцами и ослом. Его имени я уже не помню. В деревне его звали Пемок'хом – в переводе с бретонского это означает «кабанчик» – потому что он ночевал в хлеву вместе со свиньями. Каждое утро Пемок'х подходил к двери нашей кухни, я давала ему стакан молока и полбуханки хлеба. А иногда, по воскресеньям, жир, остававшийся после приготовления говядины. На следующее утро он приходил опять. Я давала ему объедки со стола. Ботву молодой репы, битые яйца. Благодарил он меня всегда трижды. *Trugarez, trugarez, trugarez.* Мне никогда этого не забыть. Порой он был так голоден, что у него дрожали руки. За эту скудную еду он целыми днями работал в поле у моего отца. Долгие годы. И благодарил всегда от чистого сердца. Этот мальчонка знал, что такое человеческая признательность. И знал, насколько ему повезло.

Она встала и сказала:

– Теперь мне полагаются законные полчаса.

Папочка кивнул. Она ушла – в синем платье на фоне голубого неба. Мамочке никогда не бывало жарко.

Несмотря на кофе, Папочка крепко уснул, глубоко надвинув на лицо шляпу. Спал он теперь чуть ли не постоянно. Со стороны могло показаться, что каждая минута бодрствования истощает его силы. Краснолицая женщина не сводила с нас глаз. На нашу троицу она обратила внимание, еще когда кормила обедом ребенка. Я представил, что она так покраснела лицом оттого, что жутко обварилась кипятком, и жить ей осталось всего ничего. Всеми силами желал ей смерти, но день по-прежнему лишь клонился к закату. У дальнего берега озера, где линия роста деревьев подходила вплотную к кромке воды, затеяли свои игрища чирки. Папочка храпел. Когда его оставляли со мной, ему не полагалось спать.

Незадолго до этого на озере пропал мальчонка. Порой сюда на выходные привозили воспитанников детских домов. А может, привозят и сейчас. Вечером мальчик не пришел к автобусу. Время от времени я представлял, что с ним произошло, и тогда по моему телу радостно бежали мурашки. Он мог погнаться за красивенькой красной птичкой или же за ланью, забрел туда, где в озере было уже глубоко, а когда оступился и упал в холодную воду, рядом не оказалось никого, кто мог бы его услышать. Или же блуждал под громадной зеленой лесной сенью, пока весь его разум не позеленел, пока сам он не растворился в пестром свете, превратившись из мальчика во что-то еще. Впрочем, скорее всего он попросту вернулся в город автостопом. Все говорят, что от него были одни неприятности.

– Держи, Тедди.

Мамочкина рука лишь слегка коснулась моей головы, но я ахнул и вздрогнул, будто она меня ударила. Она вложила мне что-то в руку, и когда через миг у меня прошло вызванное солнцем ослепление, я увидел, что это такое. На моей ладони с явным удовольствием выгнула спинку крохотная кошечка.

Неистовый прилив радости был практически болезненным. Я погладил ее пальцем и сказал:

– Ух ты! Киса... Котенок!

– Нравится? – В ее голосе слышалась улыбка.

– Просто чудо, – сказал я, – как же здорово за ней будет ухаживать.

Но тревога струилась сквозь мою радость, как по вене.

– Ты дорого за него заплатила?

Я знал, что на тот момент мы были бедны, как знал и то, что знать мне этого не полагалось.

– Да так... – ответила она. – Не переживай, ради всего святого. Ты ее как-нибудь назовешь?

– Ее зовут Оливией, – сказал я.

Мне это имя казалось загадочным и стильным, для деревянного котенка как раз что надо.

Ее небольшое мотовство, казалось, подняло всем настроение. Я играл с Оливией и больше не думал о том, что о нас подумают окружающие. Мамочка что-то мурлыкала себе под нос. Даже

Папочка и тот улыбался и кривлялся на ходу, делая вид, что наступает на шнурки своих ботинок, и падая в песок.

Поскольку Мамочка взяла за правило извлекать из поездки максимальную пользу, мы тянули резину до тех пор, пока не разъехались практически все остальные. Тени становились длиннее, солнце все больше заглядывало холмы. Когда мы стали собираться, в сумерках уже носились летучие мыши. Машина впитала в себе я весь дневной зной и раскалилась как печка. Чтобы я мог сесть на обжигающее заднее сиденье, папе пришлось прикрыть его полотенцем. Я аккуратно положил Оливию в карман штанов.

– Утром за рулем был ты, – сказала Папочке Мамочка, – а теперь поведу я. Чтобы все было по-честному.

Папочка погладил ее по щеке и сказал:

– Из всех женицин ты просто королева.

Она улыбнулась. Ее взгляд был все такой же отстраненный. Только несколько лет спустя я заметил, что она никогда не разрешала папе садиться за руль после полудня, когда он прикладывался к термосу с кофе и изображал смешную походку.

Машина с урчанием пронзала опускающуюся ночь. Я был счастлив. Повсюду царили тишина и покой – как в моей душе, так и снаружи. В такой безопасности себя могут чувствовать только дети; теперь мне это доподлинно известно. Меня, пожалуй, сморил сон, потому что пробуждение, неожиданное и резкое, было сродни подзатыльнику.

– Мы что, уже дома? – спросил я.

– Нет, – ответила Мамочка.

Я сонно поднял голову, посмотрел по сторонам и по лучам фар понял, что мы съехали с дороги и остановились на грязной обочине. Там не было ни других машин, ни людей. По ветровому стеклу елозили огромные листья папоротника, напоминавшие страусиные перья. За ними, источая запахи и издавая звуки, беседовали между собой деревья, в воздухе жужжали ночные насекомые.

– У нас что, сломалась машина? – спросил я.

Мамочка повернулась и посмотрела на меня.

– Выходи, Тедди.

– Что ты делаешь? – В голосе папы слышался страх, хотя тогда я этого еще не понимал. И знал лишь, что его тон внушал мне к

нему отвращение.

– Ты спи, спи, – сказала Мамочка.

Затем обратилась ко мне и добавила:

– Давай, Тедди, прошу тебя.

Снаружи воздух казался твердым – будто по щеке провели влажной ваткой. В навалившейся тьме я почувствовал себя совсем маленьким. Но какая-то другая часть моего естества посчитала захватывающим оказаться ночью с Мамочкой в лесу. Она ничего не делала так, как остальные. Мамочка взяла меня за руку и повела прочь от машины, от света, под сень деревьев. Со стороны казалось, будто ее тусклое в ночи платье парит во мраке. Она напоминала морскую русалку, плывущую над океанским дном.

В лесу даже то, что было знакомо, выглядело странно. Несмолкаемая капель ночи превратилась в зябкую барабанную дробь тюремного каземата. Когда ветки деревьев издавали скрип, казалось, что это разминает свои чешуйчатые члены великан. Цеплявшиеся за рукава побеги превращались в костлявые пальцы, вполне возможно принадлежавшие существу, которое когда-то было мальчиком, но потом заблудилось в зеленом свете, да так и не вернулось. Я испугался и сжал Мамочкину руку. Она в ответ сжала мою.

– Сейчас, Тедди, я покажу тебе что-то очень важное.

Она говорила совершенно нормальным голосом, будто сообщала, с чем сегодня будут сэндвичи, и от этого мне стало лучше. Когда глаза привыкли к темноте, мне показалось, что весь этот полумрак пронизан каким-то сиянием, будто сам воздух пропитался светом.

Мы остановились под громадной пихтой.

– Здесь будет в самый раз, – сказала она.

За поскрипывавшими на ветру деревьями я по-прежнему видел слабые отблески наших фар.

– Сегодня я купила тебе кошечку, – сказала Мамочка.

Я кивнул.

– Она тебе понравилась?

– Да.

– Очень?

– Больше даже, чем... чем мороженое, – прозвучал мой ответ.

Я не знал, как объяснить ей то, что чувствовал к крохотной деревянной кошечке.

– А чего ты хочешь больше – ее или чтобы папа нашел себе работу? – спросила она. – Отвечай. Только правду.

Я немного подумал и прошептал:

– Ее.

– Ты помнишь ту больную раком девочку, за которой я ухаживаю в больнице? Чего ты хочешь больше – чтобы она поправилась или твою кошечку?

– Чтобы поправилась девочка.

Только так и никак иначе. В противном случае я был бы самым противным и подлым мальчишкой.

Она положила мне на плечо холодную руку и сказала:

– Не ври.

В горле возникло ощущение, будто туда натыкали кучу ножей. Я один-единственный раз кивнул головой и ответил:

– Я больше хочу кошечку.

– Хорошо, – промолвила она, – ты честный мальчик. Теперь доставай ее из кармана и клади на землю, вот сюда.

Я осторожно положил кошечку на заросли мха у подножия дерева. Мне было невыносимо расстаться с ней даже на минуту.

– Теперь возвращаемся к машине и едем домой, – сказала Мамочка и протянула мне руку.

Я хотел было поднять Оливию, но Мамочкины пальцы обвили мою руку не хуже наручников.

– Нет, – возразила она, – она останется здесь.

– Но почему? – прошептал я.

Мне подумалось, как холодно и одиноко будет ей в этой тьме, как ее намочит дождь, как она будет гнить, как белки будут грызть ее прекрасную головку.

– Это урок, – сказала Мамочка, – потом будешь меня благодарить. В этой жизни все лишь репетиция перед потерями. Но знают об этом только те, кто умен.

Она потащила меня обратно через лес к машине. Мир представлял собой черный морок. Я плакал так, что еще немного, и мое сердце разорвалось бы на части.

– Я хочу, чтобы ты почувствовал, какая нужна сила отказаться от того, что любишь. Разве ты не чувствуешь, что стал после этого сильнее?

Когда колючие звезды фар стали ближе, я услышал, как хлопнула дверца машины. От отца пахло потом и – как мне тогда казалось – сливовым пудингом. Он крепко прижал меня к себе.

– Куда вы ходили? – спросил он Мамочку. – Что происходит? Он плачет!

Папа повернул мое лицо в одну сторону, затем в другую, дабы увидеть, нет ли на нем ушибов и ран.

– Нечего устраивать истерики, – сказала Мамочка, и в ее голосе опять пробилась медсестра, – мы хотели найти сову. Они здесь как раз гнездятся. Потом Тедди уронил этот брелок для ключей в виде кошечки, и в темноте мы не смогли его найти. Отсюда и ручьи слез.

– Ах ты мой малыш, – произнес Папочка, – подумаешь, велика беда!

Его объятия ничуть не утешали.

Я больше никогда не просил котенка. Сказал себе, что он мне больше не нужен. И если бы любил его, то все равно пришлось бы оставить его в лесу. Или когда-нибудь он умрет – что почти то же самое.

Так что к своему уходу Мамочка стала готовить меня много лет назад. Теперь я понимаю ее лучше. Сам стал отцом и знаю, как страшно за ребенка. Думая о Лорен, я порой чувствую, что буквально свечусь от страха, как лампочка.

По возвращении домой Мамочка отвела меня в ванную и нежно осмотрела с ног до головы. Обнаружила на икре царапину, из которой выступила красная кровь, и заклеила пластырем из своей аптечки. Ломать меня, а потом чинить, снова и снова – вот какой была моя мать.

На следующий день Мамочка установила во дворе несколько кормушек для птиц, в том числе и шесть проволочных для привлечения мелких пернатых, подняв их высоко на шестах, чтобы до них не могли добраться белки. В те, которые стояли на земле, разложила сыр, в деревянные садки насыпала зерна, в пластиковые трубки семян подсолнуха, на нитках подвесила кусочки жира и каменной соли.

– Птицы – потомки великанов. – сказала она. – Давным-давно землей правили они. А когда все пошло наперекосяк, сделались маленькими, ловкими и научились жить на верхушках деревьев.

Пернатые – это пример выносливости. И они, Тедди, настоящие, дикие существа, куда лучше какого-то брелока для ключей.

Поначалу мне было страшно заботиться о них и кормить.

– Ты их у меня отнимешь? – спросил я Мамочку.

– Как я могу их у тебя отнять? – удивленно ответила она. – Они тебе не принадлежат.

И я понял, что она хочет показать мне нечто такое, что можно любить без всякой опаски.

Все это, вполне естественно, случилось еще до той истории с мышонком – до того, как Мамочка стала меня бояться. Теперь Убийца отнял у меня птиц, хотя она говорила, что это невозможно.

Я расстроился и был вынужден остановиться.

Все это произошло за пятнадцать лет до того, как на озере, на этом самом берегу, пропала Девочка с фруктовым мороженым. Озеро, Девочка с фруктовым мороженым, Убийца птиц. Я не люблю думать, что все это как-то взаимосвязано, однако события имеют обыкновение своими отголосками отражаться друг на друге. В конце концов, и в этой истории тоже могут быть секреты. И мне это не нравится.

Ди

Это случилось на второй день отпуска. По дороге из Портленда папа пару раз свернул не туда, но когда в воздухе запахло водой, они поняли, что опять едут правильно.

Лучше всего Ди помнит мельчайшие подробности; фруктовое мороженое в руке Лулу, липкой зеленью стекавшее на ее пальцы, деревянную палочку, елозившую по ее собственному пурпурному языку. Песок в туфельках, песок в шортах, что ей совсем не нравилось. По соседству на одеяле лежала другая девушка примерно ее возраста, с которой она пересеклась взглядом. Та закатила глаза и сунула в рот палец, сделав вид, что ее сейчас стошнит. Ди захихикала. От всех этих семейств сплошные неудобства.

К Ди подошла Лулу. Ремешки на ее белых шлепанцах перекрутились.

– Помоги мне, пожалуйста, Ди Ди.

Обеим сестрам достались мамины глаза – болотно-зеленые, с вкраплениями карего, большие и обрамленные черными ресницами. Увидев обращенный на нее взор Лулу, она заметила в нем знакомое признание беспомощности. Потому что понимала, что ценят ее меньше.

– Конечно, – сказала Ди, – ты ведь ребенок, хотя и большой.

Лулу взвизгнула и стукнула ее по голове, однако Ди все равно привела в порядок ремешки, надела шлепанцы на ноги сестры, скорчила рожицу, и они опять превратились в подружек. Ди взяла ее с собой к фонтанчику для питья, но Лулу это не понравилось, потому что вода там оказалась с привкусом карандашей.

– Давай угадывать мысли, – предложила Лулу.

Этим летом это стало ее новой затеей. В прошлом году они изображали из себя пони.

– Отлично, – ответила Ди.

Лулу отошла на десять шагов в сторонку, чтобы сестра не могла ее услышать. Затем, не сводя глаз с Ди, сложила ладони чашечкой и увлеченно что-то прошептала.

– Что я сказала? – спросила она. – Ты что-нибудь слышала?

Ди подумала и медленно произнесла:

– Похоже, что да.

– Что именно, Ди Ди?

Лулу чуть ли не тряслась, жаждая услышать ее ответ.

– Странно. Я просто стояла здесь, занималась своими делами и вдруг услышала, как прямо мне в ушко прошептал твой голосок: «Со мной одна морока, а вот моя старшая сестра Ди лучше всех».

– Неправда! Я этого не говорила!

– Странно, – сказала Ди, – а я услышала именно так.

– Так нечестно! – воскликнула Лулу, готовая вот-вот расплакаться. – Ты играешь не по правилам!

Ди обняла ее, почувствовала тельце сестры, ее косточки, ее нежную, нагретую солнцем кожу. Открытый затылок и темные, шелковистые, короткие, как у мальчика, волосы. Лулу терпеть не могла, когда ей напекало голову. Этим летом хотела обрить ее наголо, и маме стоило огромных трудов выиграть это сражение.

Ди пожалела, что подначивала сестру, и сказала:

– Я просто сглупила. Давай попробуем еще раз.

Затем поднесла к губам руки и ощутила ладонями собственное теплое дыхание.

– Мне нравится новый джинсовый комбинезон, который я купила на распродаже, – прошептала она, – но носить его можно будет только осенью, потому что сейчас для такой одежды слишком жарко.

Ди представила, как ее слова вплывают в ушки сестре. И попыталась все сделать как надо.

– Ты думаешь о школе танцев, – сказала Лулу, – мечтаешь о ней. И считаешь, что мама с папой вредные.

Ди опустила руки и медленно произнесла:

– Я так не считаю.

– Я прочла твои мысли, – возразила Лулу, – прошепчи что-нибудь еще, Ди Ди.

Ди опустила губы в теплую чашечку ладоней.

– Ты думаешь о своем однокласснике Грее, – произнесла Лулу, – и хочешь целоваться с ним взапрос.

– Я так и знала! – с нарастающей в душе яростью воскликнула Ди. – Ты читала мой дневник! Ах ты маленькая дрянь, вечно суешь нос в чужие дела!

Если Лулу расскажет маме с папой о Грее, они просто взбесятся. А может, даже передумают отпустить ее учиться. В сентябре Ди предстояло приступить к занятиям в Тихоокеанской балетной школе, но для этого надо было вести себя хорошо – выбросить из головы мальчиков, получать приличные оценки, вовремя приходить вечером домой и приглядывать за младшей сестрой.

– Не надо, Ди Ди, – попросила Лулу, – не кричи на меня.

Ее голос взлетел на октаву вверх, теперь она звучала как ребенок гораздо младше ее по возрасту и понимала, что зашла слишком далеко.

– Надо же! Возвращайся к маме с папой. Я даже не знаю, с какой стати пытаюсь с тобой...

– Но я еще не хочу к ним! Хочу пить, хочу потискать котенка...

– Воды ты попила, а никаких котят здесь нет, – сказала Ди.

Но в этот миг подумала, что видела торчащий вопросительным знаком черный хвост, исчезнувший за урной для мусора. Черные кошки, говорят, не к добру. Или наоборот?

Лулу подняла на сестру широко распахнутые глаза и тихо сказала:

– Не злись.

Они молча пошли обратно. Лулу вложила свою ладошку в руку Ди, та взяла ее, потому как вокруг было много народу, но держала едва-едва и не стала отвечать, когда сестренка ее пожалала. Лулу горестно скривила личико. От ее обиды Ди стало хорошо. У нее в груди гулко билось сердце. Она думала о дневнике, который хранила в вентиляционном отверстии в полу. Каждый раз, убирая дневник, она привинчивала крышку обратно. Лулу, наверное, долго его искала. Должно быть, взяла из папиного набора инструментов отвертку, отвинтила крышку, прочла дневник и завинтила обратно... От этой мысли Ди захотелось шлепнуть сестру, увидеть, как та заплачет. Ведь если Лулу захочет, то может *разрушить* ее жизнь.

С пяти лет Ди мечтала учиться в Тихоокеанской балетной школе. А чтобы добиться согласия родителей, она потратила еще одиннадцать. Там учились и мальчики, и девочки. Жить Ди предстояло в студенческом общежитии. Стоило ей упомянуть об этом обстоятельстве, как родители буквально исходили тревогой. Ди почти могла разглядеть в их глазах надежду на то, что этому что-нибудь да воспрепятствует. И ее поведение послужило бы отличным предлогом.

– Я ничего не скажу, Ди Ди, – произнесла Лулу, – клянусь. И читать его больше не буду.

Но Ди покачала головой. В конечном итоге Лулу все равно расскажет. Может, даже непреднамеренно, но это не важно. Так уж она была устроена. Ди придется схоронить дневник в первом попавшемся мусорном баке, а потом сказать, что Лулу все выдумала. Она надеялась, что этого будет достаточно.

Лулу устроилась в тени зонтика у маминых ног. Та дремала, прижимая к груди журнал. Папа сидел в полосатом шезлонге и читал книгу, то и дело потирая глаза. Он тоже устал и клевал носом.

Лулу сложила бантиком губки, взяла ведро с совочком и стала копать в песке.

– Какой я красивый камешек нашла, – заявила она, – Ди Ди, хочешь я тебе его подарю?

И протянула его сестре, в ее глазах плескалось беспокойство.

Ди не обратила на нее внимания.

– Можно мне искупаться? – спросила она отца.

– Полчаса, – ответил он, – если к этому времени не вернешься, я зову копов.

– Отлично, – сказала Ди, повернулась и для проформы закатила глаза, хотя на самом деле была удивлена.

Отец, должно быть, вконец выбился из сил, потому как обычно не оставлял ее без присмотра.

– Не торопись, Далила, – крикнула ей вслед мать, – возьми с собой сестру.

Ди уже отошла на достаточное расстояние, дабы прикинуться, что ничего не слышит, и зашагала дальше по лабиринту из цветных полотенец, пляжных зонтов и ветрозащитных щитов, чем-то напоминавших живую изгородь. Она не знала, кого или что ищет, и лишь понимала, что ей, дабы что-то эдакое могло произойти, надо остаться одной.

Ди старалась двигаться сквозь толпу будто в танце. И в каждый шаг, который делала, вкладывала определенный такт. В конце семестра Ди в своем балетном классе станцевала партию Гусеницы из «Алисы в Стране чудес». И до сих пор помнит, как изменились каждое *па* и *шене*, каждый *арабеск* и *девелоппе*, когда она действительно почувствовала себя гусеницей. Поэтому сейчас каждый сделанный ею

шаг представлял собой танец, в конце которого ее ждала великая любовь. Девушка представляла, как на нее, когда она проходила мимо, смотрят окружающие (мальчики), хотя и не видела обращенных на нее взглядов. Представляла, о чем они думают. Какие длинные и шелковистые у нее волосы, как она внешне отличается от других девушек, как загадочна, словно таит в себе какой-то секрет. Все это она воображала с такой силой, чтобы никакие другие мысли не лезли ей в голову, например о ее слишком большой заднице и необычной форме подбородка.

Она направилась к береговой линии и села на влажный песок у кромки воды. На мелководье покачивалась на волнах флотилия карапузов в нарукавниках. Дальше, у буйков, в непо потревоженной глади озера отражались деревья и небо – темным, перевернутым совершенством. Ди представила, что там, прямо под гладкой, зеленой поверхностью, затаились чудища. Где-то жарили гамбургеры, в воздухе стоял их запах, и Ди скорчила физиономию, всем своим видом говоря «Фу!». На тот момент ее пунктиком было отвращение к еде, и ей представлялось важным и дальше продолжать в том же духе, хотя бы для самой себя. Балерины гамбургеров не едят.

– Привет.

Над ней угрожающе нависла длинная тень. Затем шаркнула по песку, села и приобрела человеческие размеры. Парень. Стройный, с копной желтых волос на голове. И барашками белого крема на бледной коже.

– Привет, – ответила Ди.

Ему было не меньше девятнадцати. Она вдруг почувствовала, что у нее вспотели ладони, а сердце в груди застучало сбивчиво и нервно. И о чем они будут говорить?

– Меня зовут Тревор, – сказал он и протянул руку.

Это выглядело полным идиотизмом, и Ди ухмыльнулась, но заодно испытала в душе облегчение, потому что парень сразу перестал казаться ей чужим. Мама назвала бы его «хорошо воспитанным».

Ди приподняла бровь, чему научилась совсем недавно.

– Ну и как жизнь?

Руки ему она не подала.

Тревор залился румянцем и вытер ладонь о шорты, будто собирался сделать это с самого начала.

– Нормально. Ты здесь с родаками?

– Мне удалось от них отделаться, – ответила Ди, пожав плечами.

Он улыбнулся, будто ее шутка пришлась ему по душе.

– И где же они?

– Вон там, у поста спасателей, – сказала она и махнула рукой, – они спали, а мне стало скучно.

– В смысле родители?

– Ага, и младшая сестра.

– Сколько ей?

– Шесть, – сказала Ди.

Говорить о семье ей больше не хотелось.

– Где учишься?

– В Вашингтонском университете, – ответил он.

– Супер.

Значит, он студент колледжа.

– А я в Тихоокеанской балетной школе, – сказала она.

Почти что правда.

– Ух ты, – произнес он, и Ди увидела, что его взгляд потеплел от вспыхнувшего в глазах интереса.

Она давно поняла, что балерины парням нравятся. Очень женственные и загадочные.

– Хочешь мороженого? – спросил Тревор.

Ди подумала, пожала плечами, встала и отряхнулась от пыли.

Тревор тоже поднялся на ноги и сказал:

– Э-э-э... Там у тебя... Сзади на шортах.

Ди повернула голову и посмотрела. На белой джинсовой ткани темнело пятно.

– Должно быть, села на что-нибудь, – сказала она, сняла футболку и повязала ее на поясе, – ты иди, я тебя догоню.

А сама бросилась к женскому туалету, куда выстроилась очередь. Все брали с собой детей, порой сразу троих зараз, и каждому надо было справить нужду. Это занимало уйму времени. Ди чувствовала, что с каждым мгновением все становится хуже и хуже. По внутренней стороне бедра улиткой поползла струйка крови. Она схватила горсть бумажных полотенец и приложила к ноге. Потом наконец обратилась к крупной, потной женщине, стоявшей впереди.

– Э-э-э... У вас, случайно, нет гигиенической прокладки?

Дама вперила в нее взгляд и сказала:

– Вон на стене висит торговый автомат.

Ди вышла из очереди и подошла к аппарату. Тот принимал только четвертаки. У нее же был доллар с парой монеток по десять центов.

– Кто-нибудь не разменяет мне доллар?

– А где твоя мама? Почему она о тебе не позаботилась? – сказала дама с краснолицей малюткой на плече.

– Кто-нибудь разменяет мне доллар? *Ну пожалуйста!*

Она подпустила в голос сарказма и немного злости, дабы все увидели, что еще чуть-чуть и из ее глаз брызнут слезы.

Какая-то леди с белокурым каре на голове протянула ей четыре четвертака. Но аппарат оказался неисправен, и монеты снова и снова со звоном падали в лоток для возврата. Ди несколько раз моргнула, дабы не расплакаться, и вернула их даме.

Она как могла помылась. Затем на глазах женщин в очереди ополоснула в раковине шорты. Боже правый, она же просто в купальнике, как и все остальные. А футболка на поясе все прикрыла, так что порядок. Ди вернулась в очередь и стала ждать.

Когда она подошла к лотку с мороженым, Тревора там не оказалось. Девушка решила на пару минут там задержаться, хотя и понимала, что он уже не придет. Может, она слишком долго возилась в туалете и он попросту сдался. Хотя скорее всего не захотел покупать мороженое девушке, которая даже не знает, когда у нее месячные.

Ди бросила футболку на берегу и мимо карапузов с нарукавниками вошла в озеро. Сначала по колено, затем вода дошла ей до бедер, а там и до пояса. Теперь она почувствовала себя в безопасности, она спряталась. В дневной зной холодная озерная вода внезапно ударила ее своей тяжестью, от чего по спине поползли мурашки. Ди провела пальцами по встревоженной зеркальной поверхности, подлинной шкуре воды. Озеро ворочалось вокруг нее, как медлительный зверь. Она зашла глубже, пока вода не дошла ей до подбородка и легкое течение чуть не оторвало ее ноги от каменистого дна. Теперь, на фоне холодной воды, солнечных лучей и летней толпы на берегу, гул которой несся над водой, нагоняя жуть, боль внизу живота почти даже доставляла ей удовольствие. Ей вдруг стало глубоко все равно, что не вернулся тот парень. Ее тело, похоже, прекрасно чувствовало себя наедине с самим собой. В последнее

время ее завораживали собственные настроения. Организм вел себя удивительно и как-то по-новому, словно друг, которого ты еще не успел толком узнать. Боль и наслаждение заявляли о себе новыми гранями. Она будто стала историей, которая разворачивалась каждую минуту. В прохладной неге озера Ди закрыла глаза. Все это происходило с ней здесь и сейчас.

По щеке девушки скользнуло что-то гладкое. Снова и снова, будто играючи. Ди открыла глаза. В поле зрения заструилась бело-серая чешуя. Она затаила дыхание. Тело змеи оставалось под водой, но голову она подняла и держала над водой, словно лебедь. Пресмыкающееся кружило вокруг девушки, с любопытством ее разглядывая. Один раз, проплывая мимо, слегка коснулось ее руки, по всей видимости привлеченное теплом человеческого тела. К какому виду принадлежала эта змея? Ди попыталась привести свой вибрировавший мозг в действие. Похожа на щитомордника, но они здесь не водятся. В голову настойчиво лезла еще одна мысль, и девушке приходилось прилагать массу усилий, чтобы ее туда не пускать. *Гремучая змея*. В этот момент она поняла, что слева от нее перископами торчат еще две головы, а то и три или четыре. Целая куча, возможно выводок. Молодые, хотя уже зрелые змеи, и большая, взрослая особь, почтенного возраста, с широкой, безгубой улыбкой. Сколько именно их было, она сказать не могла – сердце замерло у нее в груди. Тупая голова грациозно метнулась к ее лицу. Ди закрыла глаза и подумала: «Все, конец». А потом стала ждать, когда в нее своими острыми, ядовитыми клыками вопьется провонявшая падалью пасть. Ей показалось, что ее челюсть легким поцелуем обжег чей-то язык. В ушах ударами грома билась жизнь. Борясь с течением, она старалась неподвижно замереть на месте, превратиться в камень, в неживую материю. Что-то коснулось плеча, будто медленно погладило.

Она не знала, сколько так простояла – время сначала растянулось, потом кануло в небытие. А когда наконец открыла глаза, перед ней простиралась зеркальная гладь воды, на которой больше ничего не было. Вполне возможно, они ушли. А может, незримо обвилились под водой вокруг рук и ног. Их прикосновения она будто чувствовала всем своим телом. Ди безудержно затряслась, голову напекло яркое солнце. Под ней подогнулись колени, она ушла под воду, попыталась сделать вдох, и ей в рот будто залили олова. Ди повернулась и побрела к

берегу. Вода хватала ее за ноги, убийственно замедляя каждый шаг. Она до сих пор чувствовала, как змеи, как рождественские гирлянды, оплетают ее конечности.

Ди дошла до берега, пропахала, будто плугом, ногами в воде борозду, и на нее вновь обрушился вес собственного тела. Она пошатнулась и упала. Как же приятно было лежать боком на песке. Она свернулась в клубок и заплакала, никем не замеченная среди безудержно носившейся, обгоревшей на солнце ребятни.

Девушка медленно потащила обратно, минуя одеяла и зонты. В воздухе витал запах раскаленного сахара, в лодыжки впивался песок. Часов у нее с собой не было, но она знала, что прошло явно больше получаса. Теперь ей хотелось только одного – вновь обрести надежное пристанище в кругу семьи. Мать задрожит, расплачется и прижмет Ди к себе. Лулу испугается, но и придет в возбуждение, спрашивая снова и снова: «Сколько тебя окружило змей? А какие они были?» Отец придет в ярость, будет вопрошать, чем вообще занимаются спасатели, а она будет греться в жарком пылу его гнева, зная, что ее окружили заботой. И все случившееся превратится в историю, которую потом они все порой будут рассказывать приглушенными голосами. *А помните, как на Ди Ди напали змеи?* История эта заживет своей собственной жизнью, и от нее в теле больше не будет холодеть каждая кость.

Даже издали Ди увидела, что родители будто белены объелись. Мама вопила, папа орал. Рядом виднелась пара спасателей, еще несколько человек переговаривались с кем-то по рации. Ди съезжилась от страха, сбитая с толку. Боже правый, она ведь опоздала совсем чуть-чуть.

Подойдя ближе, девушка услышала слова отца:

– Я ведь только на минуту уснул. Всего на одну минуту.

Ди подошла к одеялу и села в тени.

– Мам? – сказала она. – Прости, что...

– Ди, прошу тебя, помолчи. Отец лишь пытается заставить всех этих людей *сделать* хоть что-то.

У мамы дрожали губы. По лицу черной кровью стекала тушь. Она вдруг вскочила на ноги и заорала:

– Лулу!

Соседи повернули в их сторону головы.

– Лулу! – опять завопила мать.

– У нее короткие волосы... – вновь и вновь повторял отец. – Ее часто принимают за мальчика. Она не хочет их отращивать.

Ди поняла две вещи: во-первых, никто не заметил, сколько она отсутствовала, а во-вторых, нигде не было видно Лулу. Девушка вздохнула и завела за ухо прядку волос. От боли внизу живота ей совсем поплохело. В груди шевельнулось неприятное чувство. Лулу опять устроила спектакль. Теперь никто уже не утешит Ди и не избавит ее от истории со змеями.

По мере того как этот долгий, жаркий день близился к вечеру, приходили все новые люди, в том числе уже настоящие полицейские.

– Лаура Уолтерс, уменьшительное Лулу... – говорил каждый из них в рацию, а потом они стали повторять то же самое всем на берегу через громкоговоритель на шесте у стойки с хот-догами. – Лаура Уолтерс, шесть лет, каштановые волосы, светло-карие глаза, джинсовые шорты и красная майка на лямках.

И только уже в сумерках, когда опустел парк, до Ди стало доходить, что в этот день Лулу они не отыщут. А чтобы понять, что она больше не найдется никогда, времени понадобилось гораздо больше. Она ушла незнамо куда и неизвестно с кем и так и не вернулась.

Несколько недель спустя за много миль оттуда семья из Коннектикута в ворохе своих пляжных принадлежностей наткнулась на белый шлепанец. Ни одна живая душа не могла сказать, как он там оказался и принадлежал ли вообще Лулу. Шлепанец побывал в прачечной вместе с их одеждой.

Теперь Лулу было бы семнадцать. Нет, *никаких «бы»*, поправилась Ди, – Лулу *сейчас* семнадцать.

«Какой я красивый камешек нашла», – это была последняя фраза, сказанная Лулу сестре. Бывали дни, когда Ди не могла думать ни о чем, кроме этого камешка. Как он выглядел? Каким был – гладким или шероховатым, серым или черным, острым и угловатым или же помещался в ладошку Лулу отполированным кругляшом? Теперь Ди этого уже никогда не узнать, ведь в тот момент она встала и отошла, даже не бросив на него взгляд.

В надежде хоть на какие-то новости семейство Уолтерсов целый месяц оставалось в Вашингтоне. Но делать им там было нечего, а

папин начальник уже терял терпение. В итоге они возвратились обратно в Портленд. Без Лулу дом казался странным. Ди никак не могла запомнить, что стол нужно накрывать на троих, а не на четверых, от чего мама постоянно плакала.

Вскоре та ушла. Ди знала, что маме невыносимо видеть в ней бледную копию пропавшей дочери. Она сняла с текущего счета все деньги и ушла. Ди не могла ее в этом винить, хотя отца обуревали совсем другие чувства. Потом произошло еще одно событие.

Накануне вечером с неба тихо сыпал снег, больше похожий на пепел. Отец в гостиной внизу соорудил модель самолета. Ноздри Ди щекотал поднимавшийся по лестнице запах эпоксидной смолы. Он сидел так часами, пока от этих испарений у него не покраснели глаза. А в постель ложился почти на излете ночи.

«Завтра с ним поговорю, – подумала Ди, – придется».

В Тихоокеанскую балетную школу она на семестр опоздала, однако могла еще все нагнать. С деньгами было туго, но кто ей мешает устроиться на работу? Отцу, чтобы клеить модели самолетов и невидящими глазами смотреть во мрак, она, что ни говори, была не нужна. От вгрызавшегося в нее чувства вины Ди едва могла дышать. Воздух отяжелел от смешавшихся запахов разогретого клея и отчаяния. «Нет, я должна жить другой жизнью, – подумала она, – так живут только призраки». Слезы прочертили на ее щеках пылающие следы.

Утром Ди сделала особый кофе, дабы отнести отцу в постель. Готовился этот особый кофе в замысловатой стеклянной штуквине из Сан-Франциско, и чтобы его оттуда накапать, надо было потратить уйму времени. Он получался горьким и смолистым, как речной ил, и отец его очень любил. Возможно, он вложил в эту кофеварку всю свою любовь, ведь вещи поважнее доставляли слишком много боли. Ди эта машина напоминала о временах, когда они все еще были вместе, и не внушала ничего, кроме ненависти. Она плеснула на размолотые зерна кипятку. Кухню заполнил темно-коричневый аромат. Этим утром она намеревалась с ним поговорить. Поговорить по-настоящему.

Девушка закатала длинный рукав, пролила на запястье немного кипятка и ахнула. Потом стала смотреть, как на коже вздувается браслет из красных волдырей. Это помогло. Она раскатала рукав,

чтобы спрятать ожог, и окончательно расставила все на подносе. Сегодня Ди ему все скажет. Он вззоет от боли, станет беситься, но она не могла больше все держать в себе. *Красивый камешек.*

Ди вошла к отцу в комнату и поставила поднос на стол. Ей подумалось, что от аромата кофе он проснется в хорошем настроении. Она расшторила окно навстречу заснеженному миру снаружи. Дома, почтовые ящики, машины – все они по краям сглаживались белой порошей. Ди повернулась, чтобы сказать: «Посмотри сколько его выпало за ночь!» И тут увидела его. Его тело лежало на кровати неестественно прямо, неподвижное в ослепительном, белоснежном свете. На лице застыло выражение, которое она поначалу никак не могла определить. Но потом узнала в нем удовлетворенность.

Ей сказали, что он умер от инсульта. Но о том, связан ли он был с исчезновением Лулу и последующим уходом мамы, не обмолвились ни словом. Да и не надо было. Тот, кто отнял у Ди Лулу, также лишил ее матери, а затем и отца. Отнял ее саму. Ведь что после всего случившегося от нее осталось? Теперь она чувствует себя большой, темной, пустой комнатой.

В балетную школу путь теперь был заказан – у Ди не было на нее денег. Окончить школу она тоже не смогла. Устроилась работать в аптеку, но попутно нашла себе настоящее занятие – занялась поисками того, кто стоял за исчезновением сестры. Мужчины, приехавшие в тот день на озеро, взгляды, списки подозреваемых. Вот что стало для нее настоящей работой.

Она каждую неделю звонит замотанной Кэрен, если не чаще. Замотанная Кэрен – детектив, ведущий дело Лулу. Когда она говорит, в ее голосе неизменно слышится, с одной стороны, утомление, с другой – неистовство. У нее выразительное лицо, на котором написана каждая виденная ею боль, каждая спина, которую она когда-либо обнадеживающе похлопывала, каждая протягиваемая ею утешительная салфетка, искаженные черты каждого заходящегося перед ней в крике человека.

Одно время они с Ди сблизились. Детективу было жалко юную девушку, у которой никого не осталось. *Зови меня Кэрен.* Когда Ди ей звонила, она рассказывала о ходе следствия. Теперь же говорит только одно: «Мы над этим работаем».

Тед

Я не всегда могу сказать это наверняка, но на этот раз совершенно уверен, что совершу нечто очень важное. Найду друга. В последнее время я все чаще ухожу из дома. Кто присмотрит за Лорен и Оливией, если в один прекрасный день мне не суждено будет вернуться? Я один, а этого явно недостаточно.

Мамочка трижды брала меня в лес. А в последний раз отослала обратно одного. Да, я по-прежнему чувствую под темной сенью листвы ее присутствие. Она прячется в мельтешении света на лесной подстилке. А порой – да-да – в шкафчике под раковиной. Но если по правде, то с того самого дня я сам по себе.

Я убеждаю себя, что это все ради Лорен с Оливией, и это действительно так. Кроме того, мне больше не хочется оставаться одному. Я выбираю время, когда рядом нет Лорен. Если бы она знала, чем я занимаюсь, ничего хорошего из этого бы не вышло. Я снимаю висячий замок со шкафчика в гостиной, где у меня хранится ноутбук. В темной комнате зажигается квадрат призрачного света – будто дверца в потусторонний мир.

Найти сайт проще простого. Их сотни. Только вот что потом? Я прокручиваю страницу за страницей. Мелькают лица, глаза, имена, даты рождения, крохотные обрывки существования. Напряженно размышляю, что именно мне нужно, что лучше всего подойдет Лорен. Женщины, говорят, заботливее мужчин. Значит, думаю, женщина. Но женщина особенная, способная вникнуть в нашу ситуацию. Некоторые из них выглядят весьма мило. Вот эта, тридцать восемь лет, любит серфинг. Ее добрые глаза – две голубые лучинки, того же цвета, что и море за ее спиной. Кожа немного загорела от солнца и соленой воды. Волосы цвета сливочного масла и ровные, белые зубы. На лице радостная улыбка. Судя по виду, она из тех, кто заботится о других. Следующая – сплошь цвета леса: черный, коричневый, зеленый. Красивая, облегающая одежда. Специалист по связям с общественностью. Помада на ее губах похожа на мазок красной масляной краски.

Несколько лет назад я снимал все зеркала, потому что они расстраивали Лорен. Но чтобы знать, как я выгляжу, они мне не нужны. Ее слова меня ужалили. *Здоровенный, жирный*. Мой живот как резиновый мешок. Висит, будто его пристегнули ремнем. Я без конца толстею и не могу с этим ничего поделать. Сшибаю все, что попадается на пути, пружиню от дверных проемов. Для меня непривычно занимать в мире так много места. На улице я бываю нечасто, поэтому кожа у меня бледная. Недавно Лорен взяла в привычку горстями драть из меня волосы, поэтому на черепушке среди каштановой растительности сияют бледные проплешины. А поскольку ни бритву, ни ножницы я в доме не держу, у меня во всю грудь отросла борода, рыжая и густая. По какой-то непонятной причине она и по цвету, и по структуре отличается от шевелюры на голове. Похожа на накладную, сродни тем, которые напяливают актеры, когда играют пиратов. Руки и лицо у меня все в царапинах, ногти на руках обкусаны чуть ли не до крови, а на ногах... я долго не мог набраться смелости на них посмотреть. Все остальное... Об этом вообще стараюсь не думать. В последнее время ко мне прилип запах, что-то вроде грибов или сырой земли. Собственное тело точит на меня зуб.

Я прокручиваю страницу дальше. Где-то здесь должен быть друг, точнее подруга. С экрана на меня смотрят женщины – светится кожа, искрятся глаза. В профиле каждой из них забавные интересы и бойкие шутки. Я пытаюсь придумать, как описать себя, и набираю: *Одинокий отец. Любит проводить время на свежем воздухе*. Поклоняется богам в белых деревьях... Ну уж нет. Кого мне взбрело в голову дурачить?

На прошлой неделе я отправился в «Севен-Илевен» купить еще пива. Чувствуя в теле слабость, сел на ступеньки магазина, буквально на секунду. Не исключено, что по старой привычке. Но еще потому, что я просто устал. А когда открыл глаза, увидел, что у моих ног бросил несколько двадцатипятицентовых монет какой-то парнишка. Я зарычал, как медведь, он подпрыгнул и убежал. Четвертаки остались у меня. Не могу представить себя в одной комнате с этими женщинами.

Когда я уже собираюсь выключить компьютер, до моего слуха долетает какой-то шорох. На затылке медленно встают дыбом волосы. Ноутбук не закрываю, не хочу остаться в темноте один. У меня такое чувство, что по затылку бежит чей-то взгляд. В тусклом, голубом

сиянии мебель лежит незнакомой, безмолвной тенью. Я никак не могу отделаться от ощущения, что она на меня смотрит.

Внутренности сжимаются в тугий комок. А где я, собственно, нахожусь? Тихо встаю и смотрю по сторонам. Уродливый голубой ковер на месте, ставим галочку. На каминной полке трупиком среди развалин музыкальной шкатулки лежит балеринка. Значит, где я, мне известно. Но кто здесь еще, кроме меня?

– Лорен? – шепотом спрашиваю я. – Это ты?

В ответ – тишина. Глупость, я знаю, что ее здесь нет.

– Оливия?

Но нет, это не она.

Затылок холодит Мамочкина рука, в ухо тихо льется ее голос.

– *Их всех надо перенести на другое место,* – говорит она, – *никто не должен узнать, кто ты на самом деле.*

– Но я не хочу, – отвечаю ей я, и эти слова даже в моих собственных ушах звучат плаксиво, как у Лорен, – мне от этого тоскливо и страшно. Не заставляй меня.

Шуршит Мамочкина юбка, в воздухе тает аромат ее духов. Но она не ушла, потому что никогда не уходит. Возможно, решила провести немного времени в воспоминаниях, громоздящихся вокруг дома снежными сугробами. А может, скрючилась под раковиной, где у нас хранится галлонная бутылка уксуса. Ненавижу находить ее там, когда она ухмыляется во тьме с лицом, подернутым голубоватой дымкой.

Свежая банка настолько холодная, что чуть не примерзает к руке. Когда я ее открываю, она громко хлопает и шипит, утешая мой онемевший дом. Я прокручиваю дальше, вглядываясь в женские лица, но в моей голове напекает Мамочкин голос, и в этом нет ничего хорошего. Иду за лопатой. Пора на лесную опушку.

Я вернулся. Надо все записать, на тот случай, если забуду, как повредил руку. Порой мне не удастся запомнить то или иное событие, и это меня пугает.

В себя я пришел от какого-то гула. На моих губах что-то копошилось. В утреннем воздухе кружили тучи недавно появившихся на свет мух. Все происходило будто во сне, но я все же бодрствовал. Натянутая промеж деревьев паутина кругопрядов сияла в лучах солнца, таких ярких ранним летом. От этого мне вспомнилось то

стихотворение. «Иди ко мне в паутинку», – сказал паук мухе. Обычно следует сочувствовать мухе. Но по правде говоря, мух никто не любит.

Моя рука была изогнута под неестественным углом. Думаю, я упал. Во рту ощущался металлический привкус, должно быть, от прикушенного в отключке языка. Я сплюнул к подножию рябины кровь. Подношение птицам, щебетавшим в ветвях деревьев у меня над головой. Кровь за кровь. После того убийства они больше не прилетят в сад. О таких вещах пернатые передают друг другу из уст в уста.

Каким-то образом мне удалось добраться домой. Как же приятно было слышать щелчки ригелей замков, встававших на место. Я в безопасности.

Медленно возвращалась память. Я хотел перенести на новое место богов. В своей могиле они теперь покоятся год или около того. На самом деле им не стоит оставаться на одном месте больше пары месяцев, потому как после этого они начинают приманивать к себе людей. Поэтому я отправился их выкопать. Но у леса, особенно ночью, появляются собственные мысли. Пора бы это уже запомнить. Вздрогнула земля, у меня из-под ног вывернулись корни. А может, мне просто слишком ударил в голову хмель. Так или иначе, но я упал. Последним, что отложилось в памяти, был хруст в плече в тот момент, когда я ударился им о землю.

У меня исцарапано лицо, а по всей руке расцвели черные цветы. Выпрямляться она не желает. Я сделал из старой футболки перевязь. Не думаю, что она у меня сломана. Даже если ты не чувствуешь боли, стоит пораниться, как в голове и во всем теле возникает какое-то странное чувство. Мои мысли теперь разбегаются во все стороны.

Когда я перед этим спустился вниз, Оливия не бросила меня одного. Думаю, из любопытства. Она лизнула мое лицо. Эта кошка знает настоящий вкус крови.

ОЛИВИЯ

– Вот я и дома, киска.

Тед прислонился к двери, черным пятном в ореоле света. В том, как он стоит, есть что-то неправильное. Он как бы вваливается в дом, поворачивается и дрожащими руками закрывает дверь. Чтобы запереть замки, ему приходится предпринять несколько попыток.

– Со мной приключилась одна странность, – говорит он.

Его рука согнута под необычным углом. Он кашляет, и капелька крови, кружась, пролетает в воздухе. Потом приземляется на оранжевый ковер и замирает там рубиновым шариком.

– Пойду посплю, – говорит он и поднимается на второй этаж.

Я слизываю с ковра темное пятнышко и ощущаю слабый привкус крови. ООооооооииииоо. Тут же возвращается вой.

Когда я сегодня запрыгиваю на свой наблюдательный пункт, кошка уже здесь – сидит на заплеванном бордюре у тротуара. От ее вида у меня воспламеняется сердце. Я мурлычу и стучу лапкой по стеклу. На холоде у нее вконец распушилась шубка. Зримо она будто стала вдвое больше. Не обращая на меня никакого внимания, она деликатно обнюхивает дуб в палисаднике и замерзшую лужицу на тротуаре. Потом, наконец, смотрит прямо на меня. Мы встречаемся взглядами; в ее глазах можно утонуть. Думаю, она ждет, когда я нарушу молчание. Но я, конечно же, в этот момент не могу придумать, что бы такого сказать. Поэтому она отворачивается, а для меня наступает агония, но потом все становится еще хуже. По тротуару фланирует тот самый белый кот. Здоровущий, с колокольчиком на ошейнике. Заговаривает с ней и пытается потереться о ее мордочку щекой. Я шиплю с неистовством закипающего чайника. Он пытается оставить на ней свой запах, но моя кошечка для этого слишком умна. Она выгибает дугой спинку и тактично скрывается из виду. Я готова плакать от облегчения, но вскоре меня охватывает тоска от ее ухода. Боль каждый раз пронзительная и блестящая, как новенький цент.

Позвольте сообщить вам несколько фактов о белых котиках. Они коварны, убоги, а ум у них ниже среднего. Да, я понимаю, так говорить не годится, потому как это «неполиткорректно», но это, черт возьми, сущая правда, о которой знает каждый дурак.

Да, я помню, как появилась на свет, о чем уже говорила. Однако подлинное мое рождение состоялось потом. Хотите познать Господа? Он хочет познать вас. Шутка, у него такого желания скорее всего нет. На деле Бог очень разборчив. И показывается далеко не каждому. Поэтому когда выбирает тебя – как круто! – ты действительно об этом знаешь.

В тот день я узнала о своем жизненном предназначении. Оно есть у каждой кошки, точно так же как каждая кошка может становиться невидимой и читать мысли (в последнем занятии мы особенно хороши).

Я не всегда испытывала к Теду благодарность за то, что он меня спас. Какое-то время мне совсем не хотелось быть домашней кошкой. Когда он принес меня домой, на душе было одиноко и я много плакала. Мне не хватало моих сестренок, которые умерли рядом со мной под дождем. Я тосковала по кошке-маме, по ее скрипучему, громкому урчанию и теплоте бочку. У нас практически не было возможности друг друга узнать. Я понимала, что они все мертвы, ведь все случилось на моих глазах, и на меня, словно тяжелейший камень, давила тоска. Но одновременно с этим я понимала, что они не умерли. И была убеждена, что смогу их отыскать, стоит выйти на улицу.

Я все искала путь к бегству, но не могла ничего придумать. Пару раз просто мчалась к двери, когда она стояла открытой. По своей натуре я не люблю строить планы. Тед дружелюбно подхватывал меня и возвращал обратно. Потом мы устраивались на диване, он гладил меня или же играл мотком пряжи, пока я не переставала шуметь и плакать. «В мире немало плохих людей, готовых причинить тебе вред или же отнять тебя у меня, – говорил он, – неужели ты не хочешь остаться здесь со мной, киска?» И я действительно оставалась, на какое-то время обо всем забыв. Но счастье всегда проходит, и тогда я страшно злилась на себя, что уступила Теду, и меня опять поглощала тоска.

В итоге я решила, что наступил тот самый день, причем наступил на самом деле. Свои действия я спланировала заранее, но надо было уложиться в жесткие временные рамки. Все зависело от того, поведут ли себя все теды так же, как раньше. Я уже заметила, что обычно так оно и случается.

Дело вот в чем – мне известно многое из того, что происходит на улице, пусть даже не прямо перед дырочкой в моем окне. Да, я не вижу, зато все слышу и воспринимаю запахи. Поэтому знаю, что каждый день в определенное время на улице со своим громогласным чудищем появляется тед, пахнувший кожей и чистым телом. Обычно он останавливается у нашего дома, чтобы это чудище приласкать. Как они выглядят, я не знаю, потому что никогда не видела их собственными глазами, но, судя по запаху, громогласное чудище поистине уродливо. Оно воняет как старый носок, в который натихали какашек. Я всегда слышу, как это создание корчится и воеет, слышу скрежет его членов, когда оно виляет задницей. Кошачьи души обитают в хвостах, в то время как теды прячут их за своими большими, влажными глазами. Но эти создания свои самые глубокие чувства таят именно в заднице.

Тот тед говорит с ним, будто оно может его понять. «Ну же, Чэмп. Ты же хороший мальчик, так? Ну конечно, хороший, а то как же. Хороший, большой, тупица». Хотя «тупица» зачастую не говорит. Я слышу, как громогласное чудище хлюпает языком, и улавливаю исходящий от его кожи запах любви. Это только подтверждает слова тед. Такие вот громогласные чудища в действительности огромные, бессловесные, ид... ну понятно. Чэмпу хочется лишь одного – прикончить меня. Мне на это открыло глаза древнее знание, изначально заложенное в наших телах. У тедов его осталось совсем немного, но вот у кошек – пруд пруди.

Я ждала до тех пор, пока не выучила расписание назубок. Каждый день Тед в определенное время идет покупать сладости и пиво. А когда выходит на крыльцо, тот тед со своим громогласным чудищем пробегает мимо нашего дома. Иногда тед здоровается с Тедом, и тогда тот что-то бормочет ему в ответ.

Наконец наступил тот самый день, и мое сердце трепетало, будто колибри, хотя я знала, что все получится, – знала, и все. На тот момент я еще особо не повзрослела и могла спокойно проходить

под диваном, даже не задевая кончиками ушей его днище. Поэтому спряталась в холле в подставке для зонтов. Вот уж бесполезная вещь! Сколько, по мнению Теда, у него зонтов? Но чтобы спрятаться – самое то.

Я слышала шаги Теда, звон и хруст крохотных фрагментов мира, рушившихся под его ботинками. И могла сказать, что сегодня он начал рано, что было только мне на руку. Он будет медлителен. (Подвыпив, он при ходьбе шаркает ногами. Это почти как очень простой танец – может, даже кадрили.) Я припала к земле и забила хвостом. За моей спиной в воздухе тянулась веревочка. В тот день она была палевого оранжевого оттенка и при каждом моем движении потрескивала, как огонь в камине.

Я сжалась, чтобы прыгнуть вперед. Тед что-то мурлыкал под нос, грохоча в замках ключами. Я вбирала запахи улицы, исходившее от земли тепло. И чувствовала вонь громогласного чудища, его дыхание, вонявшее битыми, протухшими яйцами. Когда Тед стал открывать дверь, мрак в холле прорезал луч света. Я ринулась к нему со всей скоростью, с которой меня только могли нести мои маленькие лапки. Мой план сводился к тому, чтобы взобраться на дуб в палисаднике. После этого, что ни говори, я буду свободна.

Добежав до дверного проема, я так резко затормозила, что меня даже занесло, и тут же утонула в ослепительном сиянии. Глаза ничегошеньки не видели. Мир представлял собой узкий разлом в агонизирующем свете. И тут до меня дошло, что большую часть жизни я провела в полумраке дома. Мои глаза не могли вынести солнца. Я отругала их и зажмурилась. Нос ощутил прикосновение странного, ледяного воздуха. Может, у меня получится бежать с закрытыми глазами?

Дверь открылась шире. Воздух, должно быть, вынес мой запах в окружающий мир; громогласное чудище взорвалось ревом. Я чувствовала исходящее от него возбуждение, предвкушение смерти. В ушах раздался звон его металлического ошейника. Я догадалась, что громогласное чудище становится на дыбы и рвется вверх по ступеням. Все вокруг замедлилось и чуть ли не остановилось. Я почувствовала, как в ослепительно-белом огне меня настигает смерть.

И поняла, что план был поистине ужасен. Мне никогда не забраться на дерево. Я не могла даже открыть глаза, чтобы его увидеть. Громогласное чудище было уже рядом, я ощущала его пасть, разверстую как длинная, грязная пещера, его гнилые зубы. Шею охватил пылающий круг огня. Это была та самая веревочка, теперь шипевшая от жара. Потом она вспыхнула и стремительно, как удар кнута, потащила меня обратно, подальше в надежный сумрак дома. Я услышала, как Тед с силой захлопнул дверь.

И открыла глаза. Я опять была под крышей – в полной безопасности. Снаружи орал Тед. Громогласное чудище прижалось мордой к двери, запыхтело и заголосило. Его вонь забралась под створку и заполонила собой все без остатка. Я ужаснулась того, что наделала. Да как вообще можно было посчитать эту идею хорошей? Я почувствовала себя совсем крохотной, осознала, насколько нежна в моем теле каждая косточка, насколько деликатны вены и шубка, насколько прекрасны глаза. Как можно было рискнуть всем этим в мире, где какое-то громогласное чудище может сожрать меня и даже не подавиться?

– Эй! – заорал Тед. – Уберите пса.

Его душила злоба. А когда Тед злится, с ним лучше не связываться.

Лай и вой немного отступили. Должно быть, тот тед оттащил свое громогласное чудище от двери.

– В доме моя дочь, – сказал Тед, – и вы ее не на шутку напугали. Надо быть осторожнее.

– Извините, – сказал тот тед, – он просто любит поиграть.

– Тогда держите его на поводке, – ответил Тед.

Вонь чудища отступила, смешавшись с далекими запахами леса. Потом оно ушло. Тед быстро вошел в дом и загрохотал замками – щелк, щелк, щелк. Как же радостно их было слышать.

– Бедный котенок, – сказал он, – испугалась.

Я забралась Теду на руки, почувствовав, как пылающая веревочка стала толще и заточила нас в ослепительную утробу света.

– Вот почему я запретил тебе выходить из дома, – сказал он, – там на каждом шагу подстерегают опасности.

– Прости, – сказала я Теду, – не знала.

Понять меня он, конечно же, не мог, но я посчитала важным все равно это сказать. Нас со всех сторон окутывало сияющее тепло. Мы находились внутри желтого, огненного шара.

Вот тогда-то я и увидела Его. В недрах пламени с нами был кто-то третий. Не похожий ни на что известное мне. Он выглядел как все сущее. И каждое мгновение приобретал новый облик, то ястреба с желтым клювом, то красного кленового листа, то комара. Я знала, что где-то среди прочих там присутствовала и моя мордочка, но видеть ее не хотела. Понимала, что это будет конец. Когда мне придет время сделать последний вдох, Он явит Себя, и тогда Его лик примет очертания моей мордочки.

«Твое место здесь, – сказал мне Господь. – Я спас тебя с особой целью. Вы с ним – ты и он – должны помогать друг другу».

«Понимаю», – сказала я. Все правильно, Теду действительно нужна помощь, да еще какая. В голове у него сплошная каша, в жизни одни проблемы.

После этого мы объединились в отличную команду и оберегаем друг друга. Я здорово проголодалась, поэтому пока буду заканчивать.

В глазах богатого человека напротив синяя глубина.

– Далила, – говорит он, – рад с вами наконец встретиться.

У него ослепительно-белые волосы, забранные в низкий хвостик; льняные облегающие брюки и рубашка. Терраса его дома, выстроенного из древесины гигантской туи и стекла, теряется среди верхушек обступивших его со всех сторон деревьев. Местечко в аккурат из тех, где хотелось бы жить Ди. В воздухе стоит аромат нагретой на солнце живой зелени, смешивающийся со свежим запахом лимонада в кувшине перед ними. На его поверхности плавают веточки мяты. Нотками верхней октавы восхитительно позвякивают кубики льда. Его домработница, ни слова не говоря, принесла все это, когда они сели.

Рядом с лимонадом на столе лежит желтый конверт. По холодному боку кувшина вниз соскользнула капелька конденсата, и его уголок теперь темнеет влажным пятном. Ди не в состоянии отвести от него взгляд и думать о чем-то другом. Вдруг пострадало содержимое?

– Насколько мне известно, это единственный экземпляр, – спокойно говорит он, проследив за ее взглядом, – человек, который его сделал, несколько лет назад умер от сердечного приступа. Газетенка местная, и архива в ней нет. Так что, кроме этого снимка, других, вполне возможно, действительно нет.

Он не пытается отодвинуть конверт от воды, и Ди приходится сделать над собой усилие, чтобы не протянуть за ним руку.

– Я только взгляну и пойду, – говорит она, – вы и так уделите мне достаточно времени.

Он качает головой.

– Можете забрать его и оставить себе. Вам наверняка захочется ознакомиться с ним, когда рядом никого не будет.

– Спасибо, – потрясенно отвечает она, – правда спасибо.

– Полагаю, что инцидент в Орегоне больше не повторится. Вы там слишком увлеклись. Хорошо еще, что за решетку не угодили.

Ди вздрагивает. Ну конечно, о чем о чем, а об этом он точно знает. О том человеке из Орегона, который в тот день был на озере.

Замотанная Кэрен шепнула ей на ушко пару деталей, в том числе местонахождение его охотничьего домика.

Профиль преступника Ди знает наизусть. Человеку, отнявшему у нее Лулу, около двадцати семи лет, в браке не состоит. Безработный или же занят ручным трудом. В общественном плане маргинал. Скорее всего ранее привлекался за насильственные преступления. Первичная мотивация для похищения незнакомого ребенка сводится к... Ди не позволяет себе додумать до конца. С годами ей удалось овладеть искусством по первому желанию выбрасывать из головы все мысли до единой.

Человек из Орегона во всех отношениях был идеальным кандидатом. Откуда Ди было знать, что в тот момент, когда пропала Лулу, он с пробитым колесом находился в Хокиаме, за много миль от места происшествия. Что это могли засвидетельствовать девять человек. Подавать на нее в суд он не стал. Но Кэрен после этого от нее отдалилась.

– Сколько? – спрашивает Ди, глядя в тусклые, синие глаза богатенького собеседника.

Тот перехватывает ее взгляд и дрожащей рукой медленно наливает себе стакан лимонада. Его слабость лишь спектакль. На предплечьях проступают тугие бугры мышц.

– Деньги мне не нужны, – говорит он, – от вас понадобится кое-что другое.

По ее костям принимается гулять плоть.

– Нет-нет, – снисходительно улыбается он, – все очень просто. Вы знаете о моем хобби. Я собираю всякие диковинки. Но основу коллекции, саму ее суть, храню в этом доме. И хочу, чтобы вы на нее взглянули. Просто посмотрите, всего лишь разок.

– Я могу заплатить, деньги у меня есть.

– Вам все равно не хватит, – тихо отвечает он, – будьте же умничкой.

Она оглядывает пейзаж над деревьями, его безупречную одежду, видит исходящую от него уверенность, приобретенную благодаря деньгам, и понимает, что он прав. Не спрашивает, с какой стати ей ему верить или кто может гарантировать, что в конверте именно то, что он говорит. Момент уже упущен.

Девушка кивает – у нее нет другого выхода.

Он ведет ее к расположенной в середине дома двери – внешне вроде бы гранит, но на самом деле явно имитация – и открывает ее. Ди охватывает дрожь. Он вполне может сейчас запереть за ней эту дверь и больше никогда не выпустить обратно.

Впереди во всю длину дома тянется галерея. Окон нигде нет. Воздух прохладный, его температура выдерживается до долей градуса. Вдоль стен – стеклянные витрины и фотографии в рамках, каждая освещена единственной, тусклой лампочкой. Это его коллекция или, как он сам ее называет, музей. Она о ней слышала. В среде знатоков она хорошо известна. Этот человек достает то, чего не могут другие. Чего никому не полагается видеть. Предмет его собирательства – артефакты смерти. Снимки, украденные улики в виде пузырьков крови, письма, написанные остроконечным, каллиграфическим, викторианским почерком, фрагменты неостребованной смерти, которые убийца не успел съесть перед тем, как его поймали.

Эта комната – коридор кошмаров Ди. Каждый предмет в ней представляет собой реликт чего-то ужасного, что могли сотворить с Лулу. Девушка бросает взгляд на черно-белую фотографию слева на стене и тут же отводит глаза.

– Нет-нет, вам обязательно надо посмотреть, – говорит он, – такой уговор.

Он прекрасно знает, что она сейчас чувствует, слышит по ее голосу.

Ди идет по галерее, ровно три секунды глядя на каждый экспонат и двигаясь дальше. По ходу очищает мозг от любых мыслей. Он шагает рядом, чуть ли не прижимаясь к ней. Его кожа источает слабый запах олова. Ей кажется, что он даже не дышит.

Дойдя до конца тускло освещенного коридора, она поворачивается к нему и протягивает руку. Он на миг замирает на месте, и по ее телу, с ног до головы, медленно ползет стылый взгляд его синих глаз. До нее доходит, что в этот самый момент он включает в свою коллекцию ее саму, ведь не каждый сувенир можно поместить под стекло. «Ну все, – думает она, – меня сейчас стошнит». Потом он слегка кивает и вкладывает ей в руку конверт.

На улице Ди ослепляют воздух и свет. При виде деревьев она испытывает такую благодарность, что ей хочется плакать. Но сказать ему что-то еще она отказывается.

– Будьте осторожны на дороге, – говорит он и возвращается в свой деревянный дворец.

Все, что хотел, он уже получил, и девушка больше не представляет для него никакого интереса. Она медленно направляется к своей машине и небрежно бросает конверт на пассажирское сиденье рядом. Затем заставляет себя неспешно проехать меж деревьев. Он все еще может за ней наблюдать. На педали газа у Ди сводит судорогой ногу, дыхание в груди частит. Выехав с лесной подъездной дорожки к его дому на шоссе, она вдавливая педаль газа в пол, и двигатель тут же отзывается рыком.

Она всецело отдается ленте дороги, уносящей ее все дальше и дальше, пока леса не сменяются лугами с амбарами и лошадками, а те, в свою очередь, не уступают место длинным одноэтажным торговым центрам. Воздух пропитан тяжелым духом бензина. Когда от этих холодных, синих глаз ее отделяют многие мили, она сворачивает на площадку для стоянки и отдыха. Кладет голову на руль и жадно хватается ртом воздух. Мимо с ревом проносятся огромные грузовики, на ходу потряхивая ее маленькую машинку. Она признательна, что они заглушают рвущиеся из нее звуки.

Наконец дыхание немного выравнивается. Ди выпрямляется. Пришло время узнать, что же она купила.

Подавив приступ тошноты, девушка распечатывает конверт и достает фотографию.

Она ей хорошо знакома, правда, под ней нет подписи: ОБЫСК В ДОМЕ ПОДОЗРЕВАЕМОГО. А вот и он сам, прикрывает рукой от солнца глаза. Этот снимок Ди знает – не раз расспрашивала о нем Кэрен.

Замотанная детектив устала ей говорить, что у этого человека алиби, а обыск в его доме ничего не дал. В итоге полиции пришлось переключиться на другие версии.

– Но ведь те, кто видел его у входа в супермаркет, могли ошибиться, – сказала Ди, – он бывал там часто, они к этому привыкли и решили, что так было и в тот раз. Просто заполнили пустое место на тротуаре знакомым зрелищем, хотя на самом деле его там не было и в помине.

Ди понимает это лучше любого другого.

– Есть еще запись с камеры видеонаблюдения, – сказала Кэрен.

– За все время? – спросила Ди. – За весь день, да?

Детектив не ответила, но девушка в этом и не нуждалась. В том, как она ссутулила плечи, Ди прочла «нет». Это было, когда Кэрен еще делилась с ней сведениями, до инцидента с тем мужчиной из Орегона.

Знай, что девушка сейчас держит в руках, детектив бы встревожилась. В отличие от публикации в газете, этот отпечаток никто не кадрировал. Скорее всего, раньше он принадлежал самому фотографу.

На снимке во всю ширь открывается пейзаж, позволяющий увидеть его по краям, ранее недоступным взору. Ди прилагает усилия, чтобы не торопиться и все внимательно рассмотреть – увидеть, изучить, понять.

Вдали за домом виднеются деревья. Густые, кустистые, характерные для северо-запада Тихоокеанского побережья заросли, заполонившие собой все вокруг. По тротуару спиной к зрителю шагает дама в шляпе, таща за собой на поводке косматого терьера. Чуть дальше в окне торчат маленькие, бледные, любопытные личики. Дети.

Самое важное Ди видит в последнюю очередь, будто ее мозг не может переварить успех после стольких лет томительных неудач. В углу хорошо виден указатель, который не стоит никакого труда прочесть. Улица Никчемная.

Впервые в жизни Ди понимает, почему падают в обморок и как это бывает; в голове будто взрывается белый свет, вспышка, за ней удар и чернота. Теперь ей известно, где жил подозреваемый, а может, даже живет и сейчас. Дыхание опять сбивается и частит. Этого было бы вполне достаточно, но есть кое-что еще.

– Мы в тот день там были, – шепчет Ди, – когда папа проехал нужный поворот.

Рот наполняется вкусом воспоминаний и жевательной резинки. За ту долгую поездку она, должно быть, раз тридцать совала в рот все новые и новые пластины. Папа направлялся к озеру, но свернул не туда, в конечном итоге они сбились с пути и долго блуждали по нескончаемому, серому, окаймленному лесом пригородам. Затем ряды одноэтажных зданий поредели и уступили место облупленным викторианским домам, а в нос ударил буйный, дикий запах лесов. Улочки вели в никуда. Вспомнилась мысль, пришедшая в голову, когда

они проезжали мимо этой вывески: «Да уж, действительно никчемная дыра». Она помнит, что улица заканчивалась тупиком. Папа вытер с бровей пот, тихо выругался, они развернулись и покатали обратно.

Вскоре они опять отыскивали автостраду 101, и название улицы отступило в глубины памяти Ди, похороненное под ворохом других бесполезных сведений – какого цвета был комбинезон у парня, заливавшего им бензин, когда они остановились на заправке, кому она больше всего нравилась в школе и кто в такой-то группе играл на бас-гитаре.

На миг Ди задумывается, не может ли это быть простым совпадением. Но тут же отвергает эту мысль мощным ментальным пинком. Между этими двумя событиями должна существовать связь. Должна, и все.

Может, подозреваемый видел, как они, заблудившись, медленно наворачивали круги? Может, углядел в окне уставшее личико Лулу, а потом проследил за ними до озера? Папа вообще с ним говорил? Он вполне мог остановиться и расспросить подозреваемого, куда им ехать. В таком случае тому и следить не надо было, он и так бы знал, куда они направляются, и мог пойти напрямик на озеро. Ди снова и снова пытается вспомнить, где тогда останавливался папа. Но если одни эпизоды того дня намертво отпечатались в памяти и клеймом каленого железа ввелись в плоть, другие до сих пор расплываются в глазах и никак не могут обрести ясных очертаний. Тогда это выглядело лишь еще одной дорогой в никуда. Они с Лулу были детьми, изнывали от жары и скучали. И даже не догадывались, что для них тогда наступили последние безмятежные моменты перед тем, как мир рассекла молния, изменив его навсегда.

Ум предписывает Ди сообщить в полицию. Надо позвонить замотанной Кэрен, которая до сих пор ведет это дело. Лулу считается пропавшей. Ее тела так и не нашли. (Одно время Ди думала, что пропавшая лучше умершей, но все эти долгие годы наглядно продемонстрировали, что это не так.)

– Так не должно быть, – как-то сказала Кэрен Ди, – большинство из нас за всю свою карьеру не сталкивается со случаями похищения чужих детей. От этого как-то изнашиваешься и стираешься самым непредсказуемым образом. Иногда мне в голову приходит мысль: почему именно здесь? Почему именно я?

– Тогда у меня вопрос, – сказала Ди. – Почему бы вам просто не делать свою работу?

Кэрен залилась краской.

– До Лулу пропадали и другие, – продолжала девушка, – я проверяла. В окрестностях этого озера творится что-то ужасное.

Может, в этот самый момент между ними испортились отношения. Но так или иначе, а Ди должна немедленно ей позвонить.

Но ничего такого она делать не станет. Это особый подарок, лично для нее. К тому же в ее душе бархатисто колыхнется гнев. Если бы полиция всячески не ограждала ее от этого дела, она много лет назад могла бы вспомнить название улицы и установить взаимосвязь. Растраченное понапрасну время.

Снимок таит в себе еще один секрет. Ди пристально вглядывается в рубашку подозреваемого. Вблизи фотография идет зерном и глаза отказываются видеть четко. Но она все равно рассматривает вышитые на нагрудном кармане слова. Для газеты их, по-видимому, заретушировали. Ди удается разобрать имя. Эд или Тед. Баннер... дальше не видно.

Ее охватывает чувство, что после долгой-долгой борьбы она наконец нанесет решающий удар. У нее есть имя, пусть и не полностью, и название улицы. Ди вдруг понимает, что плачет, хотя это лишено всякого смысла, потому как ее душу переполняет яростная уверенность. На краткий миг, за который сердце успевает сделать один-единственный удар, она ощущает рядом присутствие Лулу. В машину врывается запах теплой кожи и лосьона для загара. К ней прикасается пухлая, мягкая щечка. Ди вбирает в себя чистый аромат волос сестры и сладость ее дыхания.

– Я иду, – говорит ей она.

Тед

Сегодня мой день, и утром я отправляюсь к человеку-жуку. Его мне удалось отыскать среди тематических объявлений в Интернете. Он берет меньше обычного, и я могу позволить себе раз в две недели его сеанс. На прием меня записывают всегда в самую рань, пока еще никто не встал – и, надо думать, не желает никуда идти. Мне нравится к нему ходить. Я рассказываю ему об Оливии, о том, как ее люблю, о передачах, которые видел по телевизору, о съеденных сладостях и о рассветных птицах. Порой даже говорю о Мамочке и Папочке. Только совсем чуть-чуть. О ситуации с Лорен и о богах, разумеется, ни слова. Каждый раз я ввинчиваю во всю эту ерунду настоящие вопросы. Медленно подбираясь к самому главному. Пройдет совсем немного времени, и я его задам. С Лорен дела идут все хуже и хуже.

Порой разговоры с ним будто даже помогают. Так или иначе, но он выписывает таблетки, от которых мне явно лучше.

Шагать туда сорок пять минут, с чем я отлично справляюсь. Сказать, что идет дождь, нельзя, но в воздухе стоит теплое, гнилое марево. На мокрой дороге плесенью отражаются фары машин, на тротуаре корчатся блестящие, розовые дождевые черви.

Кабинет человека-жука расположен в здании, похожем на небрежно наваленное нагромождение детских кубиков. В приемной никого нет, и я с радостью устраиваюсь на стуле. Мне нравятся такие местечки, где ты словно застываешь между двумя разными мирами. Приемные, комнаты ожидания, очереди и тому подобное, где в действительности ничего не должно происходить. Они снимают напряжение и позволяют мне думать.

Воздух насыщен запахами чистящих средств, химической имитацией цветущих лугов. Мне кажется, что когда-нибудь в будущем больше никто не сможет сказать, как благоухает настоящий луг. Может, к тому времени настоящих лугов и не останется, а цветы будут делать в лабораториях. Тогда, вполне естественно, им придадут запах чистящих средств, посчитав, что так будет правильно, и круг замкнется. Вот какие интересные мысли приходят мне в голову в

приемных врачей, на пешеходных переходах и в очередях продовольственных магазинов.

Появившийся человек-жук приглашает меня войти, на ходу поправляя галстук. В моем присутствии он, похоже, нервничает. Все от склада моего характера. Большую часть времени он неплохо это скрывает. Его живот похож на небольшую декоративную подушку из тех, которые так любила Мамочка. Жидкие, белесые волосы. За очками – голубые глаза почти идеальной круглой формы.

Его имени я, конечно же, не помню. Он напоминает маленького, дружелюбного щитника или рогача. Отсюда и мое для него название.

Кабинет выдержан в бледных, пастельных тонах, стульев в нем явно больше, чем нужно, самых разных размеров, форм и цветов. От их вида меня охватывает нерешительность, граничащая с агонией. Интересно – может, он наставил их здесь специально, чтобы оценивать мое состояние? Время от времени я пытаюсь думать как Лорен и угадать, какой она выбрала бы стул. Хотя дочь, скорее всего, попросту расшвыряла бы их по всей комнате.

Я останавливаюсь на несколько помятом, металлическом складном стуле. Надеюсь, что этот суровый выбор продемонстрирует ему, насколько серьезно меня заботит мой прогресс.

– У вас опять стало меньше волос, – спокойно говорит он.

– Думаю, их ночью выдирает моя кошка.

– А левая рука, судя по виду, серьезно повреждена. Что с ней?

Эх, не подумал, надо было надеть что-нибудь с длинным рукавом.

– На свидание ходил, – говорю я, – а она случайно захлопнула дверцу машины, да прямо мне по руке.

На самом деле ни на каком свидании я еще не был, но чувствую, что, если произнести эти слова, будто заклинание, шансов на это у меня станет больше.

– Жаль, – произносит он, – а как вы считаете, во всем остальном свидание прошло хорошо?

– Еще бы, – звучит мой ответ, – я здорово провел время. Знаете, мне на глаза попалась эта новая передача. О человеке, который убивает людей, но только если они того заслуживают. То есть людей, но только плохих.

– А что, по-вашему, вас привлекает в этом шоу?

– Ничего меня в нем не привлекает, – говорю я, – мне так думается, это полная чушь. По тому, что люди делают, еще нельзя сказать, какие они. Плохой поступок может совершить любой человек, даже неплохой. А плохие люди могут случайно сделать что-нибудь хорошее. Поэтому я считаю, что никогда нельзя сказать наверняка.

Вижу, он набирает в грудь воздуха, чтобы задать мне вопрос, поэтому тороплюсь продолжить:

– А еще по телевизору показывали человека, который убил много людей, потом во время несчастного случая ударился головой, а когда пришел в себя, то будто вернулся на десять лет назад. Не мог вспомнить ни как убивал, ни свою жену, ни новые мобильные телефоны. Он был совсем не тем, кто убил тех людей. И что, он все равно во всем виноват, даже если не мог контролировать ситуацию?

– У вас никогда не возникает ощущения, что ситуация выходит из-под контроля?

«Так, осторожно», – думаю я, а вслух продолжаю:

– Еще есть передача про говорящую собаку. Для меня она реальнее способности отличать хороших людей от плохих. Да, признаю, моя кошка действительно не может говорить. Но я всегда знаю, чего ей хочется. А это ничуть не хуже разговора.

– Вижу, кошка многое для вас значит, – произносит человек-жук.

– Она моя самая лучшая подруга.

По всей видимости, за полгода моих визитов к нему это мое первое правдивое признание. Мы молчим, но никаких неудобств эта тишина мне не доставляет. Он что-то пишет в своем блокноте, должно быть, о продуктах, которые надо купить, или о чем-то еще, потому что я не говорю ему ничего такого.

– Но я за нее тревожусь.

Он поднимает глаза.

– Мне кажется, она... – Я на миг замолкаю в нерешительности. – Мне кажется, моя кошка, как это называется? Гомосексуалка. Лесбиянка. Думаю, ее привлекают самочки.

– Почему вы так думаете?

– Она постоянно смотрит в окно на другую кошку. Смотрит все время. Точно вам говорю – она ее любит. Моя Мамочка очень расстроилась бы, узнав, что я завел кошку-гомосексуалку. У нее с этим строго.

На миг воздух наполняется запахом уксуса, еще чуть-чуть, и меня вырвет. Я не собирался ничего этого говорить.

– Вы полагаете, ваша кошка?..

– Не хочу о ней больше говорить, – говорю я.

– Но ведь...

– Нет! Нет, нет, нет, нет и НЕТ.

– Ладно, – соглашается он, – а как ваша дочь?

Я вздрагиваю. Упоминание о Лорен вырвалось у меня единственный раз и то по чистой случайности. Это оказалось огромной ошибкой, потому что потом он с этой темы больше не слезал.

– Она проводит много времени в школе, – говорю я, – поэтому мы с ней видимся нечасто.

– Знаете, Тед, этот сеанс организован специально для вас. Персонально. Лично. И говорить здесь можно все, что угодно. Некоторые считают этот кабинет единственным местом, где в действительности можно выразить свои мысли. В повседневной жизни порой бывает трудно признаться в том, что мы думаем и чувствуем по отношению к тем, кто нам всех ближе и дороже. От этого человек чувствует себя в изоляции. А когда таит секреты, ему всегда очень одиноко. Поэтому очень важно иметь возможность говорить, чувствуя себя в полной безопасности, например, как здесь. Так что можете выкладывать мне все без утайки.

– Ну что ж, – говорю я, – в моей жизни есть стороны, о которых мне хотелось бы когда-нибудь кому-нибудь рассказать. Но только не вам, а кому-то другому.

Он поднимает брови.

– Вчера вечером я смотрел по телику монстр-траков и думал: «Монстр-траки просто супер. Огромные, ревущие и забавные. Вот здорово было бы в один прекрасный день встретить человека, любящего большие грузовики».

– Это хорошая цель.

Его глаза будто затягиваются глазурью и превращаются в два шарика из голубого мрамора.

Я неделями припасую самые скучные мысли, чтобы потом поведать их человеку-жуку. Порой мне трудно напридумывать столько

всего, чтобы потом говорить целый час. Однако эта идея пришла мне в голову спонтанно.

– В своей книге, – говорит он, – я рассказываю о том, как диссоциация в действительности может *нас защитить*...

Теперь можно без опаски отключиться, что я и делаю. Человек-жук обожает говорить о своей книге, хотя она не опубликована или что-то в этом роде. Не думаю, что она у него вообще закончена. Он пишет ее, сколько я его знаю. Я так думаю, у нас у всех есть что-нибудь такое, о чем мы заботимся больше, чем обо всем остальном. Для меня это Лорен и Оливия. Для человека-жука его нескончаемая книга.

Под конец нашего часа он протягивает мне пакет из коричневой бумаги, в точности такой же, в каких дети берут с собой в школу ланч. Я знаю, что там четыре коробочки с таблетками, и чувствую себя от этого гораздо лучше.

Должен сказать, что с человеком-жуком я веду себя очень даже умно. Эта мысль пришла мне в голову некоторое время назад, вскоре после истории с Девочкой с фруктовым мороженым.

Перед этим у Лорен несколько дней держалась немного повышенная температура. Я хотел достать ей антибиотиков, но не знал как. То, в каком мы находимся положении, не понять ни одному доктору. Я надеялся, что она поправится без посторонней помощи, но шли дни, а ни о каком выздоровлении речь не шла. По сути, ей даже стало хуже. Я зашел в Интернет и нашел на противоположном конце города бесплатную больницу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я Лорен. – Опиши мне свое состояние, только точно.

– У меня жар, – сказала она, – а по коже ползают мурашки. Я не могу думать и хочу только одного – спать. И устаю даже от обычного разговора с тобой.

Ее голос показался мне немного скрипучим. Я внимательно выслушал все ее слова, записал их, а бумажку сунул в карман.

Когда стемнело, отправился в город в ту бесплатную больницу.

Дабы осмотреть меня, врачам понадобилось два часа, но я и не возражал. В приемном покое было голо и пахло мочой. Но зато тихо. Некоторое время я просидел там наедине со своими мыслями. Как уже говорилось выше, в приемных мне думается лучше всего.

Когда меня вызвала сердитая дама, я вытащил записку и трижды прочел в надежде все запомнить. Затем прошел в небольшой кабинет, где меня встретил врач и спросил о симптомах. Я добавил в голос немного скрипа и сказал:

– У меня жар. По коже ползают мурашки. Я не могу думать и хочу только одного – спать. И устаю даже от обычного разговора с вами.

Я повторил все, что сказала Лорен. Слово в слово. И у меня получилось! Он прописал мне антибиотики и постельный режим. Я зашел в небольшую аптеку по соседству и купил все по выданному рецепту. От чувства облегчения я чуть ли не приплясывал в проходах между витринами. А обратно шагал с высоко поднятой головой, чтобы на меня мог смотреть окружающий мир. Видел симпатичную неоновую вывеску с цветком и лоток, на котором продавались фрукты в виде звезды. Видел женщину с крохотной черной собачонкой в большой красной сумке. И с силой прижимал к груди пакет с антибиотиками.

На мою улицу я вышел вконец разбитый. До клиники и обратно мне пришлось прошагать миль десять, а то и больше. Я дал Лорен антибиотики, подмешав их в еду, и вскоре ей стало лучше. План сработал!

Когда с Лорен все пошло наперекосяк, я понял, что нуждаюсь в некоторых ответах. Не столько о ее теле, сколько о мыслях. Вот почему мне пришла идея пойти к человеку-жуку, притвориться, что я говорю о себе, а на самом деле выпросить все о Лорен. Примерно как в той истории с антибиотиками, только на этот раз мне требовалась информация, а не лекарство.

Я возвращаюсь и выхожу на свою улицу. Дом напротив меня желтый с зеленой окантовкой. Я опять стою напротив жилища Леди Чихуахуа, и меня снова охватывает ощущение, что мне будто что-то такое известно. Словно в голове крохотными лапками вышагивают муравьи.

На телефонном столбе красуется какая-то бумажка. Я подхожу посмотреть, потому, как обычно, там вешают объявления о пропаже какого-нибудь кота. Порой кошки кажутся очень способными и независимыми, хотя на самом деле нуждаются в нашей помощи.

Но на этот раз речь идет не о них. Столб за столбом вдаль уходит одна и та же размытая фотография. Чтобы убедиться, мне требуется некоторое время. Она, конечно же, выглядит моложе, да и собаки с ней нет, но это Леди Чихуахуа. На снимке она, улыбаясь, прислонилась к стене в каком-то солнечном месте.

И лучится счастьем.

В последний раз объявления на телефонных столбах развешивали после исчезновения Девочки с фруктовым мороженым.

Когда я вхожу в дом, меня ждет Лорен.

– Где ты был?

Она дышит часто-часто.

– Успокойся, котенок, а то тебе станет плохо и ты упадешь в обморок.

Такое уже случилось.

– Ты встречаешься с женщиной! – вопит она. – Собрался меня бросить.

Лорен хватает своими острыми зубками мою ладонь и кусает.

Наконец я укладываю ее спать. Пытаюсь смотреть монстр-траки, но этот день меня вконец утомил. Чувства даются тяжело.

Я внезапно просыпаюсь ночью, затаив дыхание. Мрак ощущается прикосновением к коже. Дойдя до конца, проигрыватель, по идее, должен повторять все снова и снова, но ему уже много лет, а может, я сам что-нибудь сделал не так. В тиши слышится, как по полу ползет Лорен. У нее стучат маленькие, острые зубки.

– Ты плохой, – шепчет она, – уходи отсюда, уходи, уходи.

Я пытаюсь ее утешить и опять уложить. Она брыкается и снова меня кусает, на этот раз до крови. А потом всю ночь дерется со мной и плачет.

– Даже если бы я действительно с кем-то встречался, – срывается с моих губ ответ, – то все равно любил бы тебя больше всех.

До меня тут же доходит, что этого нельзя было говорить.

– Ты встречаешься с женщиной! Встречаешься!

Лорен царапается и дерется до тех пор, пока в комнату не вползает серое утро.

День я встречаю вымотанный до предела и весь в синяках. Лорен засыпает поздно. Свободное время я использую, чтобы сделать

очередную запись в дневнике. Эту привычку мне привила Мамочка.

Раз в неделю она тщательно осматривала дом от пола до чердака. Осмотр в обязательном порядке проводился дважды, в этом она была категорична, потому что учитывала человеческий фактор. И ничего никогда не упускала. Ни клочка пыли, ни паука, ни треснувшей плитки. Потом все записывала в тетрадь и отдавала ее Папочке, чтобы он за неделю навел повсюду порядок. Называла она ее «дневником недоработок». Ее английский был близок к идеалу, поэтому когда она не улавливала смыслового оттенка того или иного слова, это всегда вызывало удивление. И мы с Папочкой ее никогда не поправляли.

Так что по воскресеньям сразу после рассвета я беру эту тетрадь и обхожу дом. А потом еще раз вечером, пока не стемнело. Делаю круг вдоль границ участка, дабы убедиться, что с забором все в порядке, потом еще один, чтобы внимательно осмотреть дом – найти расшатавшиеся гвозди, крысиные и змеиные норы, признаки термитов и так далее в том же духе. Это совсем не трудно, но, как я уже говорил, важно.

С грохотом открываются три замка черного хода. *Щелк, щелк, щелк.* Я жду. Никогда не знаю, что разбудит Лорен. Но она не просыпается. День слепит глаза, под ногами пышет жаром твердая, спекшаяся земля, растрескавшаяся, как старая кожа. Висят пустыми кормушки. В деревьях ни ветерка, в этой страшной жаре каждый листик недвижно затих. Такое ощущение, что на улицу надавила пальцем сама смерть. Я опять запираю дверь и иду в мастерскую вдоль боковой стены дома.

В пристройке прохладно и темно, она пахнет ржавчиной и машинным маслом, как любая другая мастерская, где бы то ни было. Надо быть осторожнее, ведь запах – верный путь к воспоминаниям. Слишком поздно; в утопающем в тени углу стоит Папочка, высокий и молчаливый. Его рука тянется к ящику с отвертками и коричневой бутылкой, которая стоит за ним. Его руку теребит малыш Тедди. Ему хочется сесть в машину и уехать, но сначала Папочке надо разобраться с Мамочкой.

Я быстро хватаю инструменты и выхожу, облегченно моргая на обжигающем солнце. Потом запираю мастерскую. *Оставайся там, Папуля. И ты, Малыш Тедди, тоже. Здесь вам места нет.*

Затем предельно ясно записываю все в тетрадь. Той старой, разумеется, уже давно нет. Под свой дневник недоработок я приспособил старый учебник Лорен и записи в него вношу поверх географических карт.

«На кухне вновь появилась мышь, – аккуратно вывожу я на бледно-голубом море у побережья Папуа – Новой Гвинеи. – Раковина в ванной – капает кран. Со стола опять упала Библия?!?!?! Почему? У него разной длины ножки?!?!?!»

И далее в том же духе. В спальне скрипят дверные петли, надо смазать. На одном из окон гостиной расшатался лист фанеры, надо прибить. С крыши слетела пара кровельных плиток. Это все еноты; от них кровле один вред. Но вот их маленькие, черные, ловкие передние лапки мне нравятся.

То, что можно, я чиню сразу, остальным займусь на неделе. Мне приходится быть для Лорен одновременно и отцом и матерью. Я люблю заниматься домом и заделывать дыры с таким видом, будто хочу сделать его непроницаемым. Без моего разрешения в него ничего не может попасть – покинуть его тоже.

Когда Лорен встает, блины с шоколадной крошкой уже готовы. Лично мне блины кажутся пустой тратой времени – то же самое, что есть разогретую тряпку для мытья посуды, – однако ей нравятся.

– Сначала водные процедуры. – говорю я. – Я работал на улице, а ты крутила педали своего велосипеда руками.

Какая же она сообразительная. Обычно она ложится животиком на сиденье, кладет руки на педали и разъезжает так по дому. И ничто не может ей помешать.

– Руками легче, – говорит она.

Я целую ее и отвечаю:

– Знаю. А в последнее время у тебя вообще получается так быстро.

Мы моем в кухонной раковине руки, вычищая щеточкой из-под ногтей грязь.

За едой Лорен молчит. Вчерашний день выдался хуже некуда, и приступ гнева отнял у нее все силы. Завтра она опять уйдет, и от этой мысли мы оба мрачнеем.

– Сегодня можем делать все, что хочешь, – бездумно говорю я.

Она тут же встает в стойку.

– Хочу в поход.

На меня неистовым ударом обрушивается беспомощность. Отправиться в поход мы не можем, и Лорен это прекрасно известно. Зачем ей меня постоянно шпынять? Вечно дергать и задирать, будто она щенок, прыгающий перед тяжелыми копытами быка. Неудивительно, что меня это бесит.

В то же время на меня наваливается тоска. Так нечестно. Сколько ребятишек отправляются в лес, разводят костры, ставят палатки, и все такое прочее. Более того, для них в этом даже нет ничего особенного. Может, меня опечалила та история с Убийцей, может, дом высосал все силы, но я вдруг говорю:

– Заметано, идем в поход. Как начнет темнеть, так и выступим.

– Правда? В самом деле, пап?

– Ну конечно, – говорю я, – ты же слышала: будем делать все, что хочешь.

Она лучится радостью.

Я сую в рюкзак все необходимое. Фонарик, одеяло, кусок брезента, батончики с повышенным содержанием протеина, кипяченую воду, туалетную бумагу. За спиной слышится сухой шелест шуршащих юбок. Только не это. Я с силой зажимаю глаза.

Ее рука на моем затылке – как холодная глина. *Никто не должен узнать, кто ты на самом деле, – говорит Мамочка.*

«Никто ничего не узнает, – слышится мой голос, – я просто хочу сделать Лорен приятное. Один-единственный раз, клянусь. Я позабочусь, чтобы больше ей в жизни ничего такого не хотелось.

Их надо перенести на другое место.

Солнце медленно закатывается за кромку деревьев. Через отверстие в окне с западной стороны дома я смотрю на лики леса. А когда на улице сгущается мрак, закидываю на плечо рюкзак и выключаю в доме свет.

– Может, перед уходом выпьешь воды? Или сходишь в туалет? Потом уже не получится.

Лорен качает головой. Я чуть ли не физически ощущаю, как от нее серией крохотных вулканических извержений исходит

возбуждение.

– Мне придется тебя нести, ты уж не брыкайся.

От розового велосипеда на лесной подстилке проку не будет.

– Как скажешь, – говорит она.

Мы выходим через черный ход, который я тотчас за собой запираю. А пока стоим в тени дома, внимательно оглядываюсь по сторонам. На дороге никого нет. Вокруг желтых уличных фонарей водит хороводы мошара. На нас глазами старых газет пялится соседний дом. Дальше квартал представляет собой совсем другую историю. Из окон с поднятыми рамами выплескиваются шум и теплый свет. Ухо улавливает далекий отзвук пианино, ноздри – слабый аромат поджариваемых свиных отбивных.

– Можно пойти туда и постучать в какую-нибудь дверь, – говорит Лорен, – потом поздороваться. Может, нас попросят остаться на ужин.

– По-моему, ты хотела в поход, разве нет? – говорю я. – Пойдем, котенок.

Мы сворачиваем в ту сторону, где на пурпурном фоне неба темным силуэтом маячат деревья. Ныряем в проход и оказываемся среди них. Фонарь озаряет тропинку широким, бескровным лучом света.

Вскоре все атрибуты города остаются позади. Нас со всех сторон окружает лес, который в этот момент только-только пробуждается. Темный воздух наполнен криками, хлопанием, пением. Лягушки, цикады, летучие мыши.

Лорен вздрагивает, и я физически ощущаю ее удивление. Мне нравится прижимать ее к себе. Даже не помню, когда она в последний раз позволяла мне вот так без боя взять ее на руки. Ей ненавистно чувствовать себя беспомощной.

– Что ты сделаешь, если к нам кто-нибудь подойдет? – опять спрашиваю ее я.

– Затихну и позволю тебе спокойно поговорить, – отвечает она. – А что это за вонь?

– Скунс, – говорю я.

Какое-то время зверек бежит по тропинке неподалеку от нас, пожалуй, из любопытства. Затем неспешно растворяется в лесной мгле, и запах меркнет.

Нам не надо далеко отходить, всего-то с милю. В паре сотен футов от тропинки есть полянка. Она скрывается за валунами и густым кустарником, поэтому найти ее может только тот, кто знает. Мне дорога туда хорошо знакома. Ведь именно там живут боги.

Воздух насыщен ароматом кедра и тимьяна, крепким, как вино. Но поляну окружают не сосны или пихты, а совсем другие деревья – стройные, белые призраки.

– Пап, – шепчет мне Лорен, – а почему эти деревья белые?

– Потому что это белые березы, их еще называют бумажными, – говорю я, – смотри.

Я отрываю от ближайшего ствола полоску коры, показываю ей, и она гладит шершавую поверхность. Подлинного названия – *косяные деревья* – не говорю.

Я нахожу на северо-западном конце поляны давно облюбованное местечко и расстилаю брезент на земле, еще теплой от дневной жары. Мы садимся. Я даю ей съесть батончик и попить воды. Над нашими головами сквозь ветви проглядывают звезды. Лорен молчит. Я знаю, она их чувствует. Она чувствует богов.

– Как хорошо, когда мы с тобой вместе, – говорю я, – мне сразу вспоминаются времена, когда ты была маленькой. Эх, славные были деньки.

– А я запомнила их по-другому, – отвечает она.

Меня наотмашь хлещет разочарование. Лорен вечно меня отталкивает. Но я сохраняю спокойствие.

– Ты мне дороже всех на свете, – говорю ей я.

И это действительно так. Лорен у меня особенная. Кроме нее, эту полянку я не показывал никому.

– Мне хочется только одного – чтобы ты всегда чувствовала себя в безопасности.

– Пап, я не могу больше так жить... – говорит она. – А иногда не хочу жить вообще.

Когда ко мне возвращается способность дышать, я как можно ровнее говорю:

– Открою тебе один секрет, котенок. Время от времени такие мысли приходят в голову каждому. Порой все складывается хуже некуда, и ты совсем не видишь впереди будущего. Оно затянуто тучами, как небо в дождливый день. Но жизнь мчит вперед с

невероятной скоростью. И все рано или поздно меняется, даже плохое. Ветер разгонит тучи. Обещаю тебе – разгонит всегда.

– Но я не такая, как другие, – говорит Лорен.

У нее настолько пронзительный голос, что им меня можно проткнуть насквозь.

– Большинство запросто приходят сюда сами. А я не могу. Это не изменится, и никакой ветер *ничего не разгонит*. Так будет всегда. Ведь так, Тед?

Я вздрагиваю и морщусь. На это у меня ответа нет. Ненавижу, когда она называет меня Тедом.

– Давай просто полюбуемся звездами.

– Ты должен разрешать мне больше, пап, – говорит она. – Я должна повзрослеть.

– Лорен, – говорю я, чувствуя, как в душе закипает ярость, – так нечестно. Да, я знаю, ты считаешь себя совсем взрослой, но за тобой все еще нужно приглядывать. Помнишь тот случай в торговом центре?

– Сколько с тех пор прошло лет? Сейчас все по-другому. Вот посмотри, мы ведь сейчас не дома, а на улице, и я хорошо себя веду.

Вскоре Лорен говорит:

– Меня что-то укусило.

В ее голосе одно лишь удивление, но страха пока нет.

В меня тоже впивается жало, причем дважды, почти без перерыва. Чувствовать его я, разумеется, не чувствую, но вижу, как красными бугорками вздувается кожа. Они облепили нас с головы до ног. Лорен срывается на крик:

– Что это? О боже, пап, что происходит?

– Это огненные муравьи, – говорю я, – мы, вероятно, сели на их муравейник.

– Убери их с меня! – кричит она. – Мне больно, убери их с меня!

Я сгребая рюкзак, подхватываю ее на руки и бегу под сенью деревьев. Меня хватают за ноги корни и кусты ежевики. На тропинке я останавливаюсь и энергично нас отряхиваю, лью воду на открытые участки тел и спрашиваю:

– Под одежду не забрались?

– Нет, – говорит она, – думаю, нет.

В ее голосе полно слез.

– Пап, может пойдём домой.

– Ну конечно, котенок.

На обратном пути я все время крепко прижимаю ее к себе. И замечаю – больше никаких «Тедов».

– Насчет похода глупая была идея. – говорит она. – Спасибо, что вытащил нас оттуда.

– Это моя работа, – отвечаю я.

Когда мы приходим домой, Лорен, утомленная всем этим, уже отключилась. Я замазываю укусы лосьоном, осторожно касаясь ее уснувшей кожи. По икре к подколенной впадинке ярко-красной дорожкой поднимаются пузырьки, но так и задумывалось. Мы убежали до того, как муравьи действительно причинили нам вред. Молодые люди, похоже, очень остро чувствуют боль – потому что еще не знают, как глубоко она может уколоть.

Утром нам пора прощаться. Лорен прильнула ко мне.

– Я люблю тебя, пап. Не хочу уходить.

От ее дыхания у меня влажнеет борода.

– Я знаю.

У меня на губах вкус ее слез. Океанской волной в душе вздымаются чувства. С такой силой, что приходится зажмурить глаза.

– Увидимся на той неделе, – говорю я, – не переживай, котенок. У тебя все будет хорошо. Время пролетит быстро – не успеешь оглянуться, как опять окажешься здесь.

От ее всхлипываний на меня обрушивается тоска.

Я сажусь на диван, слушаю музыку и чувствую себя совершенно несчастным. Но вскоре чувствую, как тыльной стороны ладони легонько касаются усы. В мою ладонь тычется шелковистая головка.

Это Оливия вышла из своего укрытия, зная, что я в ней нуждаюсь.

Я беру бутыль с галлоном пиретрина и направляюсь в лес. Днем он совсем другой. На земле горстями разбросанного зерна пестрят пятна света. Из листвы высовывает морду олень, широко распахнув свои черные глаза, а в следующее мгновение убегает. Вскоре я понимаю почему – когда прохожу мимо человека с волосами цвета апельсинового сока и его собаки. Пси́на по привычке щерит на меня свой оскал. Не забыла тот раз, когда Оливия пыталась выбежать на улицу. Затем я обгоняю семью в красных куртках. Такое ощущение, что они перессорились. У детей маленькие, серьезные лица; отец,

похоже, устал. Мать шагает впереди, будто вовсе их не знает. Я прохожу место, где обычно сворачиваю с тропинки на поляну, делаю еще несколько шагов, сажусь на пенек и жду. Они идут своей дорогой, не говоря ни слова. Отец приветствует меня кивком головы. Нет, они точно поссорились. В семье никогда легко не бывает.

Когда их красные куртки исчезают за озаренными солнцем деревьями, я делаю круг и выхожу к поляне. Кусок брезента все еще там – лежит на перегнившей листве, как сморщенная шкура дохлого монстра. По нему суетливо расхаживают муравьи. Оставлять его здесь нельзя, он может привлечь к поляне внимание. Я беру длинную палку и сгребаю брезент в кучу. Затем подцепляю его и кладу в специально принесенный мешок для мусора.

Вереница муравьев образует дорожку, по которой я дохожу до главного входа в муравейник. В лучах солнца они чуть ли не светятся – маленькие, безобидные с виду существа. Ни в жизнь не подумаешь, что эти козявки могут причинить такую боль.

– Прощу прощения, – говорю я, выплескиваю на муравейник пирентин, лью его во все отверстия, а потом и в мусорный мешок с куском брезента.

Я не знал наверняка, осталось ли на северо-западной оконечности поляны гнездилище огненных муравьев. Но понимал, что скорее всего да, ведь они селятся по территориальному принципу. Мне тяжело было слушать крики Лорен, видеть ее боль, когда они ее кусали. Но это было необходимо – она должна учиться.

Должен признать, что в последние дни Лорен ведет себя лучше. И случаи, такие как в том торговом центре, больше не повторяются.

Я стою в центре поляны, совпадающем с центром сотканного солнечным светом узора. На земле плещется лужица солнечных лучей. Я приветствую богов и ощущаю их могущество. Они тянутся вверх из-под лесной подстилки, дергая меня в разные стороны за тонкие ниточки. Мамочка права. Как только заживет рука, надо будет отыскать им новый дом. Их начинают чувствовать люди. Та семья подобралась к ним слишком уж близко.

Поднимаясь по ступеням крыльца, я вижу, что на них ничего нет. Ветер сдул с них все листья. Нет, так не пойдет. Если ко мне домой кто-то придет, я должен услышать. Тогда я делаю вот что: разбиваю несколько елочных украшений и разбрасываю осколки. Если на них

наступить, они отзываются высоким звоном, предупреждающим меня о прибытии гостей. Ничего опасного в этом нет. Люди носят обувь. Нет, лично я иной раз выхожу из дома босиком, но большинство ничего такого не делает. Это лишь констатация факта, не более того.

Разбрасывая осколки битого стекла, я засекаю краем глаза движение. Поворачиваюсь посмотреть, надеясь, что ошибся. Но нет. В заброшенном доме по соседству с одного из окон первого этажа исчезла газета. Пока я смотрю, чья-то бледная рука срывает еще один кусок пожелтевшей газетной бумаги, превращая проем в темный, распахнутый, лишенный век глаз. Взматается вверх рама, и из деловитой ладони в окно летит пригоршня пыли. Затем, со свистом разрезая воздух, за дело энергично берется веник.

Я возвращаюсь домой и закрываю за собой парадную дверь. Затем припадаю глазом к дырочке в окне с восточной стороны, которое выходит на пустующий дом. Перед стеклом колышется буйно разросшаяся тимофеевка, но мне, невзирая ни на что, видно вполне достаточно. На моих глазах к крыльцу подъезжает белый грузовик с выведенной оранжевыми буквами на боку надписью «ЕЗ Мувинг». Открывается передняя дверца, из нее появляется женщина, без труда спархивает вниз и открывает широкую заднюю дверь грузовика. Нижняя часть ее лица кажется совсем неподвижной, от чего она выглядит старше, чем, пожалуй, на самом деле. Судя по виду, она вряд ли много спит. Со стороны водительского сиденья из грузовика появляется мужчина в коричневой форме, и они начинают на пару разгружать вещи. Коробки, лампы, тостер. Большое, удобное кресло. Негусто.

Женщина смотрит в ту сторону, где в ожидании залег я. Ее взгляд будто буравит заросли тимофеевки и пробирается в мою темную комнату. И хотя я знаю, что она никак не может меня увидеть, все равно пригибаюсь. Все это очень и очень плохо. У людей есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, а женщины смотрят и слушают гораздо внимательнее мужчин.

Я настолько расстроен, что вынужден отправиться на кухню и приготовить коктейль «Удар быка». С огорчением вынужден признать, что изобрел его совсем не я. Найти его рецепт, вероятно, можно без всякого труда, но у меня есть свой собственный, с некоторыми изменениями, поэтому его вполне стоит записать.

После долгих поисков аппарат обнаруживается под кроватью. Думаю, я сам случайно его туда пнул.

Рецепт коктейля «Удар быка» в интерпретации Баннермана. Вскипятить немного говяжьего бульона, затем сдобрить его перцем и приправой табаско. Можно добавить чайную ложечку горчицы. Я еще добавляю сельдерейную соль. Затем влить глоток бурбона. Может, два. Вообще-то полагается добавлять еще и лимонный сок, но его любят только те, кто обожает салат. Я его в доме не держу.

Только после третьей порции мне становится лучше. Вдогонку я выпиваю таблетку и вот, даже не успев ничего осознать, уже довольно киваю. Как говорила когда-то Мамочка, если тебе больно, прими лекарство. Если порезался, наложи шов. Это любому дураку известно.

Давно-давно Мамочка поведала мне историю об Анку^[2], многоликом боге, обитающем на кладбищах у нее на родине. Как же все-таки страшно иметь несколько лиц. Поди узнай, кто ты такой на самом деле. В детстве мне порой казалось, что по ночам я вижу Анку, нависающего надо мной во мраке; он представлялся мне стариком с длинным ножом, клинок которого отражался в его глазах. Потом превращался в рогатого оленя с окровавленными клыками; в уставившуюся на меня сову, неподвижную как камень. Он стал для меня монстром. Я точно уже не помню, что рассказывала о нем Мамочка, а что мой мозг по ночам додумал сам. От одной мысли о нем я до сих пор дрожу. Но теперь у меня есть Оливия. Глядя ее по шерстке или даже просто слушая сердитое шарканье ее лапок по дому, я вспоминаю, что мне больше ничего не грозит, а Анку теперь где-то далеко-далеко.

Пока я плыву по волнам мыслей, в голове серпантинном снова и снова кружат слова человека-жука. *Когда таишь секреты, тебе всегда одиноко.* Странно, с одной стороны, я действительно очень одинок, но с другой – у меня такая компания, что только успевай управляться.

Когда я уже почти засыпаю, воздух отбойным молотком прорезает трель дверного звонка.

Оливия

Этот чертов дверной звонок орет и орет, а Тед все не встает. Сходя в лес, он всегда спит допоздна. А я слушаю, как он храпит, будто малый барабан. Вот и сейчас. *ХРРРРРРРРР, ХРРРРРРРРР*. Хотя нет, на барабан это не похоже. Скорее на пилу или пневматический молоток для забивания гвоздей, который все лупит и лупит по голове. Ну давай же, тед, награжденный эволюцией большим пальцем для хватательных движений, должен встать и ответить на дверной звонок. Я ведь этого не могу, правда? Я же кошка. Так какого тогда хрена?

Я бегу вверх и топчусь по его лицу до тех пор, пока он не просыпается. Затем со стоном натягивает на себя одежду. Я прогуливаюсь по отпечатку его теплого тела на простынях и слушаю, как удаляются его шаги, громовыми ударами спускаясь по лестнице. Затем грохочут замки, *щелк, щелк, щелк*. Он открывает дверь. Его о чем-то просит другой голос. Похоже, тед-самка. Я в полной уверенности жду. Тед наверняка ее пошлет! Он ненавидит, когда звонят в дверь. В конце концов, каждый тед представляет собой опасность. Он достаточно часто мне это говорил.

Но вместо этого он, к моему ужасу, ее впускает. Дверь закрывается, гремит гром. Весь дом сотрясается от этого грохота. Подо мной скользит ковер. Я злобно ору и пытаюсь зацепиться за что-нибудь коготками. На крыше стонут и кричат балки, стены пробирает дрожь. Весь остов здания грозит вот-вот развалиться и рухнуть.

Постепенно в мир возвращается покой. Но я, спрятавшись под кроватью, не могу двинуться с места. В груди бешено колотится сердце, меня сковал ужас. Запах незнакомки заполоняет весь дом и набивается мне в ноздри. В нем явственно чувствуется какая-то гарь и черный перец. Эта тед-самка вызывает у меня слишком много эмоций – да кто она вообще такая?

Теды внизу беседуют, будто ничего не произошло. Думаю, они на кухне. Не хочу их слышать – еще как не хочу! – но не могу с собой ничего поделать и все равно слушаю. Эта тед-леди будет жить по соседству. Потом она говорит что-то о стиральной машине, в которую

сунули кота. О боже. Да она же, на хрен, на всю голову больная, я видела таких по телевизору.

В голосе Теда звучат какие-то странные нотки. Что это, интерес? Радость? Так или иначе, но это ужасно. А если он попросит ее прийти еще? Если это теперь будет происходить постоянно? Их разговору, похоже, нет ни конца, ни края, и мне приходит в голову мысль: «Ха, такими темпами он просто предложит ей переехать и поселиться здесь». Наконец, спустя целую вечность, их голоса опять выкатываются в холл. Он провожает ее к выходу.

Перед уходом тед-леди говорит: «Если вам понадобится любая помощь», потом добавляет что-то насчет сломанной руки, чего я, по правде говоря, не понимаю.

Наконец он закрывает за ней дверь.

Ну ни хрена себе. Нет, так не пойдет. Плохо, плохо, плохо. Вой достигает такой высоты, что у меня будто вот-вот взорвется голова. Это же подрыв любого нашего взаимного доверия – если мы его потеряем, что у нас останется? А если эта тед-леди убийца? А если она решит вернуться? Нет, это неприемлемо.

Тед поднимается вверх, и над моей головой сострадательно скрипит кровать. Опять, естественно, решил поспать. Он зовет меня, но я совершенно расстроена и убегаю из спальни. Никаких чувств он по этому поводу явно не испытывает, потому как через каких-то пару минут уже опять храпит.

Я меряю шагами гостиную. Глазки в окнах неистово пялятся на меня. Я совсем не чувствую себя в безопасности. Катаюсь по симпатичному ковру, но даже это, против обыкновения, не приносит мне утешения. Я настолько расстроена, что меня подводят даже глаза. Все вокруг принимает противоестественные цвета, стены окрашиваются в зеленый, а ковер в голубой.

Ему надо преподать урок. И битьем всякого хлама на этот раз он не отделается.

Я как безумная прыгаю с кухонной стойки, метя в дверцу холодильника. Наконец зацепляю лапкой ручку и распахиваю, тихонько урча от удовольствия. Холод вырывается на волю. В такую погоду вода скоро растечется по всему полу. Пиво нагреется. Мясо и молоко испортятся. Здорово. Гляньте-ка на мою мисочку! В ней же ничего нет! Пусть узнает, каково это.

После этого мне становится лучше. Возвратившись в гостиную, я с облегчением вижу, что зрение опять пришло в норму. Опять можно свернуться калачиком на оранжевом коврикe и немного вздремнуть, тем более что после всего случившегося я, черт возьми, это вполне заслужила.

Ди

Под ногами что-то хрустит. Среди листьев поблескивают стекляшки, ступени покрыты грязью. Такое ощущение, что кто-то разбил целую коробку елочных украшений и повсюду разбросал осколки. Это придает всей картине лихорадочную нотку нереальности. «Интересно, я узнаю его сразу, когда увижу?» – думает Ди. Правда, конечно же, будет сочтаться из его плоти совсем как неприятный запах.

Она раз тридцать-сорок нажимает кнопку дверного звонка. В окне заметно какое-то движение, но ответа все нет, и девушка думает, не лучше ли ей сейчас уйти. От этой мысли часть ее естества облегченно расслабляется. Но вряд ли она сможет заставить себя пройти через все это еще раз. «Иди до конца, Ди Ди», – звучит в ее голове папин голос. Их беспощадное кредо в те полгода, когда были только он и она. *Иди до конца и ставь точку.* Как бы тебе ни было противно, как бы в груди ни колотилось сердце, какие бы потом ни снились сны. *Иди до конца.* Она чуть выпрямляет спину и в этот момент слышит в доме какую-то возню. Кто-то негромко взвизгивает – может, кошка? Потом доносятся шаги потяжелее; крыльцо, стены и доски содрогаются от присутствия крупного тела.

Отчетливо щелкают три разных замка, и дверь самую малость приоткрывается. Перед ней возникает мутный, карий глаз, обрамленный бледным, поросшим растительностью лицом. У него рыжая борода, гораздо ярче сальной, каштановой, спадающей на бровь прядки волос. Цвет привлекательный и придает ему пиратский, можно даже сказать, беззаботный вид.

– Привет, – говорит она.

– В чем дело?

Голос у него выше, чем она ожидала.

– Я ваша новая соседка. Ди. Просто познакомиться пришла... И пирожок принесла.

Она морщится и едва удерживается от соблазна назваться поэтом Светиком. Вместо этого она протягивает коробку с залежалым

тыквенным пирогом, купленным в дешевом продуктовом. Теперь ей заметно, что крышка покрыта пылью.

– Пирожок... – говорит он.

Наружу змейкой высовывается бледная рука и берет коробку. На миг Ди боится, как бы его кожа не задымилась на солнце, как у вампира. Она не выпускает из рук влажный картон, и некоторое время они мило соревнуются в перетягивании каната.

– Мне так неудобно вас беспокоить, – говорит она, – но мне еще не подключили воду. Вы не позволите мне воспользоваться вашей ванной? Я так долго ехала.

Он моргает глазом.

– Мне сейчас неудобно.

– Я знаю, – с улыбкой продолжает Ди. – Новая соседка еще не успела заселиться, а от нее уже проблемы. Простите меня. Я уже стучалась в пару домов на этой улице, но, боюсь, все на работе.

Он распахивает дверь и сухо говорит:

– Надеюсь, вы недолго.

Ди ступает в преисподнюю – глубокую пещеру, забитую старым, рваным хламом, который высится странными холмиками, озаряемыми одинокими лучами света. Все окна заколочены фанерой с проделанными в ней круглыми отверстиями, чтобы обеспечить хоть какое-то освещение.

Ди поворачивает голову налево, заглядывает в гостиную и видит груды книг. Деревянные доски застланы старыми коврами. На пожелтевших стенах, где когда-то висели то ли картины, то ли зеркала, красуются светлые прямоугольники. Стены выкрашены в темно-зеленый, напоминающий лес цвет. Взору девушки предстают выдавший виды диван и телевизор. На полу лежит грязный голубой ковер, будто сделанный из маленьких катышков. Повсюду стоит запах смерти; не гниения или крови, но высохших костей и пыли, как в старой, давно забытой могиле. Вокруг царит сплошное разложение. Даже щеколда на одном из окон в глубине дома и та проржавела насквозь. Подоконник усеян какими-то темно-красными хлопьями. В голове Ди звучит голос замотанной Кэрен: «В доме бардак. В браке не состоит. Маргинал».

За ее спиной закрывается входная дверь. Она слышит, как ригели всех трех замков встают на место. У нее медленно, один за другим,

встает на затылке дыбом каждый волосок.

– У вас дети? – спрашивает она, кивая на розовый велосипед, валяющийся на боку.

– Лорен, – говорит он. – Я хотел бы видеться с ней чаще, но не могу.

– Да, печально, – отвечает Ди.

А он моложе, чем она предполагала, пожалуй, чуть за тридцать. Одиннадцать лет назад как раз перешагнул двадцатилетний рубеж.

– Ванная в глубине холла, – говорит он, – вон там.

– Замечательная музыка, – добавляет она, шагая в указанном направлении.

Звучащая где-то в доме песня «кантри», исполняемая приятным, проникновенным голосом, для нее еще один сюрприз. Она видит на затылке Теда проплешины, будто там у него ключьями драли волосы маленькие кулачки. По какой-то причине от этого Ди чувствует легкое прикосновение ужаса.

В ванной девушка включает сразу оба крана, слыша, как он ждет ее по ту сторону двери. Чувствует его тревогу, его звериное дыхание. Ди в мельчайших подробностях знает свое тело, свою кожу, такую прочную в одних местах, как на пятках или мозолистых кончиках пальцев, и такую тонкую в других, в том числе на веках. Она чувствует тоненькие волосики на предплечьях, мягкие шарики глазных яблок, длинный язык и горло, пурпурные внутренние органы и мускулистое сердце, которое гонит по всему ее организму алую кровь. Причем сейчас гонит быстрее обычного. Все они очень ранимые, их можно запросто пробить, а конечности сломать: тогда брызнет кровь, кость оцетинится зазубренным переломом, глазные яблоки, стоит нажать на них двумя большими пальцами, брызнут в разные стороны. Она ищет зеркало, дабы убедиться, что пока для нее все обошлось без потерь, но ни над раковиной, ни где-то еще в этой грязной, тускло освещенной ванной его нет.

Ди сливает бачок унитаза, моет руки и открывает дверь.

– А можно попить воды? – спрашивает она. – У меня в горле пересохло. Здесь всегда так тепло? А я думала, здешние края славятся ливнями!

Ни слова не говоря, он поворачивается и тащится на кухню.

Отпивая из стакана, Ди глядит по сторонам.

– Вы охотник? Или, может, рыбак?

– Нет, – говорит он.

Потом мгновение молчит и добавляет:

– А почему вы спрашиваете?

– Раз вам понадобилось два морозильника, значит, у вас, должно быть, много мяса или рыбы.

Но, судя по всему, работает у него только небольшой холодильник. Другой – старый морозильный шкаф – открыт и пуст, крышка его откинута и прислонена к стене.

Он выглядит смущенным.

– В нем любит спать Оливия, – говорит он, – моя кошка. Когда он сломался, от него надо было избавиться, но ее эта штукавина радует, представляете? Она забирается туда и без конца довольно урчит. Так что я его оставил. Хотя, думаю, это глупость.

Ди заглядывает внутрь. Там навалены одеяла и подушки, чтобы было помягче. На одной из них виднеется волосок – то ли каштановый, то ли рыжий. На кошачий не похож.

– А Оливия живет на улице? – спрашивает девушка.

На кухне нигде нет кошачьих мисочек для еды или питья.

– Нет, – обиженно отвечает он, – конечно же, нет, это ведь опасно. Она домашняя кошечка.

– Обожаю кошек, – улыбаясь, произносит Ди, – но они такие засранки. Особенно под старость.

Он смеется – как перепуганный заяц.

– Думаю, Оливия действительно стареет, – говорит он. – Она у меня уже давно. В детстве я только и мечтал о кошечке.

– Наша любила спать в сушилке, – отвечает она, – и для папы стала сущим кошмаром. Он так боялся перепутать ее со свитером и...

Она крутит руками и кривит лицо, изображая из себя кошку, в испуге пляшущую через стекло.

Он опять сдавленно смеется, и Ди дополняет свою пантомиму чем-то вроде танца, показывая, как кошка вращается вместе с бельем.

– А вы веселая, – говорит он.

Улыбка у него какая-то скрипучая и кривобокая, словно в последний раз он пользовался ею давным-давно.

– Я всегда боялся, что Оливия там заперется. Но теперь, если что, она не задохнется.

С этими словами он показывает Ди пробитые в крышке отверстия.

– Какая прелесть, – говорит она, проводя пальцем по одеялу, желтому с узором из голубых бабочек, на ощупь похожему на спинку утенка.

Он медленно, но уверенно закрывает крышку морозильника, поэтому ей приходится отдернуть руку. И в этот момент она замечает на его предплечье сходящие синяки и распухшую ладонь.

– Послушайте, у вас же травма! – восклицает Ди. – Что с вами произошло?

– Ударил дверцей машины, – отвечает он, – в смысле, когда закрывал. Припарковался на холме. Хорошо, хоть не сломал вроде бы.

Она кривит лицо, будто морщась от боли.

– Бьюсь об заклад, она у вас и сейчас болит. Однажды я сломала руку. Вы даже представить не можете, как мне тогда приходилось мучиться, чтобы открыть банку с консервами или сделать что-то еще. Вы правша? Если понадобится помощь, обязательно дайте мне знать.

– Угу, – говорит он.

Наступает тишина, которую девушка отнюдь не торопится нарушать.

– А чем вы зарабатываете на жизнь? – спрашивает наконец он.

– Когда-то хотела стать танцовщицей, – отвечает Ди, – а теперь не представляю собой ровным счетом ничего.

Странно, что она впервые позволила себе признать это вслух.

Он кивает и говорит:

– А я мечтал быть поваром. Что поделать, это жизнь.

– Да, жизнь, – отвечает она.

У двери она пожимает ему руку.

– Пока, Тед.

– Я разве говорил вам, как меня зовут? – спрашивает он. – Не помню такого.

– Имя написано у вас на рубашке.

– Когда-то я работал в автосалоне, – говорит он, – и, похоже, привык к этой рубашке.

Безработный или же занят ручным трудом.

– Так или иначе, но я вам очень благодарна, – произносит Ди, – вы повели себя как настоящий, дружелюбный сосед. Обещаю вас больше

не беспокоить.

– Заходите в любое время.

Затем на его лице отражается тревога, и он быстро закрывает за собой дверь.

Щелк, щелк, щелк.

Ди медленно идет по выжженному солнцем двору. Он наверняка смотрит ей вслед. Она спиной чувствует тяжесть его взгляда. Ей требуется все самообладание, чтобы не сорваться на бег. Перед походом сюда девушка ничуть не сомневалась, что в дом он ее не пустит.

Ди дрожащими руками закрывает входную дверь, садится на пыльный пол и прислоняется спиной к створке. Пытается дышать и взять себя в руки, но тело словно принадлежит кому-то другому. У нее сжимаются и разжимаются кулаки. На голову накатывают жаркие приливы. Она судорожно хватается ртом воздух, из горла рвется резкий, режущий звук. Сердце отдается в ушах барабанным боем. «Паническая атака», – приходит в голову смутная мысль. *А ну соберись.* Но это примерно то же, что все глубже погружаться в песчаную дюну – так просто не выберешься.

Наконец дурнота отступает. Ди кашляет и делает глоток воздуха. Затем вдруг понимает, что в доме стоит едкий запах сухой травы, перечного дерева, акации и жуков-щитников. Внутрь забралась живая природа, которой здесь быть не должно. Девушка встает, слабая, как котенок, и идет на запах, дабы определить его источник. В окне пыльной гостиной не хватает стекла. Щербатые доски покрыты опавшими листьями. Здесь наверняка спит какой-то зверек. Не скунс, вероятно, но что-то похожее. Может, опоссум или енот.

– Да, – шепчет она, обращаясь к пустой комнате, – это тебе не номер в отеле.

Чтобы загородить раму с выбитым стеклом, она подтаскивает к ней небольшой книжный шкаф. Хозяин дома, у которого она его сняла, не произвел на нее впечатление человека, который станет заморачиваться какими-то проблемами. Да она и не против. Чем меньше он станет ей досаждать, тем лучше.

В качестве эксперимента девушка обводит глазами гостиную. От многолетнего сигаретного дыма стены закоптились и приобрели

коричневатый оттенок, в углах скопились гроздьи пыли. «И это мой дом», – думает она. Это ее слегка смешит. Ди уже не помнит, где в последний раз чувствовала себя дома. Пожалуй, лет в двенадцать-тринадцать, когда в соседней комнате еще спала Лулу, сложив губки бантиком, сунув в рот большой палец, едва слышно и проникновенно похрапывая.

Ее удивляет, что к дому подключен газ. Ди готовит стейк со стручковой фасолью и запекает картофель на белой кухне. Затем быстро все съедает, не получая никакого удовольствия. Ей не важна еда, но важно заботиться о себе. Она на собственной шкуре усвоила, насколько это необходимо. После выключения плита продолжает шипеть, а по кухне плывет слабый запах газа. Еще одна неисправность, которую придется устранить. Этим она займется завтра – если ночью не умрет. Подумав, решает всецело положиться на судьбу.

Когда опускаются сумерки, Ди, скрестив по-турецки ноги, сидит в гостиной на полу. В комнату вползает ночь, собирается лужами в углах и разливается по доскам, словно прилив. Девушка вглядывается во мрак, и тот тоже вливается в нее взглядом. В окнах Теда зажигаются небольшие кружки света. В одном из них мельтешат цвета – должно быть, телевизор. Чуть позже на первом этаже они гаснут, а второй на несколько минут озаряется двумя лунами. В десять они тоже гаснут. Значит, ложится рано – ни телевизора, ни книги на ночь, ничего. Девушка еще на несколько мгновений задерживает взгляд. В доме темно, но она никак не может избавиться от ощущения, что до покоя ему далеко. В его неподвижности есть что-то маниакальное. Ди все смотрит и смотрит, хотя ничего не происходит. От усталости ломит все тело; перед ней клубится мрак. Ей тоже не мешает поспать. Впереди ее ждет долгий путь.

Ванная выложена старой белой плиткой, от трещин похожей на географическую карту. Над головой жужжит неоновая лампа, забитая трупиками мух и мошки. Ди кладет в ванну одеяла и подушки. «При землетрясении – самое безопасное место», – говорил ей когда-то отец. Как бы то ни было, кровати у нее все равно нет. Рядом с собой на белую плитку она кладет молоток-гвоздодер. Затем закрывает глаза и несколько раз протягивает к нему руку, подстегивая мышечную

память, представляя, как она, пробуждаясь от сна, видит нависающую над ней темную фигуру.

Рисует в воображении личико Лулу, на котором облачками на солнце сменяются разные выражения.

Ди читает «Грозовой перевал». Ей осталась всего пара страниц до конца. Закончив, она вновь открывает книгу на случайной странице и снова берется за чтение. Кроме этой, других книг она не признает. Ди любит читать, но поди узнай, что тебе подкинет та или эта, а она не может позволить, чтобы ее застали врасплох. Герои «Грозового перевала» по крайней мере понимают, что жизнь – жуткий выбор, который приходится делать каждый день. «Впусти меня, – умоляет Кэтрин, –пусти».

Когда она выключает свет, ее окружает плотный, непроглядный мрак. Вокруг, словно живое существо, дышит дом, скрипя досками, выпуская накопленное за день тепло. В окно заглядывают звезды. Дом на деле стоит совсем не в городе, а почти в лесу. Как же отсюда близко до того места, где все произошло. Каким-то непонятным образом воздух заключает в себе воспоминания о тех событиях. Ветер разносит их во все стороны, и они ложатся в землю среди старых деревьев и влажного мха.

Сны наполнены палящим солнцем и страхом потери. Ее родители, взявшись за руки, идут по пустыне под усеянным звездами небом. Она смотрит, сколько может, но потом взлетают красные птицы, небо белеет, тихо шелестят перья их крыльев. Девушка вскакивает и садится с бешено бьющимся в груди сердцем. Ее вырвал из сна этот звук. Вот он опять доносится с первого этажа. Ди слышит, что это не крылья – там будто кто-то царапает по дереву гвоздем.

Ее ладонь скользит по обрезиненной рукоятке молотка. Она тихо спускается на первый этаж. Под ногами выстрелом скрипит каждая доска. Звук не стихает, по дереву по-прежнему скребут то ли ногти, то ли когти. Ди понимает, что миры опасно сблизилась друг с другом. «Впусти меня,пусти».

В расшторенные окна гостиной струится бледный, серебристый свет. Теперь царапают настойчивее и быстрее. Ди кажется, что за этой возней пробивается другой звук – срывающийся и высокий. Вполне возможно, плач. Шкаф дрожит, словно неистовство и мощь

притаившейся по другую его сторону силы нарастают с каждой секундой.

«Я впусти тебя», – шепчет Ди. Она оттаскивает в сторону книжный шкаф, и тот с пронзительным стоном едет по полу. И в этот момент она видит то, что скрючилось по ту сторону окна, глядя в комнату. Молоток из ее руки выскользывает на пол. Девушка становится на колени и оказывается лицом к лицу с ребенком: рот черешенкой; в лунном свете пестрит серебристо-белая плоть; глаза горят, как две лампы, наполненные огнем смерти; голова вся в ссадинах и разодрана в тех местах, где птицы рвали из нее волосы клочьями.

– Входи, – шепчет Ди и протягивает ей руку.

Ребенок шипит на нее, будто порождение ада, и у Ди перехватывает дыхание. На нее волной накатывает страх и такой холод, что ей кажется, будто в груди вот-вот остановится сердце. Ребенок открывает рот, его ладони взвиваются двумя плетями и рвутся вперед, чтобы схватить Ди за руку и выдернуть из привычного ей мира в другой, непостижимый, ожидающий ее снаружи. Она видит перед собой белые зубы, похожие на жемчужины, сверкающие в могучей челюсти. Видит корявые, заскорузлые пальцы. В тусклом свете бледное личико подернуто рябью, будто под водой.

Девушка кричит, и этот звук разрушает ее сон – или это было видение? Ди видит, что никакой мертвой девочки в окне нет. Это шипит кошка с выбеленной лунным светом муаровой шерсткой, широко открывая пасть. Зверек напрягается, чтобы броситься на Ди, и в этот момент та видит, что на ее искалеченных лапках нет когтей. Девушка пятится и говорит ласковые слова, чтобы ее успокоить. Зверюшка поворачивается, чтобы уйти, но потом оглядывается назад и мгновение смотрит на Ди, ее острая мордочка в тусклом сиянии выглядит зловеще. Потом исчезает, проворно растворяясь во мраке сада.

Ди садится обратно на корточки, ее пробирает дрожь.

– Это всего лишь бездомная кошка, – говорит она. – Может, тебе, Ди Ди, больше не стоит читать на ночь страшные книжки, а? Подумаешь, невидаль. Здесь и волноваться нечего.

У нее давно вошло в привычку говорить вслух слова, которые от нее хотел бы услышать папа, но подлинные чувства хранить внутри.

Не время сейчас разваливаться на мелкие кусочки. Она опять думает о Лулу и о том, что ей предстоит. Мысль о поставленной цели приносит успокоение. Сердце в груди Ди замедляет свой горячечный ритм.

Девушка оглядывает густые, спутанные заросли, поработившие весь задний двор, – дикие, непроходимые, благоухающие в ночи ароматами. Там может спрятаться что угодно, незаметно подползти к дому и к окнам, потом вытянуть длинный палец и... Она замечает, что у некоторых соседей трава на газонах выкошена до самой земли. Предположительно, чтобы там не гнездились змеи и другие вредители. Ди опять вздрагивает. Во дворе Теда царит такой же хаос, как и у нее. Она оглядывает буйствующий по всему саду кустарник. В лунном свете кажется, что ветки колышутся, тихо извиваясь, будто змеи. Девушка качает головой и чувствует, как к горлу подкатывает тошнота. Тот день на озере отнял у нее практически все, но вместе с тем и кое-что после себя оставил. Это называется *офидиофобия* – патологическая боязнь змей. Ди видит их где угодно, в каждой тени ей мерещатся их зловещие кольца. От этого леденящего страха у нее туго соображает голова, а сердце в груди бьется еле-еле.

Она медленно складывает чашечкой руки, подносит их к губам и прикрывает ими рот, будто маской. Потом шепотом произносит в ладони имя и вопрос, снова и снова. По диску луны скользят облака – то прячут в тени, то озаряют светом лицо девушки, искрясь на влажных бороздках от слез.

На следующее утро она возвращается на свой пост у окна гостиной. Ди вообще не расшторивает окна и с наступлением темноты не зажигает свет. Ей прекрасно известно, как освещенное окно сияет в ночи, будто маяк. Теду, по всей видимости, тоже. Из-за заколоченных фанерой окон девушке кажется, что его дом сознательно отвернулся от нее, обратившись лицом к лесу.

Для начала Ди изучает его привычки. Время от времени Тед отправляется в лес и возвращается оттуда только утром, а порой даже и через пару дней. Иногда ходит в город, но задерживается там уже не так долго и приходит обычно через несколько часов или же вечером. Порой возвращается оттуда крепко навеселе. А иногда по утрам встает во дворе перед домом и ест что-то вроде бутерброда с соленьями и арахисовой пастой. Невидящим взглядом смотрит прямо перед собой и механически работает челюстями. Во дворе виднеются разнообразные

кормушки для птиц, подвешенные или приколотенные к вбитым в землю шестам, но сами пернатые к ним не прилетают. Что же им такое о нем известно?

Что-то про него она узнает онлайн. Порой Тед публикует свои наблюдения в рубрике местной газеты, посвященной редким птицам. Мама у него медсестра. Очень красива, в старомодном стиле, не имеющем ничего общего с такими понятиями, как плоть или еда. На зернистом снимке она держит в тоненьких пальчиках диплом. Победитель конкурса «Медсестра округа» какого-то там года. Интересно, а что вообще означает иметь такого ребенка, как Тед? В ее груди по-прежнему живет любовь к нему? И где она сейчас?

В первый раз, когда Ди пытается пойти за ним в лес, он доходит до начала тропинки, останавливается и ждет во тьме. До нее доносится звук его дыхания, она замирает на месте, ничуть не сомневаясь, что он слышит биение ее сердца. Некоторое время спустя Тед громко хрустит ветками, как неуклюжий, неповоротливый зверь, и скрывается в лесу. Девушка понимает, что на этот раз ей за ним нельзя. Он ее учуял.

Помимо своей воли она испытывает облегчение. Ей кажется, что в мрачном лесу полно тихо скользящих по земле змей. Ди возвращается домой и сгибается пополам в приступе рвоты.

Затем опять наблюдает за домом. В конце концов, она явилась сюда отнюдь не за ним. Ди терпеливо ждет. У нее на коленях раскрыт «Грозовой перевал», но она в него даже не заглядывает. Вместо этого не отрывает от строения напротив глаз, запоминая каждую чешуйку краски, облупившейся со старой обшивки, каждый ржавый гвоздь, каждый побег хвоща, каждый одуванчик, колышущийся у его стен.

Два дня спустя она, можно сказать, готова сдаться. Но потом за стрекотом цикад, за жужжанием мух и пчел, за чириканьем воробьев и приглушенным гулом далеких газонокосилок ей слышится хруст битого стекла. От этого в ее естестве напрягается каждый нерв. Откуда он доносится? Из дома Теда? Ди практически уверена, что так оно и есть. У нее на этот счет почти нет никаких сомнений.

Ди поднимается с пола и чувствует, как от долгого бдения у нее затекло все тело. Потом решает пойти туда. Ну да, ей просто показалось, что разбилось окно, она подумала, что в дом забрались воры, поэтому чисто по-соседски... В общем, самое обычное дело.

Пока она раздумывает, на улице появляется Тед. Он идет преувеличенно прямо, как раненый или прилично принявший на грудь человек. И держит за ручки пластиковый пакет.

Ди тут же садится обратно. От его вида на периферии ее зрения расплываются очертания предметов, ладони скользят, будто намазанные маслом. Реакция организма на страх очень похожа на влюбленность.

Тед открывает дверь, двигаясь все с той же зловещей осторожностью. Через пару секунд доносится смех. Наверное, телевизор. На его фоне Ди слышит высокий, ясный голос: «Не хочу я делать алгебру».

Затем низким рокотом произносит несколько слов мужчина. Должно быть, Тед. Ди напрягается. От прилагаемых усилий у нее болит голова. Заполненное летним воздухом пространство меж двух домов густеет и становится непроницаемым, как тесто. Маленькая девочка заводит песенку о мокрице. Ди наблюдала уже несколько дней, но видела только Теда – кроме него, больше никто не приходил и не уходил.

На нее одновременно наваливаются облегчение и ужас – до такой степени, что даже чувствуются во рту привкусами грязи и воды. Только что она нашла подтверждение своих самых жутких страхов, но вместе с тем и самых радужных надежд. В доме есть ребенок, которого оттуда никогда не выпускают. «Это все, что тебе на данный момент известно, – сурово выговаривает она себе, – не торопись, Ди Ди, всему свое время». Но все равно не может с собой ничего поделаться. «Лорен», – думает она. *Лулу*. Полное имя ее сестры – Лаура. *Лулу, Лаура, Лорен*. Такие близкие звуки, почти даже тождественные друг другу. Для Ди в этот момент девочка поет в точности как ее сестра. Голосом того же тембра и тоже немного срывающимся.

Тед

«Не хочу я делать алгебру», – дуется Лорен, слегка выпячивая губки, что меня просто бесит.

– Даже не думай, – говорю я, – и никаких слез, ты меня слышишь? Сегодня у нас алгебра и география, так что мы займемся именно ими, а петь ты больше не будешь. Книги в руки и марш за кухонный стол.

Эти слова слетают с моих губ резче, чем мне того хотелось бы. Я устал, и эти нотки в ее голосе для меня попросту невыносимы. Да и таблеток у меня осталось гораздо меньше, чем казалось раньше.

– У меня болит голова, – произносит она.

– Тогда брось эту привычку драть с нее волосы.

Лорен берет тоненькую каштановую прядку и сует ее кончик себе в рот. Затем с силой ее дергает. Теперь на ее черепе повсюду виднеются небольшие проплешины. Выдирать волосы ее любимое занятие. Мои, свои – без разницы.

– Хочешь, чтобы я раньше срока отослал тебя обратно? Если нет, веди себя хорошо – подальше от греха.

– Прости, пап.

Лорен кладет на раскрытый учебник голову. Алгеброй скорее всего не занимается, но у нее по крайней мере хватает ума делать соответствующий вид. Мы какое-то время молчим, после чего она говорит:

– Пап?

– Что?

– Этим вечером я сама приготовлю ужин. Судя по виду, ты очень устал.

– Спасибо, Лорен.

Мне приходится поскорее смахнуть слезу, чтобы она ее не увидела. Я чувствую себя паршиво от того, что постоянно ворчу. И, помимо своей воли, надеюсь, что она наконец начнет проявлять интерес к еде.

На кухне Лорен, естественно, устраивает полный кавардак. Использует каждую попавшуюся под руку сковородку, не поспекает

уследить за блюдом, которое у нее пригорает, и по всему дому распространяется едкий, прогорклый запах.

– Не смотри на меня, пап, – говорит она, – я так не могу.

Я поднимаю руки и отступаю.

Макаронны она недоварила, вместо соуса подает какую-то жижу, напрочь лишенную вкуса, в которой проглядывают небольшие кусочки мяса. Я съедаю все, что она мне дает.

– Лучший ужин за всю мою жизнь, – говорю я, – спасибо, котенок. Ты взяла тот кусок мяса, что я сегодня купил?

Она кивает.

– Хммм... – говорю я. – Что-то ты не ешь.

– Не хочу.

– Как говорила когда-то Мамочка, «у повара никогда не бывает аппетита», – продолжаю я, – в смысле, твоя бабушка. То и дело это повторяла. Как и еще одну фразу: «Никогда в жизни не называй женщину сумасшедшей».

– Она мне не бабушка, – тихо произносит Лорен.

Я пропускаю ее слова мимо ушей, ведь она сегодня постаралась на славу.

Потом навожу порядок, что отнимает у меня какое-то время, и мы устраиваемся поудобнее, чтобы провести вечер. Лорен усаживается посреди кухни прямо на полу. Ночь не только не приносит прохлады, но будто раскаляется еще больше. На нашей коже моросью проступает пот.

– Пап, можно мне открыть окно?

– Нет, нельзя, и ты знаешь это не хуже меня.

Хотя я и сам был бы не прочь. Воздух затвердел от духоты. Лорен с отвращением фыркает и стаскивает с себя рубашку. Майка на ней грязная; надо бы устроить постирушку. Сухое поскрипывание маркеров по бумаге приносит успокоение. А когда стихает, я поднимаю глаза. Перед ней – море карандашей и радуга маркеров, с каждого из которых снят колпачок.

– Лорен! – говорю я. – А ну надень обратно колпачки! Маркеры на деревьях не растут.

Но она лишь затуманенным взором смотрит прямо перед собой.

– Ты в порядке, котенок?

Она не отвечает и лишь хватается ртом воздух, от чего у меня в груди чуть не останавливается сердце. Я прикладываю ей руку ко лбу – он холодный и липкий, как нижняя часть только что вывороченного из земли камня.

– Давай-ка пойдем наверх, – говорю я, – и уложим тебя в постель...

Она пытается ответить, но вместо слов из ее рта вырывается жаркая струя рвоты. Лорен ложится на пол, прямо где стоит, даже не пытаясь отодвинуться немного в сторону, чтобы не оказаться в луже блевотины. Когда я пытаюсь ее оттащить, все идет совсем не так, как надо. Обтираю ее, как могу, умываю, чтобы ей не было так жарко, пытаюсь дать аспирин и ибупрофен, чтобы обуздать лихорадку, но она тут же исторгает их из желудка наружу.

– Ну же, котенок, давай, – говорю я, но в этот момент происходит что-то странное.

Мой голос будто улетает куда-то вдаль. Меня пронзает раскаленное добела копьё, пропарывая кишки. В животе все идет пузырями и горит. О боже. Накатывает красная чернота. Мы лежим вместе на кухонном полу и стонем, а наши внутренности выворачиваются наружу от боли.

Болеем мы с Лорен весь день и всю ночь. Дрожим и покрываемся потом. Время замедляется, замирает, потом унылым червем ползет вперед, отвоевывая дюйм за дюймом.

Когда кризис остается позади, я даю ей воды и немного энергетика, найденного в буфете на кухне. А ближе к ночи намазываю маслом крекеры с солью и кормлю ими, протягивая по одному. При этом нам приходится поддерживать друг друга.

– Скоро тебе пора уходить, – говорю ей я. Понемногу розы заново расцвели на ее щеках.

– Это обязательно? – шепчет она.

– Будь пайнкой, – отвечаю я, – через неделю увидимся.

Она неподвижно лежит у меня на руках. Но вдруг начинает орать, царапаться и брыкаться – знает, что все мои слова – ложь.

Я крепко прижимаю ее к себе и говорю:

– Так будет лучше. Ну, котенок, пожалуйста, не надо драться.

Но она все буйствует, я наконец теряю терпение и говорю:

– Ну все, теперь будешь сидеть взаперти, пока мне не надоест. Сама напросилась.

У меня кружится голова, внутренности полыхают жаром. Но надо все выяснить. Я заглядываю в пакет для мусора, куда перед этим выбросил кусок мяса, испортившийся, когда в холодильнике не захлопнулась до конца дверца. В бурой массе копошатся белые черви. Утром пакет был гораздо тяжелее. К горлу подступает обжигающий ком, но я не даю ему выплеснуться наружу.

Выношу мусор на улицу, хотя это надо было сделать с самого начала. Мир вокруг меня угрожающе качается, воздух приобретает твердую консистенцию. Мне еще никогда не было так плохо.

В последний раз Лорен предпринимала такого рода попытку несколько лет назад. Я чувствую себя полным идиотом, ведь мне казалось, что мы с ней друзья. Не надо было так расслабляться.

В тиши игла проигрывателя царапает пластинку. Все вокруг заполняет женский голос. Мне эта песня не нравится, в ней слишком много бубна. Но я все равно ее слушаю.

Дотошно все проверяю. Нож лежит в верхнем отделении буфета, как и положено. С висячим замком на ноутбуке тоже все в порядке, однако металл на нем как-то потускнел, словно его долго теребили потные ладони, пытаюсь подобрать нужную комбинацию. Я люблю дочь. Но при этом ничуть не сомневаюсь, что она пыталась отравить нас обоих.

Пересчитав ручки и карандаши, я обнаруживаю, что не хватает розового маркера. Но что еще хуже, подойдя к шкафчику, дабы их там запереть, вижу на карандашных коробках список подозреваемых Убийц. Я его туда не клал. Беру его в руки и вижу, что в него жирным, розовым маркером вписано еще одно имя.

«Лорен», – выведено ее корявым почерком. Именно этого я все время и боялся.

Я сворачиваюсь на диване, как та мокрица; по краям поля зрения толчется чернота. Живот корчится от боли. Нет, желудок уже изверг все свое содержимое, это конец. О Господи.

ОЛИВИЯ

Я хоть и знаю, что ее время еще не пришло, но все равно подглядываю в дырочку. Серое небо, неровные заплатки травы, треугольник обледенелого тротуара. Судя по всему, там жуть как холодно. В такой вот денек быть домашней кошкой очень даже неплохо.

За моей спиной надрывается телевизор. Что-то о рассветных улицах и прогулках. Время от времени Тед не выключает его, чтобы я не чувствовала себя одиноко. А иногда он включается сам по себе. Он уже совсем старый. Из телевизора можно узнать очень многое. А еще я ему рада, так как он заглушает этот визгливый вой, теперь неотступно сопровождающий меня повсюду. Ууууууууу. Ууууууууу.

Меня, должно быть, сморил сон – когда со мной заговаривает чей-то голос, я вздрагиваю и просыпаюсь. Поначалу думаю, что это Бог, и быстро сажусь. Что-что?

– Травму следует тщательно изучить, – продолжает голос, – добраться до самой ее сути. И вновь рассмотреть со всех сторон, чтобы потом с ней справиться.

Я зеваю. Этого теда, безумно скучного, порой показывают по телику. Мне совсем не нравятся его глаза – круглые, как две маленькие голубые дырочки для подглядывания. У меня такое чувство, что стоит ему появиться на экране, как я тут же чувствую его запах, от чего у меня нервно трепещет хвост. Он воняет пылью и прокисшим молоком. Но разве так бывает? Ведь в телевизоре теда унюхать точно нельзя!

Днем передачи хуже некуда. Это, похоже, общедоступный канал. Как же мне хотелось бы его переключить.

Вообще-то было бы неплохо занять собственное телешоу – вот это было бы по-настоящему весело. Я назвала бы его «Наперегонки с Оливией» и с утра до вечера говорила бы о том, что ела. Рассказала бы все о моей возлюбленной, о ее тигриных глазках и плавной походке. А потом внимательно рассмотрела бы все существующие на свете типы дремы и присущие им качества, потому как в действительности их очень много. Короткая и глубокая – я называю

ее «колодцем для загадывания желаний». Очень легкая, когда ты наполовину бодрствуешь, способная продолжаться часами – ее я называю «доской на роликах». Когда кемаришь перед телевизором во время хорошего шоу (но только не ЭТОГО), вроде бы и следишь за сюжетом, а вроде бы и спишь, дрема называется «сплетницей». А вот когда засыпаешь после того, как тебя долго гладят и твое урчание сливается с глубоким голосом земли, то это... Названия я еще не придумала. Но это так здорово.

Так или иначе, думаю было бы неплохо поделиться с другими моим опытом и теми бесценными мыслями, которые меня посещают. Примерно так же, как я делаю сейчас, но с присутствием визуальной картинки, ведь на фотографиях и видеозаписях я получаюсь просто супер.

Тед

Я очень скучаю по Лорен. Теперь, когда первое потрясение уже прошло, я понимаю, что никакой Убийцей она, конечно же, быть не может. Нет, она могла бы на это пойти, только вот у нее не было никакой возможности. Откуда у нее могли взяться ловушки? Как она могла тайком от меня их установить? Нет, это не Лорен, этого просто быть не может. А свое имя в список она включила, только чтобы меня огорчить. Ей такие проделки нравятся.

В ближайшее время нам не придется видеться – пока я не решу, что делать с ней дальше.

Между тем опять наступает день очередного визита к человеку-жуку. Я похудел не на один, и даже не на десять фунтов. Но все равно могу идти по улице, не шатаясь. Вот и хорошо. У меня накопились вопросы.

Говорить я начинаю еще до того, как он закрывает дверь.

– Я начал смотреть по телику новое шоу. Такое классное.

Человек-жук прочищает горло и нервно поправляет на носу очки – квадратные, в массивной оправе, скорее всего дорогие. Интересно, как же он живет, выслушивая целыми днями разговоры пациентов о своей жизни, если его от этого тошнит?

– Как я уже говорил, если вы хотите проводить отведенный вам час за разговорами о том, что видели по телевизору, это ваше право. Но...

– Имеется в виду то шоу о девочке-подростке, у которой выявили... как их... ну, эти наклонности. Я говорю о ее жестокости. Ей нравится причинять боль людям и животным. У нее есть мама, которая очень ее любит, всегда старается защищать и делает все, чтобы удержать девочку от убийства. Как-то раз мама причиняет ей вред, и девочка не может больше ходить. То есть это была случайность, потому что она и не думала делать что-то такое специально, но девочка начинает ее за это ненавидеть. Думает, что мать пошла на такой шаг преднамеренно. Что очень несправедливо, как я считаю. Из-за своего увечья девочка вынуждена постоянно проводить время дома. И она не

прекращает попыток убить мать. А та постоянно старается утаить, что дочь жестока, и защищает ее, скрывая от окружающих ее подлинную натуру.

– Звучит замысловато, – говорит человек-жук.

– И вот мне стало интересно – а в реальной жизни мать может сделать что-нибудь, чтобы дочь стала лучше и не вела себя так агрессивно? Да и потом, это у нее наследственное? То есть она такая злая потому, что у нее такая мать? Или же это идет изнутри?

– Врожденное или приобретенное? Хороший вопрос. Я бы не прочь узнать об этой ситуации немного больше, – говорит человек-жук и теперь пристально смотрит на меня круглыми глазками сверчка.

Мне даже видится, как у него над головой шевелятся усики.

– А больше я ничего не знаю, шоу-то ведь только началось.

– Ясно, – говорит он. – Как вы считаете, может, нам сейчас полезно поговорить о вашей дочери?

– Нет!

Он смотрит на меня. Его круглые глаза теперь становятся плоскими, как две фальшивые монетки.

– В каждом из нас сидит монстр, – говорит он, – и если вы, Тед, выпустите своего наружу, он, возможно, вас не сожрет.

Он вдруг предстает передо мной совсем в другом обличье. Не маленького, безобидного жучка, а ядовитого жучары. Мне не хватает воздуха. Как он узнал? Я ведь соблюдал такую осторожность.

– Я не так глуп, как вы думаете, – тихо произносит он, – и давно понял, что свою дочь вы обезличиваете.

– Как это?

– Думать о ней как о личности выше ваших сил, поэтому с ее чувствами вы справляетесь, приписывая их кошке.

– Если не можете мне помочь, так и скажите!

Я вдруг понимаю, что ору. Делаю глубокий вдох. Человек-жук не сводит с меня глаз, склонив набок голову.

– Простите, – говорю я, – с моей стороны это было очень грубо. Я не в духе. То идиотское шоу по телевизору меня очень расстроило.

– Здесь вы можете без всякой опаски давать волю своему гневу, – говорит он. – Давайте продолжим.

Он опять выглядит маленьким и безобидным, как всегда. Все остальное я, должно быть, напридумывал. Это просто человек-жук, не

более того.

В продолжение темы он говорит что-то о травме и памяти, все как обычно, но я его уже не слушаю. Который раз пытаюсь втолковать ему, что никакой травмы у меня нет, а ему хоть бы что. Я уже научился отключаться от него в такие моменты, как сегодня.

Мне совсем не хотелось бы демонстрировать ему свой нрав. Я смутился и нужных ответов так и не получил. Лорен слишком меня вымотала. Тяжело жить с человеком, пытающимся тебя убить.

На телефонных столбах полощутся объявления – истрепанные и задубевшие от ветра, солнца и дождя. У Леди Чихуахуа на них лицо призрака. Я прохожу мимо ее дома, даже не глядя в ту сторону. Боюсь, что он в ответ тоже бросит на меня взгляд. И с силой прижимаю к себе пакет из коричневой бумаги, который мне дал человек-жук.

ОЛИВИЯ

За окнами темным-темно, ни луны, ни звезд. Теда все нет. Сколько же он уже шляется? Два дня? Три? Думаю, что это довольно безответственно.

В моей миске на кухне лениво возятся склизкие создания. Да, это я есть не могу. Слизываю несколько капель воды с протекающего крана. Что-то стремительно улепetyвает, прячась за стенами. Как же мне хочется есть.

Нет, я, конечно же, могу кое-что предпринять, чтобы добыть еду... Из моей груди рвется наружу вздох. Мне не нравится звать его без настоящей необходимости. Я кошка мирная. Люблю солнечные зайчики, люблю, когда меня гладят, и обожаю восхитительное чувство, охватывающее меня, когда я отгачиваю когти о балясины перил. Я кошка Теда и делаю все, чтобы он был счастлив, потому что так мне повелел Господь. Ведь близкие именно так и поступают, разве нет? Убивать мне не нравится. Но так хочется есть.

Я закрываю глаза и в то же мгновение ощущаю его присутствие. Он всегда ждет, свернувшись клубком на чернильно-черных задворках моего разума.

«Пришел мой час?» – спрашивает он.

«Да, – без особой охоты отвечаю я, – пришел твой час».

Я, конечно же, котенок Теда, но во мне таится и другая натура. И на какое-то время ей, этой моей стороне, можно передать контроль. Скорее всего в каждом из нас есть какое-то тайное, дикое начало. В моем случае его зовут Мрак.

Он встает – одним плавным движением. Мрак, как и я, тоже черный, но без белой полоски на грудке. Думаю, по сравнению со мной он крупнее, хотя судить об этом трудно, ведь он не что иное, как часть меня самой. Пожалуй, размером с рысь. В этом есть смысл, если вспомнить, какими мы когда-то были. Мрак – убийца.

И теперь я говорю ему: *Фас*.

Розовым языком Мрак проводит по острым, белым зубам. А потом грациозной поступью выходит из мрака.

Я прихожу в себя, чувствуя позывы к рвоте. Почему-то в ванной. В открытую дверь виднеется люстра холла. За окнами темным-темно, небо на рассвете еще не порозовело.

На плитках пола передо мной куча окровавленных костей. Обглоданных без остатка. В животе ощущается тяжесть от добытого этой ночью мяса. Интересно, что это был за зверек? Может, та самая мышка, что постоянно распевает в стенах свои песни? Но могла быть и белка. Они обустроили на чердаке себе дом. Время от времени я слышу, как они там урчат и носятся по балкам. Мне думается, что это действительно белки, хотя вполне могут быть и призраки. На чердаке я не бываю. Там нет окон, а мне нравятся лишь помещения, где они есть. А вот Мрака такого рода детали не беспокоят.

От мысли о призраках я огорчаюсь, меня охватывает какое-то странное чувство. Куча мерзости передо мной больше не кажется мне останками мышки, а больше напоминает косточки небольшой человеческой руки.

По потолку что-то ползет. Для белки, судя по звуку, слишком тяжелое. Я на всей скорости несусь вниз и прячусь в замечательном, теплом ящике.

Теду про Мрака ничего не известно – это я к тому, что он не в состоянии определить, в чем между нами разница. Мне, вполне естественно, ему этого тоже не объяснить по причине языкового барьера. Да и что тут скажешь? Мрак – часть меня, мы две ипостаси одного и того же тела. Думаю, что для кошек это обычное дело.

Скоро утро, а я все еще не утолила голод.

«Опять пришел мой час?»

«Да, опять».

Снова появляется Мрак. И его походка пружинит от радости.

Тед

Блондинка согласилась, немало меня удивив. Ей следовало бы быть осторожнее. Но люди, я так понимаю, доверчивы. Мы переписывались всю ночь. «Как же здорово повстречать человека, который любит океан так же, как я», – пишет она. Тут я, пожалуй, немного слукавил, но как встретимся, так ей все и объясню.

Только вот где и когда это свидание состоится? Что мне на него надеть? Да и придет ли она на него вообще? Когда в голове всплывают все эти вопросы, положение дел тотчас приобретает ужасный оборот. Я опускаю глаза на свою одежду. Рубашка на мне совсем старая, еще с автосалона, где я когда-то работал. Бордовый цвет выцвел и превратился в розовый, хлопок местами вытерся, потерял всякую твердость и истончился до состояния бумаги. Да и потом, на кармашке красуется мое имя. Ха-ха-ха, на тот случай, если я забуду, оно, конечно же, удобно, только вот не думаю, что это может понравиться женщине. Джинсы от долгого ношения посерели, за исключением разве что темных брызг, оставленных, надо полагать, кетчупом. На коленях дыры, но стильными их никак не назовешь. Все вылиняло и поужхло. А мне хочется быть ярким, как мой оранжевый ковер.

Из-за этой женщины, из-за ее голубых глаз и белокурых волос я чувствую себя просто ужасно. Как она умудрилась меня до этого довести? Почему решила сначала пообщаться со мной, а потом еще и встретиться? Я уже представляю себе выражение ее лица, когда она меня увидит. Скорее всего, попросту развернется и уйдет.

На меня из своей серебристой рамки смотрят Папочка с Мамочкой. Это не что иное, как тяжелое, чеканное серебро. Я планировал еще подождать, но теперь, думаю, будет в самый раз. Осторожно вынимаю фотографию Мамочки и Папочки. Затем целую ее, сворачиваю и прячу в глубине музыкальной шкатулки. Балеринка трупиком покоится в своем музыкальном гробике.

Когда Мамочки не стало, я научился закладывать в ломбард разные вещи. Серебряные ложки; Папочкины карманные часы, доставшиеся ему от отца. Теперь ничего этого больше нет. Там, где

раньше что-нибудь висело, теперь по всему дому лишь зияют голые прямоугольники. Осталась одна только рамка для фотографий.

В магазине на душной, пыльной улице темно. Тамошний продавец дает мне за рамку деньги. Гораздо меньше, чем мне требуется. Но придется обойтись этим. Мне нравится, когда никто не задает вопросов. От банкнот в руке становится уютно на душе. Я стараюсь не думать о поблекшем Мамочкином лице, неподвижно вглядывающемся во мрак музыкальной шкатулки.

Шагаю на запад до тех пор, пока не набредаю на магазин, в окне которого вывешена одежда. Чего там только нет – удочки, коробочки с наживкой, резиновые сапоги, оружие, патроны, фонарики, портативные печки, палатки, очистители для воды, штаны желтые, штаны зеленые, штаны красные, рубашки голубые, рубашки в клеточку, футболки, светоотражающие жилеты, ботинки маленькие, ботинки большие, ботинки коричневые, ботинки черные... И это только после одного беглого взгляда. Сердце в груди набирает неподозволенный темп. В магазине слишком много всего. Я не могу сделать выбор.

На продавце за прилавком коричневая рубашка в клетку, коричневые джинсы и некое подобие зеленого пиджака, только без рукавов. У него такая же борода, как у меня, он, вероятно, даже немного на меня похож, поэтому мне в голову приходит мысль.

– Можно мне купить эту одежду? – тычу пальцем я.

– Что?

Как человек терпеливый, я повторяю вопрос.

– Ту, что на мне? – говорит он. – Тебе повезло, у нас действительно все это имеется в наличии. А неплохо на мне эти вещички смотрятся, правда?

Не могу сказать, что одежда на нем так уж мне нравится, но чтобы мне не пришлось идти на свидание с вышитым именем на кармане, как в детском саду, то сойдет.

– Возьму ту, что на вас, – говорю я, – если вы попросту ее с себя снимете.

Он набычивает шею, у него сужаются зрачки. В гневе все млекопитающие одинаковы.

– Послушай, дружок...

– Шучу! – быстро говорю я. – Попался, старина! Э-э-э... А костюмы вы не продаете? Типа, разных цветов? Или, может, есть голубые?

– Мы торгуем товарами для охоты и рыбалки, а также туристическим снаряжением, – говорит он и долго буравит меня неприязненным взглядом.

Да, парня я, похоже, достал. Он молча снимает с вешалок одежду. Не тратя время на примерку, я бросаю на прилавок доллары и ухожу.

Придя заблаговременно на свидание, я сажусь в баре. По обе стороны от меня устроились два здоровяка, зарабатывающие на жизнь за баранкой, все в коже и с бейсболками на головах. В своей новой одежде я кажусь одним из них, что и сподвигло меня выбрать именно это место. Как все-таки здорово смешаться с толпой.

Бар расположился у самой дороги, на заднем дворе виднеются длинные скамейки. Там готовят барбекю. Я подумал, что это совсем неплохо, ведь в последнее время стоит такая жара. С наступлением темноты на деревьях красиво зажигаются огоньки. Женщинам такая ерунда нравится. Но я тут же осознаю, что при выборе места для свидания с ней дал маху. Сегодня идет дождь – за окном бушует душная, гнусная гроза. Поэтому всем, хотя бы они того или нет, приходится набиться в помещение. А без скамеек, теплого вечера и огоньков на деревьях бар приобретает совсем другой вид. Если что-то изредка и нарушает в нем тишину, то лишь чья-то отрывка. Музыка нет, от яркого света люминесцентных ламп над головой, заливающих ослепительным светом алюминиевые столы, заставленные пустыми стаканами и пивными банками, болят глаза и голова. Линолеум под ногами скользит от следов забрызганных грязью башмаков. Я думал, что будет... – как же это называется? ага, вспомнил, атмосферно! – но теперь вижу, что ничего хорошего здесь нет.

Заказываю себе «Ерш». За барной стойкой висит зеркало – еще одна причина, по которой я не только выбрал этот бар, но и устроился на вполне определенном месте. Так мне прекрасно видна дверь.

Женщина переступает порог, свежая после дождя, и я тут же ее узнаю. Она выглядит в точности как на фотографии. Белокурые волосы цвета сливочного масла; добрые, голубые глаза. Она смотрит по сторонам, и я еще отчетливее вижу это злчное местечко ее глазами.

Кроме нее, других женщин в заведении нет. К тому же в баре явно стоит посторонний запах, которого я раньше не замечал. Что-то вроде клетки с хомяком, которую давно пора почистить. Или с мышью. (Ну нет, об этом думать не надо.)

Она делает несколько шагов и садится за алюминиевый стол. Значит, либо оптимистка, либо отчаялась. А я-то все никак не мог решить, уйдет она сразу или нет, когда увидит, что парня с белозубой улыбкой со стоковой фотографии в Интернете тут нет. (Свою фотографию я не использую, этот урок я выучил быстро. Фотку я нашел на сайте какой-то бухгалтерской компании. На ней парень делает вид, что подписывает какие-то бумаги, хотя на самом деле улыбается на камеру, демонстрируя белые зубы.) Она заказывает что-то измученной официантке. Газировку. Стало быть, оптимистка и не лишена здравого смысла. Ее волосы падают на плечи, скрывая лицо за колыханием кремовой копны. На ней голубое платье. Иногда они приходят в джинсах или клетчатых рубашках, однако мне это не нравится. Но нынешняя женщина все сделала правильно. Ее платье не развеивается, потому что сшито не из органзы, а из более плотного материала вроде вельвета или денима. Обута она в ботинки, а не сандалии, но тоже ничего. Когда мы обменивались сообщениями, я вел себя очень аккуратно. Поговорил о том альбоме, записанном той певицей, – он назывался «Синева». Сказал ей, что люблю его больше всех. А потом добавил, что люблю этот цвет, потому что у моей дочери голубые глаза. А еще потому, что такие же глаза и у нее самой, – это я добавил, уже когда отношения между нами стали теплее. «Как спокойное, доброе море», – гласила написанная мной строка. Причем это была суцкая правда, у нее действительно красивые глаза. Ей мои слова, разумеется, понравились.

«Почему бы нам на свидание не одеться во все голубое? – впоследствии написал я. – Чтобы можно было сразу узнать друг друга».

Ей эта идея пришлась по душе.

Фланелевая рубашка на мне желто-коричневая. На голове зеленая кепка. Даже джинсы у меня и те коричневые. Новая одежда колется, но на ней хотя бы нет моего имени! Мысль о том, что она поступит так же, как первая, – переступит порог, бросит на меня один-единственный взгляд и тотчас уйдет – была мне невыносима. Поэтому на этот раз я

пошел на обман и чувствую себя от этого прескверно. Но я все объясню, когда к ней сейчас подойду, буквально через секунду. И расскажу, что в действительности мне нужно не свидание, а друг. Извинюсь, и мы с ней над этим посмеемся. А может, и нет. От вызванного всем этим потрясения у меня гудит голова.

Она смотрит в телефон. Думает, что я уже не приду. Точнее, что не придет тот парень с белозубой улыбкой. Однако женщина все равно ждет, потому что еще не прошло двадцати минут, которые всегда положено давать опаздывающему, – это повсеместная практика. А еще потому, что надежда умирает последней. А может, она просто греется перед тем, как выйти обратно под проливной дождь. Скривившись, потягивает газировку. Обычно она явно пьет что-то другое. Я опять заказываю «Ерш». «Еще чуть-чуть, и пора подойти к ней», – говорю я себе. Последняя порция нужна только для храбрости.

Ровно через тридцать пять минут она встает. От разочарования у нее даже глаза уменьшились. Видя, как она из-за меня расстроилась, я чувствую себя просто ужасно. Мне надо встать и удержать ее, но по какой-то причине я этого так и не делаю. В зеркало я вижу, как она наматывает на шею шелковую голубую вещицу – для шарфа слишком узкую, скорее ленту или шейный платок. Затем кладет на стол пятидолларовую купюру и уходит. Идет быстро, в каждом ее движении чувствуется решительность. Затем переступает порог и оказывается под вертикальными копьями дождя.

В тот самый момент, когда за ней закрывается дверь, меня словно отпускают какие-то тиски. Я опрокидываю в глотку стакан, надеваю куртку и иду к выходу. Какая досада! Не надо было вот так бросать ее одну и давать волю нервам. Мне хочется все исправить. Я чуть не бегу, поскользываясь на мокром линолеуме. Упускать ее нельзя. Ей можно все объяснить, и она поймет, в этом у меня нет никаких сомнений. У нее такие голубые, такие добрые глаза. Я представляю, какие буду готовить ей блюда. Подам куриное карри с шоколадом. Оценить его дано не каждому, но она точно оценит.

Я выбегаю в грозу.

До вечера еще далеко, но тучи окутали все мглой, и такое ощущение, что уже наступили сумерки. По лужам пулями стреляет дождь. Парковка битком забита фургонами и грузовиками, ее нигде нет. И в этот момент я вижу ее в конце парковки – она сидит в пузыре

своего автомобильчика, озаренном теплым светом. У нее мокрое лицо, может, от дождя, а может, от слез. Дверца со стороны водительского сиденья до сих пор открыта, словно она даже сейчас не решается уехать. Женщина поправляет на шее полоску голубой материи, сует в сумочку руку и достает салфетку. Вытирает лицо и сморкается. Я очень тронут ее самообладанием и смелостью. Придя ко мне на свидание, она бросила жизни вызов – та, конечно же, ее сокрушила, ведь я так и не появился, – но вы только на нее посмотрите! Она протирает лицо, еще пара минут, и опять соберется с силами. На такого человека Оливия с Лорен вполне могли бы положиться. Она обладает всеми качествами, которые я ищу в друге. Женщина, которая будет с ними рядом, если меня не станет.

Я склоняю перед стеной дождя голову и несусь к ней вдоль ряда припаркованных автомобилей.

Ди

– Вы обещали мне помочь, – говорит Тед.

– Что?

Стоит раннее воскресное утро, на пороге дома Ди топчется Тед. Оглушительным, гулким биением в груди заявляет о себе сердце. «Да соберись ты, Ди Ди, – говорит себе она, – серым воскресным утром не убивают». Хотя на самом деле очень даже убивают. Девушка зевает, дабы скрыть охвативший ее страх, и протирает глаза, силясь проснуться.

Тед переминается с ноги на ногу. Его борода кажется еще гуще и рыжее обычного, кожа бледнее, глаза меньше, взор тусклее.

– Вы говорили, что если я не смогу чего-нибудь сделать, в смысле из-за руки, вы мне поможете. Или, может, я вас неправильно понял?

– Нет-нет, все так и есть, – говорит она, – что у вас произошло?

– Банка, – отвечает он, – мне никак не удастся ее открыть.

– Давайте сюда.

Ди с силой налегает на крышку, и та без особого труда поддается. Внутри пустой банки лежит записка, написанная аккуратными, прописными печатными буквами: «Давайте сегодня сходим чего-нибудь выпьем».

– Мило, – говорит она.

Ее лицо остается бесстрастным, но мысли галопом устремляются вперед.

– Я имею в виду чисто по-дружески, – быстро говорит он. – Как насчет сегодняшнего вечера?

– Даже не...

– А то я часто в отлучке.

– Да? – спрашивает Ди.

– У меня есть одно пристанище, где я люблю скрываться по выходным, так вот вскоре мне придется проводить там больше времени.

– Какой-нибудь шалаш? – спрашивает Ди.

– Вроде того.

– Наверное, у озера. – говорит она, и у нее из груди чуть не выпрыгивает сердце. – Там такие красивые места.

– Нет, не думаю, что вы знаете, где это, – отвечает он.

– Ну что ж, давайте тогда сходим куда-нибудь выпить до того, как вы исчезнете.

– Буду ждать вас в баре на автостраде 101, – говорит он. – В семь часов подойдет?

– Звучит неплохо, – отвечает она, – хорошо, я приду.

– Класс! – восклицает он. – Отлично! Сайонара!

Уходя, он немного оступается и чуть не падает, но все же сохраняет равновесие – в самый последний момент.

– Ну что, – говорит Ди, возвращаясь в свою гостиную, – мне назначили свидание.

Желтоглазая кошка поднимает голову. Они с Ди пришли к полному взаимопониманию. Ни одной ни другой не нравится, когда к ним прикасаются.

– Сделать все нужно сегодня вечером, – говорит она, – пока он не починил окно.

И кого она пытается убедить? Нужно браться *за дело!*

В половине седьмого вечера Ди, скрючившись у разбитого окна в серебристом полумраке гостиной, наблюдает за домом Теда. В таком свете все выглядит каким-то бархатистым. Мир таит в себе столько загадочного и интересного. У нее давно затекли ноги, но она все ждет. Вскоре до ее слуха доносится, как в трех замках по соседству поворачиваются ключи. Открывается и вновь закрывается задняя дверь. Замки гремят опять. Шаги Теда стихают вдали, девушка слышит, как заводится его грузовичок. Она ждет еще пять минут, затем скользит вдоль стены, при этом у нее дрожит каждый мускул. Ди тихонько выходит в дверь черного хода, перешагивает через ограду и оказывается на заднем дворе Теда. Теперь ее не видно со стороны улицы, так как ее скрывают буйно разросшиеся здесь заросли тимофеевки и пампасной травы, но лучше все же поторопиться. Ди подходит к выходящему на задний двор окну гостиной Теда, достает из кармана комбинезона гвоздодер и начинает вытаскивать гвозди из фанеры, которой оно забито. Гвозди выходят с недовольным скрипом, но наконец фанера поддается и девушка ее снимает. Шпингалет на

этом окне насквозь проржавел. Она заметила это, когда была в доме. Заколотив окна, Тед, по всей видимости, об этом позабыл. Рама в ее руках скользит вверх. Сыплется краска – хлопьями то ли снега, то ли пепла.

Впусти меня –пусти. Однако сейчас Ди сама призрак в окне. Она перебрасывает через подоконник ногу. А когда оказывается внутри, ее тут же охватывает чувство, что за ней наблюдают. Она замирает посреди зеленой гостиной, вдыхает легкими пылью и ждет, когда привыкнут к темноте глаза. В доме Теда стоит стойкий дух овощного супа и застоявшегося, затхлого воздуха. «Если у страданий есть запах, – думает она, – то он должен быть именно таким».

– Кис-кис-кис... – тихо произносит она. – Ты здесь, киса?

Вокруг все замерло в полной неподвижности. «Кошку Теда потом надо будет забрать с собой», – думает она. Разве это жизнь для несчастного создания? На миг она перехватывает обращенный на нее взгляд пары ярких глаз, глядящих на нее из угла комнаты, но потом понимает, что это всего лишь уличные фонари, отражающиеся от помятой серебряной шкатулочки. Кроме нее, на запыленной каминной полке ничего нет. В пыли виднеется прямоугольник, будто еще совсем недавно там стояла фотография в рамке или что-то подобное.

Ди двигается быстро, времени у нее совсем мало. Сначала гостиная, потом кухня. Морозильник стоит открытый, его дверца откинута к стене.

Подвала, насколько видит девушка, в доме нет. Она заглядывает под коврики, осторожно ступает на доски, пытаясь отыскать люк.

Затем направляется вверх. Ковер заканчивается на лестничной площадке, где ее взору предстают пыльные доски. Девушка бочком скользит вдоль огромного шкафа, грозно маячащего своей массой в крохотном коридоре. Он заперт, ключа нигде не видно. Чердака тоже нет.

В спальне у стены стоят магазинные пакеты, из которых торчит одежда. Рядом одежный шкаф, в котором только одна сломанная вешалка и больше ничего. Такое ощущение, будто Тед только-только переехал, хотя в доме такой бардак, что он, очевидно, складывался годами. Словно он всегда был и всегда будет.

Постель разобрана, одеяло еще помнит момент, когда его отбросили. На простынях рассыпана горсть мелочи. Подойдя поближе,

Ди видит, что это не монеты, а какие-то темные пятна, прилагает над собой усилие и нюхает их. Запах ржавчины. Кровь.

Ванная, как она помнит, обставлена кое-как, в ней имеются треснувший кусок мыла, электробритва и несколько лекарственных препаратов в желтых аптечных упаковках. Над раковиной, где когда-то было зеркало, зияет белый прямоугольник. «Надо было бы все это сфоткать», – думает Ди. Но ни телефона, ни фотоаппарата она не взяла. Нужно запомнить как можно больше. В висках оглушительно пульсирует кровь.

В доме обнаруживается еще одна спальня с офисным креслом и письменным столом. Диван застелен розовым покрывалом, стены увешаны рисунками единорогов, выполненными с различной степенью мастерства. Шкафчики здесь тоже заперты висячими замками с кодом из трех цифр. Ди склоняется над ними, внимательно приглядывается и слегка касается колечек с цифрами на одном из них.

Внизу вздыхает доска, и вокруг сердца Ди словно сжимается рука. Мимо что-то проносится и скрывается в стене, девушка пытается закричать, но у нее перехватывает дыхание. Мелькают мышинные лапки. Хотя если по звуку, то все же не мышинные, а чего-то покрупнее. Вполне возможно, что крысы. Она прислоняется к стене и размышляет. Насколько это возможно при грохочущем пульсе. Интересно, Тед долго будет ждать ее в баре? Воображение рисует, как он возвращается домой и застывает во мраке, наблюдая за ней. Ее мысленному взору предстают его пустые глаза и сильные руки. Пора уходить.

Ди на цыпочках спускается вниз, каждое мгновение ожидая услышать в замке ключи. И едва дышит, будто без конца икает. Она боится вот-вот хлопнуться в обморок, от странности всего происходящего у нее кружится голова. Ди на миг мельком видит в углу гостиной стройный, темный силуэт, не сводящий с нее глаз, и у нее в груди замирает сердце.

– Кис-кис, – шепчет она, дабы нарушить гробовое молчание комнаты, – иди сюда. Ты не видела здесь девочку?

Но в углу ничего нет, лишь тени и пыль. Кошка либо улизнула, либо ее там и не было. Ди направляется к окну и негромко, хрипло вскрикивает, когда у нее из-под ног выскользывает уродливый, ворсистый голубой ковер. Она вылезает из окна, больно задевает

головой косяк, ругается и с облегчением опускает вниз раму, запирая дом за собой. Ночной воздух нежен и сладок, темнеющее небо над головой – само чудо.

Дрожащими руками девушка поднимает фанерный лист. Старые гвозди проржавели, погнулись, и пользы с них ноль. Ди осторожно их вытаскивает и приколачивает фанеру к окну другими из своего кармана – новенькими, серебристыми и острыми, только что из магазина стройматериалов. Звук молотка рисует в ее воображении гробы, ее всю трясет. Не время сейчас терять контроль над собой. Новые гвозди надо забить точно в старые отверстия. И забить быстро, закончив до того, как какой-нибудь случайный прохожий услышит удары ее молотка или увидит, как она с трудом выбирается из зарослей в надвигающуюся ночь.

По возвращении домой она обнаруживает, что ее бьет неумная дрожь, будто в лихорадке. Ее и в самом деле пробирает страшный озноб. Она кладет в печь немного дров, растапливает ее и скрючивается рядом. Ее трясет от холода, по телу без конца пробегают судороги. Когда-то в таких случаях она думала, что болеет. Но потом поняла, что ее организм таким образом избавляется от накопленной боли.

Лулу в доме нет. Теперь Ди понимает, что думала о сестре, будто та была где-то совсем рядом. Воображала, что слышит ее дыхание. Все ее желания сводились только к одному – чтобы сестра оказалась в том доме узницей. Как все-таки несправедливо до такого дойти. Из горла криком рвутся чувства. Она пытается привести в порядок мысли. Если здесь Лулу нет, значит, она где-то еще.

– Пристанище, где он скрывается по выходным, – шепчет Ди.

Вот где надо искать ответ, иначе и быть не может.

Она складывает чашечкой ладони, подносит их к губам и шепчет, глядя, как за окном небо окрашивается в розовый, словно занимающееся пламя.

«Я иду», – обещает она.

ОЛИВИЯ

Когда вновь послышался тот самый звук, я стояла у окна и выглядывала свою кошечку. Примерно как перезвон васильков, только резче, будто мне в голову засунули небольшую иголку. Я метнулась через весь дом. Тоненький голосок выл и пронзал насквозь. Я разодрала зубами диванную подушку, потом ринулась в спальню и там исколошматила когтями еще одну. Откуда он, черт возьми, доносится?

Этот фрагмент я проиграла еще раз. На записи отчетливо слышится вой. Стало быть, моя голова здесь ни при чем. Он совершенно реален. Это вроде бы должно принести мне облегчение, но ничего такого нет и в помине. Ну ничего, я еще разберусь, что здесь к чему. Знаете, думаю, я могла бы стать отличным детективом, как те, которых показывают по телевизору, потому как наблюдательности мне не занимать и...

Только что случилось самое ужасное. Я просто сидела и скребла лапой головку, пытаясь вычесать из ушей звук, и тут услышала, что в замок несколько раз ткнули ключом. Чтобы должным образом его вставить, понадобилось несколько попыток. Щелк. На входной двери один за другим стали открываться замки. Щелк, щелк. О боже, да он же на этот раз вдрабадан.

– Привет, Лорен, – крикнул он.

Я замурчала и подбежала к нему. Он погладил меня по головке, пощекотал ушко.

– Прости, киса, – сказал он, – я совсем забыл, Оливия.

Ну от него и запашок.

– Надеюсь, ты не станешь сегодня близко подходить к источникам открытого огня, – сказала я.

У меня давно вошло в привычку всегда говорить Теду то, что на уме. Четность очень важна, хотя он не может понять из моих речей ни единого слова.

Он нетвердой походкой подошел к фотографии родителей, взиравших на него из-за стекла, подошел к дивану, сел и прикрыл глаза.

– Она не пришла, – сказал он, – я прождал целый час. А в баре на меня все смотрели как на лузера. В том самом баре.

Последнее предложение он повторил с таким видом, будто это для него было хуже всего.

– Кроме тебя, до меня никому нет никакого дела, – сказал он, увесистой, влажной ладонью похлопывая меня по голове. – Я люблю тебя, киса. Ты и я против целого мира. Она пообещала, а потом не пришла. Кто ж так делает!

Из его груди вырвался вздох. Этот вопрос, казалось, лишил его последних сил. Он закрыл глаза и уронил руку, повернув ее ладонью вверх и расслабленно согнув пальцы, – будто просил милостыню. Дыхание его стало медленнее и глубже – вдох, выдох; вдох, выдох. Во сне он выглядит моложе.

В холле за моей спиной от вечернего ветра слегка колыхалась дверь, которую он не до конца закрыл.

Я прыгнула вниз. Веровочка сегодня истончилась и окрасилась в элегантный пурпурный цвет. Я подошла к двери, чувствуя, что она все туже обматывается вокруг моей шеи. А когда дошла до порога, то хоть и могла еще дышать, но лишь едва-едва. Открытый дверной проем полыхал белым светом. Мне на головку легла тяжелая ладонь. Тед неуклюже погладил мои ушки. Судя по голосу, он вовсе не спал.

– Что, киса, на улицу хочешь? – спросил он. – Ты же знаешь – там опасно. Паршиво там, а тебе лучше не рисковать. Но если так уж хочешь...

– У меня и в мыслях не было выходить, – сказала я, – Бог не велел мне этого делать, а Его надо слушаться.

Он засмеялся.

– Сначала давай наведем красоту. Создадим, так сказать, тебе новый облик.

Я понялась, уже сталкиваясь с таким вот его настроением, но он схватил меня своими сильными руками и прижал к своему боку. Я чувствовала себя будто в клещах. Он запер замки – щелк, щелк, щелк – и понес меня на кухню. Когда он спотыкался, мир хмельно колыхался то в одну, то в другую сторону. Он протянул руку к верхней полке буфета и что-то с нее взял – широкий, блестящий нож. Сталь с

тонким свистом рассекла воздух. И я тут же бросилась в бой, пытаясь дотянуться до него коготками и зубами.

Он схватил меня за загривок и дернул вверх. Нож издал бархатный звук, будто что-то отрезая. В воздух полетели клочья моей шелковистой шубки. Он чихнул, но даже не подумал остановиться, отсекая ножом прядки шерсти на шее, спине и кончике хвоста. Ему каким-то невероятным образом удавалось держать одновременно и меня, и нож, да при этом еще горстями отхватывать мою красоту. В пьяном виде он всегда очень сосредоточен.

А потом все прекратилось. Державшая меня рука окоченела. Лицо Теда застыло, глаза помертвели. Я выскользнула из его захвата, тщательно избегая застывшего в дюйме над моей спинкой ножа. И бросила его стоять на кухне, как статую, сжимающую в руке нож. В воздухе кружили нежные пучки меха.

Я отползла от него подальше. Веревка – теперь грязно-желтая и тонкая, как шнурок от старого ботинка, – протянулась за мной.

Выстриженные на шубке проплешины чувствуют холодный воздух. Его нападение на мое достоинство и чувства я простить могу. Богу это было бы угодно. Но всему есть предел. Мою внешность ему портить не стоило. Я ужасно, просто ужасно разъярена. Прости меня, Господи, но он просто самовлюбленный кусок гэ-о-вэ-эн-а. Тед должен раз и навсегда уяснить, что такие поступки влекут за собой последствия.

Я направляюсь в гостиную, запрыгиваю на книжный шкаф и сталкиваю вниз бутылку бурбона, которая разбивается тысячей изумительных осколков. По комнате плывет вонь, бьющая в нос не хуже бензина. У меня слезятся глаза. На миг в голове пробуждается тревожное воспоминание о приснившемся когда-то сне, в котором меня заперли в темноте, а потом пришел убийца и стал лить на меня кислоту... Я резко бью хвостом – вполне возможно, что это было не во сне, а в каком-то телевизионном шоу, но от этой картины, всплывшей в памяти, мне становится плохо.

Запрыгиваю на каминную полку и сшибаю на пол чудовищную, жирную куклу. Она с грохотом летит вниз, по пути роняя спрятанных у нее внутри детей. Они обрушиваются на доски и разлетаются на

мелкие щепки. Это уже настоящая резня. Я пытаюсь столкнуть на пол и фотографию родителей. Знаю, что не получится, но ничего с собой поделать не могу. Потому что меня переполняет оптимизм. Я даже не догадываюсь, как он так намертво ее пришпандорил – может, приклеил к полке суперклеем? Белки на рамке больше обычного напоминают черепа. Эта штукавина из серебра, просто удивительно, как Тед ее еще не продал. А может, он и сам не может ее оторвать?

Ну да не беда, на сей счет у меня имеются и другие мыслишки. Я тихонько поднимаюсь к нему в спальню, забираюсь в шкаф и писаю в каждую пару обуви. Да, Богу это не понравится, но я должна свершить правосудие.

Теперь Тед зовет меня к себе, но у меня нет никакого желания к нему идти, пусть даже его голос ощетиливается черными гвоздями.

Тед

Я прихожу в себя, будто получив обухом по голове, и жадно хватаю ртом воздух, словно мне саданули под дых. В сжатом кулаке нож. Большой, который я храню в глубине наверху в шкафчике. Кроме меня, о нем больше никто не знает. У него широкое, отполированное до ослепительного блеска лезвие. По всей его длине отплясывают отблески серого дня, обещанием греха сверкает острие. Совсем недавно его наточили.

– Спокойно, Малыш Тедди, а то нагрянут соседи, – шепчу я.

От рифмы меня пробирает смех.

Так, начнем с самого начала. Где я и какой сегодня день? Насчет того где, тут мудрить не надо. Я оглядываю гостиную. Яркий, веселый оранжевый ковер. На подмостках музыкальной шкатулки горделиво и прямо стоит балеринка. Проделанные в фанере дырочки для подглядывания превратились в серые, налитые дождем кружочки. Так, отлично. Я у себя дома, на первом этаже.

Если же говорить о том, *какой сегодня день*, то здесь все несколько сложнее. В холодильнике обнаруживается полгаллона молока, желтого и прокисшего. Баночка соленых огурчиков. В остальном он представляет собой пустое белое пространство. В помойке шестнадцать пустых металлических банок. Получается, что, пока меня не было, я все выпил и съел. В то же время вокруг царит удивительная чистота. Кошачий лоток вычищен. Ноздри даже щекочут запахи чистящих средств.

– Киса, – зову я.

Но Оливия не идет. В голову лезут паршивые мысли. Может, она заболела? Или умерла? От последнего предположения меня охватывает жуткая паника. Чтобы утихомирить дыхание, приходится сделать над собой усилие. «Да расслабься ты. Она наверняка где-то прячется». На этот раз меня не было несколько дней. Скорее всего где-то три. Проверяю по телевизору время. Да, почти полдень. Значит, три дня, может, чуть больше или меньше.

Я обхожу дом, осматриваю замки на шкафчиках и морозильнике, затем проверяю все остальное. В свое отсутствие я натворил дел:

разодрал оранжевый ковер, разбил в щепки Мамочкиных матрешек. При проверке одежного шкафа выясняется, что у меня мокрая обувь. Может, шел дождь? Или я замочил ее, когда переходил реку либо что-то в этом роде? «Скажи еще, озеро», – нашептывает мне мозг. Я как можно быстрее его закрываю. Потом иду выпить, но бурбон тоже разлетелся на мелкие осколки, похоже, тоже моими стараниями. Ну ничего. У меня есть еще одна бутылка и соления.

За едой у меня из руки выскальзывает маринованный огурчик. Наклоняясь его поднять, я вижу что-то белое. Под холодильником явно что-то есть. Я знаю, что это. Здесь ему лежать не положено.

С чердака над головой доносится плач. Это зеленые мальчики. В последнее время они вели себя тихо, но сейчас подняли настоящий вой. «Заткнитесь! – ору я им. – Заткнитесь! Я вас не боюсь!» Хотя это неправда. Мне снятся кошмары, что в один прекрасный день я проснусь на чердаке в окружении этих зеленых мальчиков с их длинными пальцами, а потом медленно растворюсь и исчезну во всей этой зелени. Я вытаскиваю из-под холодильника белый шлепанец и сую его в помойку. Он, будто плесенью, оброс гнусными воспоминаниями.

Нож на верхнюю полку буфета я обратно не кладу и вместо этого зарываю его в земле *под покровом тьмы*. Какое чудное выражение! Оно превращает ночь в теплое, усеянное звездами одеяло. Нахожу для ножа отличное местечко под кустом голубой бузины.

Все еще расстроенный, я усаживаюсь перед телевизором, съедаю еще один огурчик и медленно успокаиваюсь. Уже поздно давать задний ход. Все эти женщины не подходили мне в качестве друзей, но я никогда не бросаю начатого на полпути.

чтобы ее пережить. Если в детстве вы подверглись агрессии, до этого факта надо докопаться и вытащить его на свет Божий.

Может, этот вой доносится из телевизора? Но я ведь раньше проверяла, и не раз. Так или иначе, надо *что-то* делать. Дородная матрешка взирает на меня с каминной полки своим невыразительным лицом и всем округлым телом. Оттого, что в нее напихали всех этих маленьких подружек, она выглядит счастливее обычного. Из своей жуткой рамки вниз смотрят родители Теда. «Уходите», – шепчу им я, но они никогда меня не слушаются.

Увидев персонажа на экране, я замираю и прижимаю к голове уши. Опять он. На меня пялятся круглые голубые глаза. Он убедительно кивает в ответ на вопрос, который мне не удалось расслышать. Комнату заполняет тот самый запах пыли и прокисшего молока. Я знаю, это всего лишь картинка на экране, но у меня такое ощущение, будто он каким-то образом пробрался сюда. Осторожно сажусь и облизываю лапку. После этого мне всегда становится лучше.

У меня это шоу получилось бы гораздо лучше тебя, – говорю я, – у тебя совершенно нет харизмы.

В качестве ответа он улыбается. После этого у меня пропадает всякое желание с ним говорить. Сама не знаю почему, ведь телевизор меня все равно не слышит. Или все же слышит? Однако запах стойкий. Пахнет не тедом, а залежавшимися в холодильнике продуктами.

И тут слышу в холле какой-то шум – негромкие, робкие звуки, доносящиеся из-за двери, будто там кто-то стоит. Я бесшумно подкрадываюсь к створке. Тед, причем самец. Не стучит, не нажимает кнопку звонка. Что же тогда делает? И повсюду та же самая вонь, просачивающаяся сквозь щели в двери и забивающаяся в мой чувствительный нос. Тот же дух, который выплескивался из телевизора. Каким-то образом тед из телевизора оказался на пороге моего дома. Шоу, по-видимому, записали заранее.

Тед дышит в щелку между створкой и косяком. Протяжными, деликатными вдохами. Должно быть, вжался в щель физиономией, решив обнюхать входную дверь. Интересно, а мой запах он может учуять? Сколько раз Тед предупреждал меня, что снаружи опасно. Думаю, так оно и есть. Отовсюду исходит ощущение беды. От гостиной, от телевизора, от маленьких, пялящихся глаз теда, похожих на две голубые монетки.

– В каждом из нас сидит монстр, – говорит он.

Надо спрятаться. Забиться в какую-нибудь темную дыру. Я крадусь вверх по ступенькам и дальше через лестничную площадку. Над головой очередной обитающий на чердаке призрак проводит по половой доске своим длинным ногтем. Я перехожу на бег.

Потом галопом мчусь в спальню Теда и стрелой ныряю под кровать. Внизу по телевизору по-прежнему бубнит выбившийся в знаменитости тед, разглагольствуя обо всяких ужасах, которые теды творят со своими малышами, и читая перед пустой комнатой лекцию. Или, может, он говорит через дверь? В минуты беспокойства я выбираю один из двух вариантов: либо заглядываю в Библию, либо бью какие-нибудь вещи моего Теда, либо отправляюсь спать. Ну хорошо, хорошо, не из двух, а из трех. Так, обращаться к Библии больше не хочу, она меня напугала. Матрешку я на этой неделе уже ломала, а музыкальную шкатулочку так и вовсе дважды. От этого мне нехорошо.

А раз так, значит, нужно хорошенько поспать. Еще я думаю, что мне придется простить Теда. В последние два дня он от меня даже слова не слышал. Но день сегодня выдался ужасный, и мой хвост чувствует себя как-то не так. Я остро нуждаюсь в том, чтобы меня погладили.

Но уснуть не удастся. Я урчу, без конца ворочаюсь и закрываю глаза. Но все идет совсем наперекосяк, и зудящий хвост никак не может оставить меня в покое.

Тед

Когда приходит Оливия, мы устраиваемся на диване перед телевизором и смотрим монстр-траки. Она меня немного беспокоит. Судя по виду, нервничает и сама на себя не похожа. От этого я чувствую себя не в своей тарелке. Оливия всегда в полном порядке. Ведь кошкам так и положено, правда? Они не задерживаются надолго на чем-то одном.

Вполне возможно, я все это сам напридумывал, потому что сегодня очень тоскую без Лорен. Знаю, что там, где она сейчас, ей лучше, но разлука с собственным ребенком любому родителю дается ой как нелегко. Я зову ее, но она в наказание мне не отвечает. Мне от этого больно – сердце словно сжимают тиски, и оно готово в любой момент лопнуть.

После той истории с соседкой я все еще хожу в расстроенных чувствах. Скорее всего сразу друзьями мы бы не стали, но мне подумалось, что попытаться было можно. Интересно, а как бы она выглядела в платье? В чем-нибудь воздушном, развевающимся на ходу у лодыжек. Пожалуй что, в голубом. Но я сидел в баре и ждал ее, а она не пришла. Выглядел полным идиотом. В целом же поиски друга продвигаются не лучшим образом.

Первой звук слышит Оливия и тут же скрывается под диваном. Мне требуется еще один миг, чтобы понять. Это уже не из телевизора, он заполняет собой весь дом. Сюда приближаются мощные двигатели. Экскаваторы? Трактора? Рокот слишком близко. Что им здесь надо? На этом конце улицы только два дома, а за ними лес. Но они все надвигаются, ближе и ближе. Я подхожу, заглядываю в дырочку и смотрю, как они с ревом проносятся мимо. Их огромные челюсти покрыты коркой земли. Они не останавливаются и мимо дома направляются в лес. Из кабины выпрыгивает человек и снимает с ворот цепь. В его поведении присутствует какая-то мерзкая официальность. Он распахивает ворота, в которые тут же въезжают машины. Затем экскаватор с бульдозером с тем же одышливым ревом прокладывают себе путь по лесной тропе.

Выбегая в дверь, я настолько огорчен, что чуть не забываю закрыть ее за собой на три замка (хотя в действительности все же помню). На тротуаре вместе с другими соседями стоит та самая женщина, которую я приглашал в бар. Они смотрят, как бульдозер с экскаватором исчезают за стеной деревьев, увозя с собой свой адский рев.

– Что происходит? – спрашиваю я ее. Меня охватывает такая тревога, что на какой-то миг я даже забываю, как грубо она со мной обошлась. – Им туда нельзя. Это природный заповедник. Он под защитой.

– Они оборудуют на тропе новые зоны отдыха, – отвечает она. – Для пикников. Сами понимаете, больше туристов, больше любителей природы. Кстати, сегодня утром я по ошибке забрала вашу почту. Если хотите, могу чуть позже ее вам принести.

Не обращая на нее никакого внимания, я бегу в лес, ориентируясь на зубодробительный грохот моторов. А когда вижу их, начинаю издали за ними наблюдать. Примерно через милю они сворачивают с тропы и крушат подлесок. С треском поддаются молодые побеги. Для меня это то же самое как слышать детский крик. От места, где они кромсают землю, до той самой поляны нет и трехсот футов. Сегодня им до нее не добраться, но вот завтра... Какой-то человек в ярко-оранжевой куртке поворачивается и смотрит на меня. Я дружелюбно поднимаю руку, затем поворачиваюсь и ухожу, стараясь выглядеть нормальным человеком. Но даже когда отхожу достаточно далеко, чтобы они не могли меня видеть, еще долго слышу их рев. Челюсти, перемалывающие лес.

Теперь остается только кусать локти. А ведь я знал – боги слишком долго покоились на той поляне. Сознательно или нет, но их там многие чувствуют. Они притягивают к себе людей, будто на ниточке. Не могу сказать, что у меня до конца зажила рука. Хотя, думаю, все же стала лучше. Синяки сошли. Так или иначе, но времени у меня больше нет. Сегодня ночью их надо перенести на другое место.

День будто замер, у меня такое ощущение, что до захода солнца проходит несколько лет. Но оно наконец, все же закатывается за горизонт, полосую небо багровыми порезами.

Даже в благодатной тьме лес больше не кажется мне моим. Экскаватор с бульдозером, равно как и подготовленную ими площадку,

я нюхом чую задолго до того, как вижу перед собой перепаханную черную землю и кровь убитых деревьев. Машины спокойно стоят среди руин, как огромные желтые жуки. Мне хочется их расколотить. Я об этом уже думал. Перекись водорода в топливный бак сослужила бы хорошую службу, но одновременно с этим нанесла бы ущерб лесу, а этого я не хочу.

На поляне я оглядываю белые деревья. Как же мне тоскливо. Хороший был дом для богов. Но если они здесь останутся, их рано или поздно найдут. В чем-то другом я, может, и не так умен, но отлично осознаю, что про богов никто не поймет.

Снимаю с плеча лопату, открываю сумку с инструментами и начинаю копать. Они захоронены мной в священном порядке в пятнадцати различных местах. Расположение каждого из них горит в моем мозгу созвездием. Этого мне никогда не забыть.

Я аккуратно смахиваю грязь с круглой поверхности первого из них. Боги кормят землю. Я припадаю ухом и слушаю. Голосом, напоминающим дождь, бог нашептывает тайны. «Ты в моем сердце», – едва слышно говорю я.

Затем аккуратно засовываю его в мешок для мусора, кладу в рюкзак и перехожу к следующему захоронению. Оно расположено чуть к востоку, под похожим на палец камнем. Этот бог очень хрупкий. Я откладываю в сторону лопату и осторожно разгребаю землю руками. Он закопан совсем не глубоко. Мне нравится время от времени выкапывать его и смотреть. Я развязываю пластиковый пакет. В моих руках лежит платье, темно-серое в тусклом свете луны. Как же мне хотелось бы еще раз взглянуть на него при солнечном свете и увидеть его подлинный цвет – темную лазурь океана, каким его изображают на картинах. Но днем, конечно же, этого делать нельзя. Я вытираю о джинсы руки и поглаживаю ткань. И рассказ платья слышу кончиками своих пальцев. Каждый бог хранит собственные воспоминания, от каждого из них в моей душе рождаются другие чувства. У меня блестят глаза, им словно стало тесно в глазницах. При виде этого бога я печалюсь, но вместе с тем испытываю зуд, что-то вроде возбуждения. «Ты в моем сердце», – шепчу я, однако слова звучат слишком громко. Затем слева, ближе к середине поляны, приходит черед косметички. С нею стараюсь покончить как можно быстрее. В ней полно всяких блестящих штучек, а ее голос ассоциируется с уксусом или крапивой.

Я все копаю и копаю, и каждый новый бог заполняет окрестности своим голосом. «Ты в моем сердце», – снова и снова шепчу я. Мне каждый раз приходится проходить через все это вновь и вновь: сначала сотворять богов, потом скорбеть.

Наконец поляна пуста. Я весь дрожу. Теперь они все в моем сердце, а рюкзак изрядно отяжелел. На этом этапе я всегда чувствую себя так, будто сейчас лопну. Засыпаю ямки и разбрасываю по земле всякий мусор, чтобы казалось, будто здесь побывали кролики или, может, сурки. Ничего такого, лишь природа, жизнь которой идет своим чередом. Я тихонько подхватываю рюкзак.

Мы забираемся дальше в лес. К западу деревья упираются в озеро, поэтому я двигаюсь в другом направлении. Даже сейчас, после всех этих лет, у меня нет никакого желания приближаться к озеру.

Надо подыскать хорошее место. Боги не могут жить абы где. Луч моего фонаря приплясывает на плюще и засохших кустах. Как же сегодня ночью тепло, лес будто отдает накопленный за день жар, который спиралями вывинчивается из стволов кедров и поднимается над лесной подстилкой. Я снимаю свитер. Над оголенными руками и шеей серыми тучами вьются комары и мошка, но садиться не хотят. Над головой кружат летучие мыши, пикируя так низко, что даже задевают своими мягкими тельцами мне щеки. От моего прикосновения отламываются три ветки, освобождая нам путь. Когда я останавливаюсь перевести дух, через носок моего башмака любовно переползает змея. Сегодня я превратился в частичку леса и оказался в его сердце.

Журчание ручья я слышу задолго до того, как вижу его, – стеклянный звон разбивающейся о камень воды. В каком он лежит направлении, сказать не могу; звук словно доносится одновременно отовсюду, что в лесной чаще совсем не редкость.

Я выключаю фонарик и замираю во тьме. По спине неудобно елозит рюкзак. В позвоночник упирается что-то острое. Боги сторают от нетерпения. Им нужен дом. Я шагаю в указанном ими направлении, продираясь сквозь кусты и заросли ежевики, которые то и дело меня цепляют. Теперь, когда небо очистилось от облаков, над головой ярко сияет полумесяц. Без фонаря лес предстает передо мной в своих ночных красках – высеченный грациозными, серебряными линиями.

Впереди светится белая кора. Здесь растут березы – костлявые деревья. Именно этого знамения я и ждал. Все, нужное место найдено.

Из-под темного от воды камня бьет родник, стремительно и юрко убегая вперед по узкому руслу, над которым величаво колыхается папоротник. Сверху, на каменной стене, виднеются темные трещины. Каждая из них самой подходящей формы и размера, чтобы дать приют богу. Я по одному рассовываю их по новым домам. И при этом немного дрожу – трудно держать в руках такое невероятное могущество.

Когда моя работа подходит к концу, рассвет окрашивает небо на востоке розовыми мазками. Я чувствую, как за каменной стеной гудят боги, разбрасывая во все стороны щупальца своей силы. Взирая на меня, жмутся друг к другу высокие белые березы. Я вконец обессилел. Меня разрушает каждый раз, когда этим приходится заниматься. Но я должен выполнять свой долг и заботиться о них. Мамочка очень ясно дала мне это понять.

Лес пробуждается. Я долго шагаю обратно, возвращаясь в новый день, домой, к повседневной жизни. Меня на своих крыльях несет неистовая радость птичьего пения.

– Мне грустно без вас, – говорю я пернатым.

Но здесь по крайней мере им не грозит смерть от рук Убийцы. Когда я прохожу мимо желтых машин, в голове нет ни единой мысли. Пусть себе рвут землю и дальше. Боги теперь в полной безопасности в новом доме.

Магнитофон обнаружился в холодильнике. Я не... нет, даже гадать не хочу, как он там оказался.

Это не рецепт. Просто мне показалось нужным сказать: я перенес их на новое место. На тот случай, если вдруг забуду.

Вполне возможно, что я поступаю так только потому, что хочу с кем-нибудь поговорить. В компании с богами я одинок даже больше, чем наедине с собой. В отсутствие Лорен мне нужно хоть что-то, дабы напоминать мне, кто я такой. Мне очень страшно – я так боюсь когда-нибудь исчезнуть и больше никогда не вернуться.

От этого разговора мне не становится легче. Я чувствую себя глупым и поэтому лучше остановлюсь.

Ди

Некоторое время назад каждому жителю Никчемной улицы сунули под дверь оповещение. Но когда улицу, будто стая львов, заполняют землеройные машины, у нее перехватывает дух. Их огромные железные пасти до сих пор покрыты грязной коркой былых убийств.

Ди выходит из дому посмотреть. По какой-то непонятной причине это кажется ей безопаснее, чем сидеть в четырех стенах. На улице уже стоят двое других соседей – раскрыв рты, широко распахнув глаза.

Навстречу бульдозеру выходит человек с оранжевыми волосами и что-то кричит водителю. Его крупный пес воет и рвется с поводка, поэтому он держит его за ошейник.

– Надеюсь, вы не станете метить деревья этой неоновой краской! – орет он водителю.

Потом тычет пальцем на какие-то канистры на платформе и добавляет:

– Она ядовита!

Водитель лишь пожимает плечами и поправляет свой строительный шлем.

– Я егерь, – говорит мужчина. Пес в его руке дрожит от пылкого рвения. – Это губительно для окружающей среды.

– Но их же как-то надо метить, – спокойно отвечает водитель, – а неоновая краска прекрасно видна и ночью и днем.

Затем кивает, ревет двигатель, и землеройная машина уползает, как древний динозавр.

Шею Ди щекочет чье-то дыхание, вздымая на затылке волосы. Он настолько близко, что его борода, когда она поворачивается, чуть не задевает ее щеку. Его горе она чувствует нюхом – как и раздавленные волдыри от крапивы у него на коже. Тед пошатывается, и Ди понимает, что он в стельку пьян.

– Нет, – говорит Тед, – они не могут, не могут так поступить.

Он добавляет что-то еще, и Ди ему отвечает, хотя вряд ли может сказать что. Жужжание в ее голове глушит все остальные звуки. Она

знает этот взгляд, за которым просматривается тайна – еще чуть-чуть, и раскроется. Это видно по его глазам.

Когда он уходит по тропе вслед за огромными землеройками, она затаивает дыхание. Ди точно знает, что Тед бежит не просто так, а с какой-то целью. У него в лесу что-то спрятано. Девушка знает, что идти за ним ей нельзя. Он ее увидит, и тогда на всем можно будет ставить точку. Ей не остается ничего другого, кроме как отчаянно надеяться, что доступ к тайнику, что бы он в себе ни скрывал, возможен только ночью.

Ди возвращается в дом, садится и занимает свой наблюдательный пост, до крови закусив нижнюю губу. Возможно, она зря за ним не пошла. Может, упустила свой шанс и в этот самый момент он перетаскивает Лулу глубже в лесную чащу. Девушка не сводит со стены деревьев пылающих глаз.

Полчаса спустя Тед снова появляется на утопающей в тени тропе. Эта картина опаляет девушке сердце, готовое выпрыгнуть из груди. За каждым его движением проглядывает подлинное горе. Он качает головой из стороны в сторону, будто ведет сам с собой ожесточенный спор. И явно еще не сделал того, что нужно. Так что она ничего не упустила. Все произойдет этой ночью.

Ди надевает туристические ботинки, несколько свитеров и темную куртку, а в карманы сует воду и орешки. Затем сидит неподвижно, как камень, и наблюдает за домом Теда. По небу плывут облака, солнце все ниже клонится к линии деревьев на горизонте. Потом весь мир тонет в сумерках.

Когда отчетливо слышатся щелчки трех замков, а в задней части дома скрипит дверь, она уже готова выступить. Девушка не столько видит, сколько чувствует, как он выходит из дома и растворяется во тьме. Когда Тед ступает под фонарным столбом, она видит у него на спине рюкзак, содержимое которого выпирает наружу какими-то странными кривыми и углами. Что это? Инструменты? Кирка? Лопата? Он шагает по дороге, скрываясь во мраке. Вот уличных огней уже нет, одна только ночь да луна над головой, сияющая половинка десятицентовой монеты.

Она идет за ним на некотором расстоянии; его фонарик ведет ее вперед, как путеводная звезда. Добравшись до лесной опушки, Тед

замирает и смотрит по сторонам. Девушка тоже останавливается и прячется за стволом дерева. Он долго ждет, но она предоставляет слово ночи, дабы та убедила его, что он один. А когда Тед входит в лес, следует за ним.

Миновав разровненную землечерпалками площадку, Ди слышит, что Тед впереди остановился. Деревья реденеют скорее всего еще чуть-чуть, и откроется поляна. Девушка прячется среди бульдозеров и припадает к земле. Спереди, с востока, до нее доносится звук вспарывающей землю лопаты. Слышится шепот. Ди пробирает дрожь. Это наверняка Тед, но его голос звучит странно, напоминая шорох листьев или же скрип наполненного жизненными соками дерева. У девушки затекли икры и бедра, но она не смеет даже пошевелиться – если она слышит его, то и он тоже может ее услышать. Луна карабкается вверх, и ночь будто теплеет. Идеальная погода для змей. «Слушай, мозг, может, ты заткнешься, а?» – угрюмо думает Ди. Чем Тед может там заниматься? Она подумывает подкрасться чуть ближе, но каждое ее движение будто отзывается оглушительным выстрелом. Ей приходится только сидеть и слушать. Проходит время, но сколько именно, сказать трудно – может, час, может, чуть больше. Его шепот и ритмичный стук лопаты, вгрызающейся в землю, смешиваются со звуками ночного леса.

Наконец Ди вздрагивает от топота башмаков, направляющихся в ее сторону. Последние минуты она балансировала на грани дремы. На негнущихся ногах девушка быстро заползает под землечерпалку. Луна прячется за просвечивающей пеленой облаков, но ей все равно видно вполне достаточно. Тед несет на спине что-то тяжелое. Лопата в его руке покрыта землей. Он явно что-то выкопал. Ди с трудом поднимается на ноги, по возможности стараясь не шуметь.

На востоке луна, добравшаяся в своем восхождении до пика, отражается в спокойной воде. Озеро самое большое в миле отсюда. «От дома Теда до того места, где пропала Лулу, всего час ходьбы», – думает Ди, в душе которой клокочет ярость. Этой ночью Тед показал, что вполне способен преодолевать большие расстояния с тяжелой поклажей. Однако полицейские попросту взяли и отпустили его. И что бы Ди им сейчас ни сказала, скорее всего отпустят опять. Им наплевать. Ленивые, выгоревшие внутри на этой работе, совершенно бездарные... Девушка осознает, что дрожит, вытягивает вперед руки,

словно слепая, и хватается за тоненькую веточку, чтобы не упасть. Лес словно наполнен свистящим шепотом. Сухим шелестом ползущего по опавшим листьям брюха. «Это просто офидиофобия, – говорит она себе, – только и всего, Ди Ди». Но в этот момент само это слово, кольцами сворачивающееся у нее во рту, напоминает собой змею.

Девушка пытается сделать следующий шаг. Старается не думать, что может поджидать ее впереди, лежа на земле. «Никаких змей здесь нет, – твердит она себе, – все эти пресмыкающиеся уснули под землей. И если уж говорить, кто кого боится, то скорее они тебя, нежели ты их». Но у нее все равно частит дыхание и прирастают к земле ноги. Она боится леса, боится заблудиться в чаще, боится находиться в темноте наедине с убийцей. Но больше всего боится корней деревьев, будто взирающих на нее в свете луны вертикальными зрачками.

«А ну не дурите! – приказывает она ногам. – И шагайте вперед, нет здесь никаких чертовых змей!» Но все равно стоит парализованная, неподвижная, как мраморная статуя. На лесной подстилке рядом раздается какой-то шорох. Она чуть ли не шкурой ощущает подползающее к ней длинное тело. «Иди вперед», – думает она, стараясь вложить в эту мысль каждую каплю своей воли.

Впереди мелькает пляшущий свет фонарика Теда, затем исчезает за деревьями. Ди остается один на один с подкрадывающейся к ней во мраке мерзостью, что бы та собой ни представляла. И слышит тихий, несмолкающий звук скользящего по земле мускулистого тела.

Ди открывает рот – все шире и шире, еще чуть-чуть, и вывихнет напрягшуюся до предела челюсть. Потом безмолвно кричит, поворачивается и бежит домой. Шелест несется за ней вдогонку, плавно скользя по земле, преследуя по пятам.

Дома Ди запирает все окна и двери, берет в руки гвоздодер и занимает свой наблюдательный пост. От стен пустой комнаты отскакивает ее сиплое дыхание. Она смотрит на старые упаковки для еды и пустые баночки из-под йогурта, которыми усеян весь пол. По ним без конца ползают муравьи. «Я становлюсь такой же, как он... – с дрожью и отвращением думает она. – Сколько же во мне трусости».

Тед возвращается домой на рассвете, отпирает заднюю дверь и входит в дом. «Эй, киса, иди сюда», – слышит Ди его слова. Его голос сочится облегчением и дружелюбием. Она составляет список всего,

чем следует запастись. Ей будет нелегко, против нее восстанет собственный разум, но когда в следующий раз Тед отправится в лес, она уже не даст слабину.

ОЛИВИЯ

В последние несколько недель Лорен куда-то запропастилась. Думаю, уехала на каникулы к своей тедихе-маме или что-то в этом роде. Не знаю, когда он о ней говорит, я стараюсь его игнорировать. Красота! Ни тебе розового велосипеда, растянувшегося на полу в гостиной дохлой коровой, ни надписей маркером на белой доске, ни криков, ни бардака. Мир и покой – вот мой удел! Так что все здорово.

Хорошо, что с нами нет Лорен, потому как Тед сейчас то и дело где-то пропадает. Она ненавидит, когда он отправляется на свидания, и постоянно на него орет. Боже правый, да такого гнусного теда-детеныша даже свет не видывал.

Тед из телевизора с мертвыми голубыми монетками вместо глаз больше не заявляет о себе ни запахом, ни как-то иначе. Думаю, я тогда слишком поддаюсь воображению. Оно у меня действительно самое что ни на есть богатое и расчудесное, поэтому не удивительно, что порой оно забредает слишком уж далеко.

Если бы из моей головы еще улетучился этот вой, было бы вообще супер. Порой мне кажется, что туда засунули какой-то предмет, то ли гвоздик с широкой шляпкой, то ли нож. Иииииииииииии.

Думаю, сейчас мне достаточно спокойно для того, чтобы вновь заглянуть в Библию. После прошлого раза, когда страшно содрогнулся дом, я немного нервничаю. Было так страшно, что с тех пор у меня не находилось храбрости вновь к ней вернуться. Но откладывать дальше я не могу. Господу это не понравится. Да будь же ты смелее! Эй, диктофон, а ну пожелай мне удачи!

Я зажмуриваю глаза, сбрасываю книгу и вся сжимаюсь в ожидании удара. Но когда чувствую содрогание и грохот, понимаю, что все это где-то далеко и глубоко под землей. Книга раскрывается, я смотрю на страницу и читаю:

...Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще

людям.

Теперь я чувствую запах соли и жира. Мчусь на второй этаж к Теду. Ну конечно, он лежит в постели и сует рукой в рот картофельные чипсы. Я прыгаю на него, даже не думая ни о какой сдержанности, и всеми четырьмя лапами приземляюсь на живот. Бог никогда меня не подводит.

Он ахает и говорит:

– Ты напугала меня, киса.

Он роняет предмет, который до этого теребил в другой руке, – голубую вещицу, слишком тонкую для шарфа и больше похожую на шелковый галстук или что-то подобное. Я удобно устраиваюсь у него на брюхе и мурлычу. В последнее время мы с Тедом очень счастливы. Да, мне кажется, что жизнь возвращается в нормальное русло.

Тед

Этой ночью меня настигает прошлое. Мембрана времени вспучивается и натягивается до отказа. Я слышу, как Мамочка на кухне говорит с Леди Чихуахуа. Рассказывает историю с мышонком – как в тот день, когда все это началось. Я мысленно затыкаю уши и включаю громче телевизор, но все равно слышу ее голос. По поводу того мышонка в памяти сохранились даже малейшие подробности, что для меня необычно. Моя память больше напоминает маасдам с широченными дырками. В школе, в каждом классе, был свой собственный питомец, выступавший в роли талисмана. В одной из них обитал маисовый полоз – просто замечательный. Конечно, он был намного лучше какой-то обычной белой мышки с маленькими, налитыми кровью глазками.

Мальчишка с родинками должен был на выходные забрать этого грызуна домой, но в пятницу не явился в школу. Его мама сказала, что он простудился, но все знали, что в этот день ему удаляли с лица эти самые родинки. Так или иначе, но взять мышонка домой он не мог, а следующим по алфавитному списку шел я. Его звали Снежок, в смысле не мальчонку, а нашего питомца.

И на выходные его взял я. Пронести мышонка домой пришлось украдкой, потому как Мамочка мне этого в жизни бы не позволила. Приручать животных означало обращать их в рабство. А потом произошла та самая история, и в понедельник я его не вернул.

Никаких неприятностей от этого у меня не было. Никто не мог ничего ни сделать, ни сказать. В конце концов, это была случайность – просто в клетке разболталась дверца. Произшедшее меня действительно расстроило, но я испытывал и другие чувства, гораздо приятнее. Я обнаружил в себе еще одну, неведомую доселе грань моего существа. Помню, как в тот понедельник на меня смотрел учитель. В его взгляде присутствовала осторожность, которой до этого не было и в помине. Он увидел мою истинную суть. И понял, какую я представляю опасность.

Вместо Снежка в нашей комнате поселился хомяк. Систему, по которой мы брали его на выходные домой, наш учитель поменял –

теперь мы тянули наудачу жребий из бейсболки. Бумажка с моим именем почему-то ни разу не попалась. В конце концов этот учитель, наш классный руководитель, стал директором школы. Это произошло несколько лет спустя, когда я кого-то там ударил в холле рядом с моим шкафчиком. Тогда ему-то и представился шанс. Даже не помню, кто это был. И ударил я его или же пнул. Но дело в том, что тогда я уже в третий раз проявил агрессию, поэтому из школы меня выгнали. Мне было известно, что предлога отчислить меня учитель дожидался с той самой истории с мышонком.

Я смотрю на аудиокассеты, ровненьким рядом восседающие на книжной полке, и думаю о той, что спрятал в холле в шкафу. Будь у меня больше храбрости, ее, пожалуй, можно было бы послушать. Мамочкины последние слова.

Мысли – это дверь, через которую приходят мертвецы. И сейчас я чувствую ее, чувствую, как по затылку скользят ее холодные пальцы. «Мамочка, прошу тебя, оставь меня в покое».

Надо сосредоточиться. Я встряхиваю руками и поворачиваю их ладонями вверх. Затем по отдельности смотрю на них – на каждый палец, на пухлую подушечку основания большого, на сухую, словно выделанную скорняком кожу. И каждый раз делаю глубокий вдох. Это упражнение мне положено делать по предписанию человека-жука, и оно, к моему удивлению, действительно работает.

Я открываю шкафчик с ноутбуком и включаю его. Появляется фотография ухмыляющегося за столом мужчины. Она совсем не похожа на настоящую. Но если человек достаточно одинок, ему глубоко наплевать, что настоящее, а что нет. От того, что приходится пользоваться чужой фотографией, я опять чувствую себя не лучшим образом, но если разместить мою собственную, на свидание ко мне точно никто не придет.

Я смотрю на нескончаемые ряды женщин. Как же их много. Пока поиск успеха не принес, но в этом деле важно не сдаваться.

Возможно, до сих пор я делал что-то не так. Зациклился на белокурых волосах цвета сливочного масла, на голубых глазах и все такое прочее, хотя в действительности мне нужен человек, с которым у меня было бы больше общего. Человек, которому приходится одному растить ребенка. Я изменяю параметры поиска, лица исчезают, и вместо них тотчас появляются новые. По большей части постарше. К

парочке из них примеряюсь, но по сравнению с бездетными женщинами у них более настороженный вид, и откликаться они совсем не торопятся.

Наконец я нахожу то, что нужно. Она готова встретиться со мной этим же вечером. Отвечает быстро, в течение каких-то трех секунд, что большая ошибка – это даже я могу вам сказать. Будет ждать меня в кафе после работы. По правде говоря, очень даже симпатичная. Кроткое лицо и пухлый подбородок. Волосы красила довольно давно – у корней уже повылезала седина, вклинившись в черное однообразие. Уже поздно, но она постарается уговорить посидеть с ребенком сестру. У нее двенадцатилетняя дочь.

«У меня тоже дочь, – сообщаю ей я, – Лорен. А как зовут вашу?»

Она отвечает на мой вопрос, и я отписываю ей: «Красивое имя. Как все-таки хорошо общаться с человеком, который тоже в одиночку воспитывает ребенка. Порой бывает так одиноко».

«Я знаю! – отвечает она. – В иные дни я только и могу, что плакать».

«Если сестра не может посидеть с дочерью, возьмите ее с собой, – пишу я женщине, – а я могу взять Лорен». (Взять ее у меня, конечно, не получится, но ведь всегда можно сказать, что она заболела.)

«Это же замечательно! – отписывает она. – Так здорово, что вы понимаете. И могу сразу сказать, что вы хороший человек».

«На мне будет голубая рубашка, – отстукиваю я на клавиатуре, – может, вы тоже наденете что-нибудь голубое, чтобы я мог вас узнать?»

«Ну конечно, это было бы забавно».

«Только, пожалуй, не голубые джинсы, потому как их все носят».

«Ладно...»

«Голубое платье у вас есть?»

Я уже давненько не принимал душ, поэтому встаю сейчас под его струи, подпевая женскому голосу, исполняющему прекрасную мелодию. Плюс к этому принимаю еще пару таблеток. Не хочу на этот раз все испортить.

Перед уходом по-быстрому выпиваю пива – вливаю в себя, стоя перед открытым холодильником, и отправляю внутрь одним глотком. На кухонной стойке тянется дорожка из маленьких черных кругляшей. Мышиный вопрос все настойчивее заявляет о себе. Я ничего не имею

против мышей, если с ними могут справиться кошки, но только не здесь. Порой проблемы исчезают сами по себе, без малейших усилий с вашей стороны. Но на этот раз все обстоит с точностью до наоборот. Надо бы достать дневник и все записать. Но у меня нет времени!

Когда я выхожу и запираю за собой на три замка дверь, на улице царят тьма и покой. В доме Леди Чихуахуа по-прежнему никто не живет. Когда я прохожу мимо него, он тянет меня к себе как на каком-то странном буксире – будто дом жаждет вобрать меня в себя, будто бог посылает за мной свое щупальце силы.

ОЛИВИЯ

Тед опять ушел. С тех пор прошли уже день и ночь. Я истосковалась по моему милому, темному ящику, но он навалил на него сверху всякой всячины. Миску я вылизала до такой степени, что собственный язык кажется металлическим на вкус. И конечно же, никуда не делся вой, без остатка заполняющий мой мозг. В последнее время он то набирает силу, то стихает, но полностью не уходит. Иногда мне кажется, что в нем можно разобрать какие-то слова. На данный момент его можно терпеть. Гораздо хуже голод, нещадно терзающий мой желудок.

Телевизор включен – идет какая-то страшилка об убийце, подкарауливающем на парковке девушку. Актриса, играющая жертву, весьма мила. Она выглядит напуганной. Поскольку мне все это не нравится, я выхожу из комнаты. Но все равно слышу звуки погони и крики. Надеюсь, она выйдет из этого затруднения. А если честно, то кто вообще смотрит такую муть? Позвольте заметить, что в мире полно психов. И мой Тед, слава богу, совсем не такой.

Как же хочется есть.

Я крадусь по дому. За мной вьется веревочка. Сегодня она измочаленная и серая, что выглядит неправильно. Съесть ее нельзя. Я пыталась. И съела все, что здесь только было съедобного. Даже сшибла с мусорного ведра крышку, но не нашла в нем ничего, кроме грязных салфеток. После того Паршивого Ужина Тед выбрасывает мусор два раза в день. Как бы то ни было, но салфетки я съела.

Я обхожу дозором дом, пытаюсь учуять запах крови. И даже спускаюсь вниз в мастерскую, которую недолюбиваю из-за отсутствия окон. На верстаке сияющим морским созданием в ярком свете восседает машина. Вдоль стен выстроились в ряд ящики. Я взбираюсь на каждый из них и заглядываю внутрь. В основном они либо пусты, либо заполнены старыми запчастями. Даже в теперешнем состоянии тревоги от вида картона я тихонько мурлычу. Мне приходится сделать над собой огромное усилие, чтобы не забраться в один из них и сладко заснуть.

Я залезаю под диван и заглядываю за радиаторы отопления. Заползаю под кровать Теда, где среди кроликов из пыли катаются пивные банки. Выдвигаю ящички, копаюсь в его носках, майках и трусах. Роюсь в глубине шкафа, но так ничего и не нахожу. Ни крови, ни даже намека на запах Лорен.

Я замираю у двери на чердак, мой напуганный хвост торчит пистолетом. Тихо. Заставляю себя подойти ближе, подношу мой бархатистый носик к щели под дверью и принохиваюсь. Пыль... Только пыль и больше ничего. Я прислушиваюсь, но не слышу ни звука. Рисую в воображении затхлый воздух, вздохи толстых балок, брошенный, вываливающийся из коробок хлам. Меня пробирает дрожь. Мысль о пустой, утопающей во мраке комнате внушает ужас. В голове все поет вой. *Оооооииииии*. Если Господь насылает на меня этот непрекращающийся шум не просто так, а с какой-то целью, то пусть, на хрен, как можно скорее мне ее откроет.

До меня вдруг доходит, что я не заглянула под холодильник. И действительно, после пары попыток мне удается подцепить когтем и выудить оттуда залежалую печеньку. Фу. Совсем размягчилась.

Работая челюстями, я вдруг вижу в пыльном мраке что-то еще. Осторожно вытягиваю лапку, аккуратно выпускаю на всю длину коготки и тяну их вперед среди бутылочных пробок и мягких серых пушинок. Вот коготок во что-то вонзается. Первым делом мне кажется, что это *маленькое тельце*. Может быть, *мышь*? О-хо-хо... Но это не плоть, потому как она более плотная и пористая. Извлекаю его на свет божий. Это белый детский шлепанец. Скорее всего, принадлежит Лорен. Ходить она не может, но ей все равно время от времени нравится надевать обувь.

«Подумаешь, ерунда какая, – говорю я себе, – всего лишь шлепанец». Но насыщенный железом запах говорит совсем о другом. Я без особой охоты его обнюхиваю и... Вот оно, на обратной стороне. Подошва затвердела и одеревенела от налипшей на нее сухой, темно-коричневой субстанции. В голову приходит мысль: «Может, это и не кровь, а желе, кетчуп или что-то еще?» Но этим запахом полнится весь мой рот. Мне хочется его съесть. Вой становится выше и громче.

Я кладу шлепанец между передними лапками и вглядываюсь в него, будто там написан ответ. Вполне возможно, я не имею к нему никакого отношения. Лорен, должно быть, сама поранилась. Она

совсем не чувствует ног и обращается с ними бесцеремонно. Но я, сама того не желая, думаю о крохотных косточках и вспоминаю вкус, оставшийся у меня в горле после того, как ушел Мрак. Размышляю о том, сколько раз он в последнее время брал надо мной верх и как часто я ему это позволяла. От охватившей меня тревоги хвост становится торчком, напоминая полевой хвощ. Это как раз та ситуация, в которой я обычно обращаюсь за советом к Богу. Но на этот раз решаю этого не делать. По той или иной причине не хочу, чтобы Он прямо сейчас уделял мне внимание.

Больше крови на кухне нигде нет. Я в этом совершенно уверена. По сути, вокруг непривычно чисто. Я даже чувствую запах чистящих средств, что уже странно, потому как уборкой Тед никогда не занимается.

«Ты здесь?» – спрашиваю я.

Во тьме горят его зеленые глаза.

«Пришло мое время?»

«Нет».

Но может, и пришло. Он чуть игриво выходит вперед, пытаюсь подавить мою волю. Я даю ему отпор, но если честно, то это намного труднее, чем когда-либо на моей памяти. Неужели он набирает силу?

«Ты что... – Я на миг смолкаю и облизываю губки; во рту сухость, язык будто одеревенел. – Мы... как-то плохо обошлись с Лорен?»

«Нет, – отвечает он, и по моему телу пробегает злая зыбь, что случается каждый раз, когда Мрак смеется, – конечно же, нет».

«Ну слава богу».

Но мое облегчение длится совсем недолго.

«Тогда почему, – спрашиваю я Мрака, – под холодильником валяется этот окровавленный шлепанец?»

Он пожимает плечами, и все мысли, которые только есть у меня в голове, колышутся вверх-вниз, как океанские волны.

«Может, она сама где-то поранилась? – предполагает он. – Дети есть дети».

«Может быть, – отвечаю я, – но почему она в последнее время куда-то запропала?»

«Я не обязан тебе что-либо объяснять, – говорит он. – Спроси кого-то другого».

Потом поворачивается и вновь растворяется во тьме.

«А какая тогда с тебя, на хрен, польза? – ору я ему вслед. – У кого я еще спрошу, черт бы тебя побрал?»

В моей душе нет ни капли удовлетворения. По сути, как раз наоборот. Мрак только что показал свою недюжинную силу. У меня на затылке встают дыбом волосы.

На кухню, пошатываясь, заходит Тед. Вспыхивает свет. Я даже не сознавала, что уже стемнело.

– Что это ты там нашла?

Он берет у меня маленький окровавленный шлепанец, неподвижно застывает, глядя на него, затем говорит:

– Я думал, что выбросил его. Почему бы ему не остаться на свалке? Я не хочу, чтобы он был здесь! И не хочу, чтобы ты его видела!

Он кладет шлепанец в карман и подхватывает меня на руки. Его дыхание на моей шерстке ощущается теплым порывом ветра. Я корчусь и кричу, но все бесполезно.

Тед кладет меня в ящик и закрывает крышку. Я слышу, как сверху на нее валится всякий хлам. Но он НИКОГДА не делает этого, когда я внутри. Я вежливо *выражаю недовольство*, потому как здесь явно какая-то ошибка. У меня не будет возможности отсюда выбраться. Однако он продолжает наваливать вещи. Тед запер меня в ловушке! Но зачем ему это надо?

Я возмущаюсь *все громче и громче*, но ответом мне служит тишина. Тед ушел. Запер меня здесь в полной темноте. Я стараюсь не паниковать. Он сделает все свои дела и выпустит меня отсюда. К тому же я обожаю свой ящик, разве нет?

Спать не могу. Когда же я все-таки проваливаюсь в сон, то тут же вздрагиваю и просыпаюсь, убежденная, что рядом кто-то есть. Чувствую, как они копошатся во тьме прямо у меня под боком.

Тед

Не помню точно, сколько мне было лет, когда я осознал, что Мамочка красива. Думаю, не больше пяти. Я понял это, не глядя на нее, а судя по выражениям лиц родителей других детей. Когда она забирала меня из школы, на парковке яблоку было негде упасть, и все не сводили с нее глаз.

Я при этом испытывал неоднозначные чувства. Было очевидно, что она не такая, как мамы других ребят. Моя Мамочка обладала гладкой кожей и большими глазами, которые, бросая на тебя взгляд, будто видели только тебя и больше ничего вокруг. Ни просторных джинсов, ни свитеров она не носила. Надевала голубое платье, шелестевшее вокруг икр, будто море, и порой полупрозрачные блузки, через которые проглядывали углубления ее тела – теплые и прятавшиеся в тени. Говорила всегда только тихо и спокойно, не имея привычки орать, как другие мамы. Ее подчеркнутые согласные и невыразительные гласные звучали экзотикой. От того, что на нее все смотрели, меня охватывала гордость. В то же время от этих взглядов внутри разгорался маленький костер. Я одновременно и желал их, и нет. Но когда стал ездить в школу на автобусе, стало немного лучше.

В школе я ее защищал. Но когда она возвращалась со смены, жутко ревновал. Боялся, что другие дети, за которыми она ухаживала в больнице, выпьют ее без остатка, не оставив мне ровным счетом ничего.

В определенном смысле так оно и произошло. Когда ее уволили, для нее это стало настоящим горем. Повсюду шли сокращения, и все об этом знали. Нам не хватало денег. Папочка велел мне не досаждать Мамочке. Сказал, что ей требуется немного личного пространства. А она и правда будто как-то съежилась. Безмятежный блеск в ее глазах померк. На тот момент мне было около четырнадцати.

Мамочка близко дружила с Леди Чихуахуа. Каждое утро, если ни той ни другой не надо было отправляться на смену, она ходила к ней домой. Они пили черный кофе, курили «Вирджинию слимс» и говорили. В хорошую погоду устраивались под навесом на террасе.

А в пасмурную и холодную, то есть чаще всего, сидели за обеденным столом до тех пор, пока воздух не густел от дыма и секретов до такой степени, что его можно было резать ножом. Я знал об этом только потому, что по выходным они порой не замечали, как быстро бежит время, и мне приходилось являться за Мамочкой, чтобы она приготовила обед. Папочка говорил, что это женское дело, даже если оно сводилось к тому, чтобы открыть несколько баночек с детским питанием. К тому времени он уже стал много пить.

Когда Мамочку уволили, Леди Чихуахуа пришла в ярость, огорчившись даже больше ее самой. И всячески уговаривала не сдаваться без боя.

– Ты же самая лучшая, – говорила она, – и к детям знаешь подход. Да они с ума сошли, дав тебе расчет. Это преступление.

Ее большие карие глаза в такие мгновения превращались в два озера веры. Леди Чихуахуа всегда бурлила энергией.

– Можно написать совету директоров больницы, – говорила она Мамочке. – Давай, тебе нельзя безропотно сидеть сложа руки. Ты для них настоящий капитал.

Ей вторили и мы с Папулей.

– Мамочка, ты и правда самая лучшая, – говорил я, – они и сами не знают, какая ты для них находка.

– Так уж устроен мир, – по привычке спокойно отвечала Мамочка, – неудачи надо воспринимать достойно.

У меня на тот момент уже начались проблемы в школе, хотя родители еще не воспринимали их всерьез. Думаю, я так хорошо вел себя дома, что им казалось, будто это какая-то ошибка. Всегда помогал, держался вежливо – или по меньшей мере пытался.

– Тедди словно перепрыгнул подростковый возраст, – говорила Мамочка, глядя меня по щеке, – нам очень повезло.

Однажды Леди Чихуахуа пришла к нам домой еще до моего ухода в школу. Я сидел за кухонной стойкой и ел хлопья с молоком. На Мамочке было то самое воздушное голубое платье, развевавшееся при каждом движении. Леди Чихуахуа устроилась на стуле и высыпала в свой кофе три пакетика заменителя сахара. Вокруг ее головы струился пар. Кофе она любила пить сладким и обжигающе горячим – настолько, что он мог бы и убить. Она вытащила из сумки песика и водрузила его на стойку. У него была маленькая, гладкая, смуглая,

умная мордочка. Он осторожно понюхал чашечки с кофе и в пелене табачного дыма заморгал глазами.

– Как можно? – спросила Мамочка. – Как можно держать в неволе это маленькое создание? Неужели ты по его глазам не видишь, как оно страдает? Разводить и держать дома диких животных просто чудовищно.

– У тебя очень доброе сердце, – сказала Леди Чихуахуа.

(Конечно, я теперь понимаю, что все это было еще до чихуахуа. Тогда она была Леди Такса, поэтому так я и буду ее называть.)

Леди Такса бросила на Мамочку взгляд, и та сказала: «Давай перейдем в другую комнату. А ты, Тедди, доделай домашнее задание по математике».

Они ушли в гостиную, закрыв за собой кухонную дверь. Я услышал Мамочкины слова:

– Ох уж эта твоя собака. Не могу смотреть на нее без слез. И не позволяй ей садиться на мои обеденные стулья! Они обиты материей, это негигиенично.

Я открыл домашнее задание по математике. У меня болела голова. Боль торчала у меня в голове уже несколько дней, как притаившаяся жаба за глазами. Я уставился на страницу, которая плыла и ходила ходуном перед глазами. С такой пульсацией в мозгу было трудно сосредоточиться. Прошлым вечером я, похоже, попытался решить хотя бы пару математических задач, но теперь видел, что в большинстве случаев получил неверный результат. Из моей груди вырвался вздох, пальцы достали ластик. Голос Леди Таксы то врывался в комнату, то стихал. Кухонная дверь представляла собой тонкую сосновую перегородку.

– История с душком, – говорила она, – всю неделю устраивали всеобщие собрания, а вчера приходила полиция. Нам всем поочередно в комнате отдыха для медсестер устроили допрос. Доставили массу неудобств. Из-за них нам пришлось таскаться за кофе в кафетерий, то есть целых три этажа на лифте вниз, а потом столько же обратно. В итоге я потратила на это весь свой перерыв.

– Боже мой, – отвечала Мамочка, – с чего бы это?

– Не знаю. Они движутся в алфавитном порядке, поэтому до меня еще не дошли. Девочки ничего не говорят, хотя выходят все вроде как расстроенные.

– Знаешь, – сказала Мамочка, – меня это совсем не удивляет.

– Не удивляет?

Я почти даже услышал, как Леди Такса в предвкушении подалась вперед.

– А ты сама подумай. Все эти финансовые проблемы. Хотелось бы мне знать, куда деваются деньги! То же самое отделение, тот же бюджет, но почему тогда их вдруг стало так не хватать?

– Ничего себе, – произнесла Леди Такса, с шумом втянув в себя воздух, – думаешь, в больнице выявили какую-то аферу?

– Об этом судить не мне, – самым кротким голосом сказала Мамочка, – мне просто интересно, только и всего.

Я услышал, как Леди Такса прищелкнула языком.

– То, что тебя уволили, мне всегда казалось бессмыслицей, – сказала она, – я об этом уже говорила и готова повторить миллион раз. Но то, что происходит сейчас, может все объяснить.

Мамочка ничего не ответила, я представил, как она улыбнулась своей доброй, немного смущенной улыбкой и покачала головой.

Я расстроился, хотя и сам не знал почему. А потом забрался в старый морозильный шкаф, закрыл над собой крышку и сразу почувствовал себя лучше.

После этого я выпал из времени. А когда пришел в себя, то все еще находился в морозильнике, точнее, по всей видимости, забрался туда вновь. Слышал голос Леди Таксы, чувствовал запах табачного дыма, просачивавшегося из гостиной в щель под кухонной дверью. Только вот сама кухня была немного другой. С подоконника исчезли тюльпаны. Стены казались грязнее.

– Это же скандал! – прозвучал Мамочкин голос. – Швырять камни! Да они переколотили на этой улице все фонари. Как по мне, так во всем виноваты родители. Дети должны знать, что такое дисциплина.

Я распахнул дверь. Женщины удивленно подняли на меня глаза. На Мамочке была зеленая кофточка и слаксы. В окно заглядывал холодный день, обрамленный голыми, безлиственными ветвями. Рядом с Леди Таксой сидел лохматый пес, но уже не такса. Он поднял бурую с белым голову, моргая от табачного дыма. Теперь она превратилась в Леди Терьер.

– Продолжай, Тедди, – мягко произнесла Мамочка, – здесь нет повода для волнений. Иди, тебе надо дозаполнить анкету о приеме на работу.

Я закрыл дверь и вернулся на кухню, где меня ждала недописанная анкета о приеме на работу в городской автосалон.

День был совсем другой, и в школу я больше не ходил. Меня выгнали за то, что я ударил у шкафчиков того мальчонку. Мамочка считала, что мне в любом случае лучше оставаться дома. Я ей помогал. И до этого никогда так надолго не выпадал из времени. Я попытался собрать мелькавшие в голове короткие проблески воспоминаний. Мне, думаю, было лет двадцать, может, двадцать один, Мамочка уже не работала в больнице, а ухаживала в дневное время за престарелыми и инвалидами. Хотя на тот момент уже нет, потому как ее опять уволили из-за человеческой подлости.

В моем теле чувствовались изменения. Я стал крупнее. То есть гораздо крупнее. У меня отяжелели руки и ноги, а лицо обросло рыжеватой щетиной. Вместе с тем появились новые шрамы. Я чувствовал, как они чешутся под футболкой на спине.

– Мехииииико, – говорит через дверь Леди Терьер, – каждый день на завтрак коктейль. С зонтиком.

Она вот уже какую неделю с нетерпением ждет отпуска.

– Со мной едет тот красавчик Генри, упаковщик из «Стоп-энд-Гоу». Двадцать пять лет от роду. Что ты на это скажешь?

– Ты неисправима, – отвечает Мамочка.

В ее голосе слышатся одновременно и порицание, и комплимент. Я размышляю о том, что такое двадцать пять лет и сколько сейчас Леди Терьер. Много. Должно быть, без малого сорок.

– Сильвия тоже так считает, – произносит она и неожиданно грустнеет, – никогда не думала, что моя дочь, когда вырастет, будет меня так осуждать. А ведь в детстве была просто душка.

– А вот мне с Тедди очень повезло, – говорит Мамочка, и мое сердце переполняет любовь к ней, – он всегда относится ко мне с уважением.

«Интересно, а где Папочка?» – думаю я и в этот момент вспоминаю. Папочка ушел после того, как я ударил его по голове. Помню, как под моими костяшками треснула кость, помню синяки на своей руке. То был один из тех случаев, когда я благодарил Бога, что не

чувствую боли. Но он ее чувствовал. Знаю, Папочка это заслужил, но до причин мне приходится доискиваться. Память возвращается короткими сполохами. Я ударил его, потому что он раскричался на Мамочку. Называл нехорошими словами и говорил, что она сумасшедшая.

– Тсс... – говорит она, врываясь в мои мысли.

Я поднимаю на нее глаза, благодарный, что она пришла.

– Тедди, ты взял нож и поранился.

Я вздрагиваю и кладу нож обратно в ящичек, даже не помня, как его брал.

– Все в порядке, Мамочка.

– Не надо подвергать здоровье риску, – говорит она, – рану надо дезинфицировать и наложить пару швов. Я принесу аптечку.

Хотя нет, это случилось в другой раз. Я в неправильном воспоминании. *Никогда не называй женщину сумасшедшей.* Я чувствую на лице холодное прикосновение Мамочкиных рук и свежий, наполненный жизненными соками, весенний запах леса. Нет, опять не то. Все пытаюсь ухватить нить того дня и чуть не задыхаюсь от ощущения провала. С тем днем связано что-то очень важное. Только я все позабыл.

Во второй раз Мамочка привела меня в лес из-за мышонка Снежка. Я стоял в гостиной над его клеткой и плакал. В углу лежали его останки. Опилки покоришневели и слиплись комками. Как в таком маленьком тельце может быть столько крови? Помню вкус страха и соплей. Я прижал к лицу желтое одеяло, и оно совсем намокло; в темноте печально поблескивали голубые бабочки.

Я поднял глаза и увидел ее – она стояла в дверном проеме и молча смотрела на меня. На ней было то самое развевающееся голубое платье, предназначенное, по ее собственным словам, для чайных церемоний. Я не знал, что делать. Да и как было что-то объяснить?

– Не смотри на меня, – прозвучали мои слова, – я этого не делал.

– Нет делал.

Я заорал, схватил с каминной полки матрешку и швырнул в нее. Во все стороны брызнули крохотные куколки, но ей в голову ни одна не попала, вместо этого угодив в стену за ее спиной и разлетевшись в щепки. Я опять закричал и схватил музыкальную шкатулку, но в этот

момент испугался бурливших во мне жутких чувств. И поэтому лишь уронил шкатулку, которая гулко ударилась о пол и разбилась.

– Посмотри, что ты наделал.

Она была само спокойствие.

– Ты забираешь у меня что только можно, Теодор. Все забираешь, забираешь и забираешь. Может, уже хватит?

Я кивнул.

– Возьми из моего одежного шкафа обувную коробку, – сказала она, – сначала вытащи из нее туфли, затем переложи туда все содержимое клетки.

Хорошо, что она давала такие точные указания. Они были мне нужны, сам я думать не мог. Мозг воспалился от стыда, но вместе с тем и от возбуждения. Бедный Снежок. Но я раскрыл тайну, запрятанную во мне глубоко-глубоко.

Я принес обувную коробку, аккуратно держа ее в одной руке. За другую меня взяла Мамочка, потащила за собой, без всякой злобы, и сказала:

– А теперь быстро.

Мы вышли в парадную дверь и зашагали по улице.

– Ты же не заперла дом, – произнес я, – а что, если туда кто-то войдет? А если нас обворуют?

– Да пусть, – ответила она, – только ты и я: все остальное сейчас не важно.

«А Папочка?» – подумал я, но ничего не сказал.

Когда мы вышли к опушке леса, я дал задний ход и опять заплакал.

– Не хочу туда. Мне страшно среди деревьев.

Память хранила воспоминания о том, что случилось с той деревянной кошечкой. И от чего она на этот раз велит мне отказаться? Может, Мамочке придется остаться в лесу, а мне одному возвращаться домой? Мысль – хуже не придумаешь.

– Не бойся, Тедди, – сказала она, – ты будешь пострашнее всего, что обитает в этих лесах. К тому же здесь нет такой жары и тебе станет лучше.

Она сжала мою ладонь. В другой руке у нее был садовый совок – тот, что с розовой ручкой.

Мы пошли по тропинке, напоминавшей собой шкуру леопарда, сотканную из света и тени. Мамочка была права: здесь, под прохладной сенью деревьев, мне действительно стало лучше. Однако мою душу все еще переполняла жалость. Мышонок был такой маленький, и я знал, что к братьям меньшим следует относиться по-доброму. Поэтому опять заплакал.

Мы вышли на поляну, обрамленную валунами и серебристыми деревьями – будто молниями или фонтанами воды. Стоило мне войти в этот круг, как сразу стало ясно: когда-то здесь что-то случилось. Я видел перед собой точку трансформации, где стена между мирами становится очень тонкой. Это чувствовалось.

Мамочка выкопала розовым совком на озаренной солнцем заплатке ямку, в которой мы похоронили останки мышонка. Обглоданные до самого основания косточки на фоне молодой травы казались чуть ли не прозрачными. Когда на коробку полетели комья плодородной земли, погребая ее собой, что-то явно изменилось. Я увидел, что останки самого обычного мышонка перевоплотились в нечто совсем другое, приобрели особую ценность и силу. Стали теперь частью смерти и земли. И превратились в бога.

Мамочка села и похлопала по земле рядом с собой. Помню запах живицы и ее руки, гладившие мое лицо. Скорее всего стояла весна.

– Ты думаешь, я слишком с тобой сурова, – произнесла она, – тебе не нравятся установленные правила и постоянные напоминания о реальном положении вещей. Не нравится, что я забочусь о твоём здоровье, запрещаю держать домашних животных и есть хот-доги, как делают остальные мальчишки в Америке. Что мы не можем позволить себе докторов и поэтому я зашиваю твои раны сама. Несмотря на все твои жалобы, у меня нет желания что-то менять. О твоём здоровье я забочусь, потому что это мой долг. И раз уж присматриваю за твоим телом, то должна думать и о том, что у тебя в голове. А там, как мы сегодня узнали, у тебя засела болезнь.

Ты, наверное, клянешься себе, что больше никогда не будешь делать ничего такого. Думаешь, что уступил один-единственный раз... Возможно, так оно и будет. Только я думаю совсем иначе. У тебя патология, издавна известная в нашем роду. Ею болел и мой отец – твой дедушка. Я надеялась, что на нем она и закончится. Может, даже думала, что сама смогу искупить его вину. Новый мир, новая жизнь. И

медсестрой стала только потому, что хотела спасти человеческие жизни.

– Что она собой представляет? Эта болезнь.

Она посмотрела на меня, и сфокусированный на мне луч ее внимания показался теплым морем.

– Из-за нее у тебя возникает желание истязать и убивать живых существ, – сказала она, – я видела такое в ту самую ночь, когда пошла за отцом к старым могилам под *илизом*. Когда поняла, что он там хранил...

Мамочка поднесла ко рту ладонь и резко на неедохнула.

– А что такое *илиз*?

Звук был неприятный – как имя демона.

– Это слово означает церковь, – сказала она.

Потом немного помолчала и опять мягко повторила, будто к языку у нее во рту вернулись какие-то воспоминания:

– *Илиз*...

Раньше я никогда не слышал, чтобы она говорила на каком-то другом языке, кроме английского. И в этот момент до меня дошло, что в ней есть и другая, зловещая ипостась, сотворенная из прошлого, – как призрак и живой человек, накрепко связанные незримыми узами.

– Тебе там нравилось? – спросил я. – Ты скучаешь по тем краям?

Она нетерпеливо покачала головой.

– «Нравилось», «скучаешь» – эти слова слишком туманны. Подобные уголки на земле просто существуют, а какие чувства ты к ним испытываешь, уже не важно. В этой стране все боятся смерти. Но ведь мы и есть смерть. Она средоточие всего сущего. В Локронане существовал старинный обычай. На алтаре в церкви был высечен Анку, и мы оставляли у могил молоко, чтобы он, многоликий, мог его пить. Кладбище располагалось в самом центре деревни. Именно туда мы приходили поговорить, пофлиртовать, поспорить. У нас не было ни игровых площадок, ни детских парков. Вместо этого мы играли в прятки среди надгробий. Жизнь проходила в окружении смерти, бок о бок с ней.

Но жизнь и смерть могут слишком сближаться друг с другом. Тогда между ними стирается грань. Поэтому когда по ночам из *илиза* доносились звуки, никто ничего не говорил, потому что это было в порядке вещей. А когда стали пропадать собаки, тоже сказали, что это

в порядке вещей. Жизнь в смерти, а смерть в жизни. Но я не могла с этим смириться.

Она немного помолчала.

– Как-то утром спавший вместе со скотиной парень по прозвищу Пемок'х не подошел к двери за своей коркой хлеба и чашкой молока. Я пошла его искать. В конюшне его не оказалось. На соломе виднелась кровь. Я выглядывала его повсюду целый день. Кроме меня, всем было наплевать на то, что с ним случилось. Я осмотрела канавы, на тот случай, если его сбила проезжавшая мимо машина, зашла в курятник, если он вдруг уснул, согретый теплом птичьих тел, и не обошла вниманием много других укромных уголков. Но так его и не нашла. Днем меня в амбаре отыскал отец и тотчас отгаскал за уши.

– Не лодырничай! Тебя ждет стирка и готовка.

– Но мне надо отыскать нашего парня, Пемок'ха, – ответила я, – боюсь, как бы с ним чего не случилось.

– Ступай на кухню, – сказал отец, – мне стыдно, что ты забываешь о своих обязанностях.

И посмотрел на меня. Я увидела, что у него за глазами горело по крохотной свече.

Когда он ночью вышел из дома, я через поле пошла за ним в деревню, потом на кладбище, к могилам под самой церковью. И там увидела его истинное лицо.

– Что ты увидела там, у этой церкви? – прошептал я. – Что, Мамочка?

– Я увидела их – в клетках.

Эти слова она произнесла, не глядя на меня.

– Питомцев отца. Я увидела, что осталось от Пемок'ха. В воскресенье я пошла в церковь и донесла на него. Встала перед всеми, кто там собрался, и рассказала обо всем, что он натворил. Предложила пойти и посмотреть самим, если они мне не верят. Но никто никуда не пошел и смотреть ничего не стал. И тогда я поняла, что они и так все знают.

Она немного помолчала.

– Люди предпочитали закрывать глаза, время от времени жертвуя бродячей собакой или даже бесприютным ребенком. Так было всегда, потому что это в порядке вещей. Тех, кто из поколения в поколение

живет рядом, поражает одна и та же особая форма безумия. Но когда я высказала правду вслух, им наконец пришлось перейти к действию.

Ночью меня разбудил огонь. Их было пятеро – на лицах платки, в руках зажженные факелы. Они вытащили меня из постели и выволокли наружу. Отца привязали к кровати и подожгли дом. В ту ночь у Анку было его лицо.

Я упала на колени и поблагодарила их. Но потом мир поглотила чернота. Думаю, меня ударили по голове. А из дальнейшего помню только, как мы с грохотом ехали по дороге на отцовском фургончике. Из него еще не выветрился аромат его табака. Меня куда-то везли в ночи. Под утро мы приехали в какой-то городок. «Ты сумасшедшая, – сказали мне, – и пусть твои сказки теперь слушают булыжники и грязь, а у нас, честных людей, на них нет времени». И они бросили меня там, на улицах этого странного города. Без денег и друзей. Я даже не говорила на их языке, только на нашем старом наречии.

– Но почему они это сделали? – Мне хотелось их убить. – Это же нечестно!

– Честно! – улыбнулась она. – Я нарушила молчание Локронана и прекрасно понимаю их поступок.

– И что с тобой было потом? – спросил я. – Чем ты питалась, где ночевала?

– Я пользовалась всем, что у меня было, – сказала она, – внешностью, здоровьем, умом и волей. У меня обнаружили некоторые способности ухаживать за больными, к тому же я умела аккуратно накладывать швы. И поэтому жила не настолько плохо, как могла бы. Но на улице любой мог пнуть бродячую собаку, которой я как раз и была, – до тех пор, пока в том городке не появился твой отец. Если бы не он, я бы оставалась там и по сей день. Он привез меня сюда.

Я чувствовала, что Анку отправился за мной через океан и сушу, вплоть до этих берегов. Стоит ему хоть раз увидеть человека, и он его больше не отпускает. В Локронане это хорошо известно. А вот этот мир, который многие любят называть новым, о подобных вещах позабыл. И в день, когда он распахнет свои объятия и придет ко мне с моим собственным лицом, я буду готова.

Ее слова меня совсем не расстроили, ведь мне было совершенно ясно, что Мамочка никогда не умрет. Мне было больше страшно за

себя. Я посмотрел на потревоженную землю, под которой покоился маленький бог, который когда-то был Снежком, и прошептал:

– И что со мной теперь будет?

– Как-нибудь, может, совсем скоро, а может, лишь когда ты повзрослеешь, тебе захочется сделать это опять. Вполне возможно, будешь сопротивляться, но потом все равно уступишь охватившему тебя порыву. А потом снова и снова. Со временем проснется голод к добыче покрупнее мышонка. Возможно, это будут собаки, домашний скот, а затем и люди. Именно так все и бывает – я сама видела. И болезнь прогрессирует, со временем она поглотит всего тебя, и ты станешь слишком беспечен. Это принесет тебе погибель. В один прекрасный день, когда ты выйдешь слишком далеко за пределы разумного, тебя поймают. А потом будут полиция, суды и тюрьма. Ты недостаточно умен, чтобы всего этого избежать. Они выявят твою истинную натуру, измучают тебя, а потом посадят под замок. Я знаю, что пережить этого ты не сможешь. А раз так, то тебе остается только соблюдать осторожность. Ты никогда – слышишь меня? – никогда не должен показывать им свое истинное «я».

Услышав ее слова, я в некоторой степени испытал облегчение. Меня давно не покидало чувство, что со мной что-то не так. Я напоминал себе тот рисунок, что я сделал на бумаге, которой она выстилала противни для выпечки, – неудачный, который получился, когда подложенная под него книга комиксов проскользнула по столу и линии расплзлись в стороны по всей странице. Картинка превратилась в чудовищную версию самой себя.

– Ты меня понимаешь? – спросила она, поглаживая меня по щеке невесомыми, холодными пальцами. – Тебе нельзя об этом кому-либо рассказывать. Ни друзьям в школе, ни даже отцу. И кроме нас с тобой, в эту тайну не проникнет ни одна живая душа.

Я кивнул.

– Не плачь, – сказала Мамочка, – идем со мной.

И она потащила меня за собой своей сильной рукой.

– Куда мы идем?

– Мы никуда не *идем*, – ответила она. – Просто *гуляем*. Когда тебя слишком переполняют чувства, иди в лес и гуляй.

В ее голос каким-то образом закрались нотки, характерные для медсестры.

– Физическая активность полезна как для разума, так и для тела. Ежедневно рекомендуется полчаса. Это поможет тебе справиться с собой.

Какое-то время мы молча шагали по тропе. На ветру за Мамочкой шлейфом развевалось ее голубое платье. Здесь, среди деревьев, она походила на какое-то мифологическое существо.

– Если кто-то докопается до твоей истинной натуры, тебя объявят «сумасшедшим», – сказала она. – Я ненавижу это слово. Теодор, пообещай мне, что никогда не назовешь женщину сумасшедшей.

– Обещаю, – сказал я, – может, пойдем уже домой?

Я подумал о глазках и розовых лапках Снежка и ощутил, что вновь подступают слезы. Во мне осталось еще много нерастраченных чувств.

– Рано еще, – сказала Мамочка, – будем гулять до тех пор, пока тебе не расхочется плакать. Скажешь мне, когда это желание у тебя отпадет.

Пока мы шли, я обеими руками держался за ее платье, с силой сжав его в кулаках. На ладонях по-прежнему виднелась грязь с только что выкопанной нами могилки. На голубой органзе от нее остались отпечатки пальцев.

– Спасибо, что не разозлилась на меня, – сказал я, имея в виду и платье, и мышонка, и все остальное.

– Не разозлилась, говоришь... – задумчиво молвила она. – Нет, я не злюсь. Меня давно не покидал страх, что ты носишь это в себе. Теперь я нашла этому подтверждение и мне стало легче. Больше нет нужды думать о тебе как о моем сыне. И пытаться отыскать в сердце любовь, которой я совсем не чувствую.

В глазах встали горячие слезы, я вскрикнул от боли и произнес:

– Прошу тебя, не говори так! Ты не можешь меня не любить!

– Но это правда.

Теперь она действительно взглянула на меня. Ее глаза казались глубокомысленными и далекими.

– Ты чудовище. Но я за тебя в ответе. Поэтому и дальше буду делать для тебя все, что смогу, поскольку это мой долг, а долг меня никогда не страшил. И никому не позволю называть тебя «сумасшедшим». Особенно в этой стране, где этим словцом обожают перебрасываться, как мячиком.

Она терпеливо подождала, пока я не выплакался. Когда слезы высохли, Мамочка дала мне салфетку, протянула руку и сказала:

– Пойдем. Шагай.

Домой мы возвратились, только когда у меня заболели ноги.

Я попытался привести в порядок матрешек и даже музыкальную шкатулку, прибегнув к помощи суперклея и книги о часовых механизмах. Но они окончательно сломались и починке больше не подлежали. Музыкальную шкатулку Мамочка оставила, но матрешек сунула в мусорный контейнер, где они сгнули навсегда – став еще одной ее частичкой, которую мне потом так и не удалось вернуть, еще одной разбитой мной вещью, которой уже не поможет никакой ремонт.

Я все собираюсь записать мой рецепт сэндвича с уксусом и клубникой, но сейчас у меня для этого нет настроения.

ОЛИВИЯ

Наконец вспыхивает свет. Я чувствую на себе руки Теда, вытаскивающие меня из мрака. От его дыхания воздух пропитался густым духом бурбона.

– Привет, киса, – дышит он в мою шерстку, – ну что, теперь будешь вести себя хорошо? Будем надеяться, что да. Я по тебе страшно скучал. Пойдем посмотрим телевизор. Я тебе что-нибудь расскажу, поглажу, а ты помурлычешь. Здорово, да?

Я корчусь, пытаюсь вырваться из его рук, и царапаю ему когтями лицо. Полосую руки и грудь, ощущаю под лапками хлопок и голую плоть, чувствую, как проступает кровь. Потом убегаю и прячусь под диван.

– Котенок, ну пожалуйста, вылезай, – зовет меня он.

Затем приносит тарелку с парой куриных палочек и ставит ее посреди комнаты у кресла с откидной спинкой. Воркует и все меня зовет.

– Иди сюда, киса... Ксс-ксс-ксс.

Лакомство действительно распространяет отличный аромат, но я не двигаюсь с места. Хочется есть и пить, однако злость все равно сильнее.

«У меня такое чувство, что я тебя больше не узнаю», – сообщаю я ему, хотя он, конечно же, слышит одно лишь шипение.

В конце концов Тед сдается – вполне в его духе. Потому что никогда не берет на себя ответственности за что бы то ни было.

Когда он уходит, из-за отворота его брюк вываливается какой-то предмет. Белый и небольшой, но что это такое, я разобрать не могу. Он подпрыгивает, и у меня дергается хвост. Так и подмывает за ним погнаться. Тед ничего не замечает.

Из кухни доносится глухой хлопок открываемой банки с пивом, потом клекот у него в горле, когда он пьет, а еще какое-то время спустя тяжелая поступь поднимающегося по лестнице человека. С громким звуком пробуждается к жизни проигрыватель, и опечаленная женщина заводит песню о танцах, растягивая гласные. Теперь он уляжется в

постель, тихо включит музыку и будет пить до тех пор, пока в доме не останется ни капли спиртного.

В данный момент я прячусь под диваном, несмотря на то что мне безбожно щекочут нос комки пыли. Это надо записать.

Итак, я, вполне естественно, заполучила ту штуковину, что выпала из отворота Тедовых брюк. Я не могла устоять перед соблазном. Сами знаете – кошки, любопытство и все такое прочее.

Я осторожно подползла к ней, вжимаясь животиком в пол. От нее волнами исходил какой-то запах. Точно такой же мне доводилось слизывать с губ и лап после того, как ко мне приходил Мрак. Такой же запах издавал маленький белый шлепанец. Именно тогда мне стало ясно, что все это очень-очень плохо.

Предмет я зажала в зубах. Им оказался квадратик бумаги, который был сложен столько раз, что в итоге превратился в маленький твердый шарик. «С какой стати Теду носить его за отворотом брюк?» – подумалось мне. Странно.

Я забралась обратно под диван, гарантировавший мне безопасность, и развернула записку, подцепив ее коготком. В действительности это была не бумага, а клочок тонкой, белой, красивой древесной коры. Однако им воспользовались в качестве папируса. Я углядела на нем слово, написанное на кремовой поверхности розовым маркером. Потом узнала корявые буквы и застыла как вкопанная. Они не раз и не два попадались мне на глаза на кухне – на белой доске для фломастеров.

Это был почерк Лорен. Над написанным розовым маркером словом виднеются три неправильной формы коричневых пятна – будто далекие острова. О том, что это, мне говорит нос. Брызги крови.

Я несколько раз отодвигала от себя эту странную записку, делая вид, что ее для меня нет. Но потом возвращала обратно, снова и снова читала, каждый раз надеясь, что в ней окажется что-то другое. Но ничего не менялось. Оно оставалось на месте – единственное слово.

ПОМОГИТЕ.

Тед

Я пью бурбон прямо из бутылки, не тратя время на стакан или лед. Горячительный напиток стекает по лицу, от его паров щиплет глаза. Катастрофа, катастрофа, катастрофа. Надо все прекратить. За мной наблюдают. В мой дом вломились. Если бы меня так не натащила Мамочка, я мог бы этого и не узнать.

Во время первого утреннего обхода с тетрадкой я ничего не заметил, – что как раз доказывает ее правоту. Все, казалось, было в полном порядке – окна надежно и плотно заколочены фанерой, в дырочки все прекрасно просматривается. Настроение у меня было лучше некуда.

Во время вечерней проверки я торопился. Меня ждали несколько пончиков и непочатая бутылка бурбона, а по телевизору в шесть показывали ралли монстр-траков. Поэтому я с нетерпением ждал вечера и инспекцию провел немного небрежно. Разве можно меня в этом винить? Когда ноги уже несли меня обратно домой, краешком глаза углядел одну странность.

Если бы в нужный момент из-за тучки не выглянуло солнце и не послало вниз свои лучи под нужным углом, я, вполне возможно, ничего бы не заметил. Но оно выглянуло, и я заметил. Серебристый проблеск. Булавочный укол света, крохотная яркая капелька на фоне выгоревшей от солнца и дождя фанеры, прикрывавшей в гостиной окно.

Я с трудом продрался через густые заросли кустарника и травы, вплотную подступившие к дому. Тетрадь прижал к себе, стараясь ее защитить. На этой планете вообще есть хоть что-то, не желающее процарапать меня до кости? Но пробиться через них оказалось легче, чем ожидалось вначале. Некоторые ветки на кустах были сломаны и теперь печально висели, будто через них кто-то недавно уже пробирался. Другие валялись в грязи, словно примятые чьей-то ногой. В душе шевельнулась тревога.

Подойдя к окну, я подергал фанерный лист, но он не поддавался, накрепко прибитый гвоздями. Отошел на несколько шагов назад и опять посмотрел. Что-то было не так, только вот что? И в этот момент

опять выглянуло солнце, озарив шляпки гвоздей. Они ярко сияли, будто их только что купили в магазине.

И тогда до меня дошло – у меня кто-то побывал. Подполз к дому сквозь ошестинившуюся шипами ежевику и ядовитый сумах, осторожно вытащил из оконной рамы гвозди и снял фанеру. После чего, надо полагать, сдвинул вверх раму и проник внутрь. А по прошествии какого-то времени вылез обратно, прибил лист и ушел. Хорошая работа. Я вполне мог бы никогда ничего не узнать. Единственное, ему надо было подумать и воспользоваться старыми гвоздями. А он вместо этого вбил вот эти, новехонькие и блестящие. Когда именно, теперь уже не узнаешь. Все эти мысли словно без конца отвешивали мне подзатыльники.

Может, за мной наблюдают и сейчас? Я посмотрел по сторонам, но все было тихо. Где-то ворчала газонокосилка.

Я вновь побрел через колючий кустарник и подошел к задней двери, чувствуя на себе тяжесть невидимых глаз. Не побежал, хотя и хотелось – бежать жаждала каждая мышца, от безудержного желания дать деру зудела кожа. Перешагнув порог, я тихонько закрыл дверь и запер на все замки. *Щелк, щелк, щелк.* Однако этот звук больше не означал для меня безопасность. Я подошел к окну гостиной. Над подъемной рамой пальцы нащупали шпингалет. Когда я его повернул, он отвалился, осыпав меня дождем коричневой пыли. С течением лет он прогнил насквозь. И в дом теперь мог бы забраться кто угодно.

Окна я, конечно же, не открываю. Даже забыл, что такое вообще возможно. Это оказалось ошибкой. Где-то рядом кто-то задышался, и меня вдруг осенило, что это я сам. Ноги стали мерить шагами гостиную, без всякой пользы пиная покрытый мягкими катышками ковер. Я всегда боялся этого дня. Тогда в лесу, после той истории с мышонком, Мамочка сказала, что он рано или поздно наступит. Когда познала мою истинную суть. *За тобой придут, Тедди.* Как же я надеялся, что она ошибается.

И что же он здесь увидел, этот незванный гость? За мной что, следили? Как я готовлю куриный салат с виноградом? Как смотрю телевизор? Как сплю? На самом деле важен только один вопрос: он видел Лорен и Оливию или нет? Похоже, что нет, иначе я бы уже знал. Это повлекло бы за собой те или иные последствия.

Как сказала бы Мамочка, присмотришь к переменам. Соседи, полиция – они не трогали меня вот уже который год. Так что же тогда изменилось?

Соседка. Раньше ее здесь не было. Вот она, перемена. Дружить со мной она не захотела. А когда я пригласил ее в бар, согласилась, но сама не пришла. Я пристально смотрю на ее дом и думаю.

В эти выходные у меня были планы отменить запрет и разрешить Лорен вернуться – но теперь делать этого, очевидно, нельзя. И больше никаких свиданий, по крайней мере пока. Это небезопасно.

– Лорен не может выйти и поиграть, – подпеваю я в такт музыке.

И тут понимаю, что это как-то подло, и умолкаю. Я вел себя как настоящий дурак, но с этого момента буду осторожнее.

Все по порядку. Сначала Лорен, а незваного гостя можно отложить на потом. Может, это и соседка. А может, и нет.

Мне кажется, что с улицы доносится лай чихуахуа. Я припадаю глазом к дырочке для подглядывания и смотрю. Может, она вернулась? Тогда у меня одной заботой стало бы меньше. Опять лает пес – звук более утробный и громкий, чем у чихуа-хуа. В поле зрения появляется человек с волосами цвета апельсинового сока и отправляется на прогулку в лес. Смотрит на мой дом, и на миг мне кажется, что мы схлестываемся взглядами, будто он меня видит. Я тут же говорю себе, что через такую маленькую дырочку меня увидеть нельзя. Потом в голову приходит мысль: если он живет не на нашей улице, то почему вечно здесь шляется? Кто он – Убийца птиц, незваный гость или же то и другое? Я прислоняюсь спиной к стене и сползаю вниз, сердце рвется вперед бешеным галопом. Нервы поют, как металл под ударами молота.

Нужен бурбон, просто чтобы успокоиться. Я пью, выйдя во двор, и гляжу на дом соседки. Пусть она меня увидит.

Она не видела этот сон с того самого момента, как поселилась на Никчемной улице. А сегодня он приснился ей, как только она заснула, словно отозвавшись на какой-то долгожданный сигнал.

Ди гуляет у озера. Над водной гладью склонились деревья, отражаясь темными, зеркальными силуэтами. Поверхность чиркают крылышками стрекозы, вокруг которых расплываются сверкающие круги. Небо над головой – мучительный провал, песок под ногами – мириады острых, крохотных осколков стекла. Ступни окровавлены, но боли нет. А может, напротив, ее скопилось столько, что она не замечает порезов. Ди все идет и идет. Она ничего не пожалела бы, лишь бы остановиться, повернуться, проснуться. Но ей надо дойти до леска с птицами и их гнездами, только так и никак иначе. Она должна сама все увидеть.

Силуэты деревьев все ближе и ближе, воздух содрогается от силы, сокрытой во всем сущем. Вот она видит птиц, маленьких, прекрасных, пестрящих разноцветьем среди деревьев. Они и не думают петь, а молчат, будто рыбы в пруду. Озеро остается у нее за спиной, и теперь она углубляется под сень деревьев. Лесная подстилка усеяна сосновой хвоей, такой же мягкой на ощупь, как над свежей могилой земля. Вверху скользят и носятся во все стороны птицы. Ди выходит на поляну под этим жутким небом, и ее взору предстает то самое белое дерево. Серебристая береза, стройная и прекрасная. Она вспоминает, что иногда ее называют бумажной березой. Во сне человеку приходят странные мысли. Там, где на дереве расходятся две ветки, виднеется причудливое гнездо. На него садится кроваво-красная птица с золотистыми глазами и таким же клювом, а потом аккуратно выстилает принесенным пучком травы внутренности жилища, где ей предстоит отложить яйца.

Ди начинает стонать, пытаясь проснуться, потому что следующий фрагмент хуже всего. Но у нее ничего не получается. Ее тянет все ближе к дереву, к птице, к гнезду, и она ничего не может с этим поделать. Она подносит руку ко рту, хотя это ей только снится. Но

даже во сне ей кажется, что в желудке ворочается такая боль, что от нее можно умереть.

Девушка пытается повернуться и побежать, но куда ни кинь взгляд, повсюду те же кроваво-красные птицы, которые порхают среди скелетов деревьев, а в клювах у них пучки травы, которые совсем не трава – свои гнезда они выстилают волосами ее покойной сестры.

Ди чувствует легкое прикосновение к щеке, ко лбу, к носу – и просыпается. А когда открывает глаза, видит перед собой только мех и усы. Кошка от нее всего в нескольких дюймах и чуть не упирается ей носом в лицо. Она опять слегка поглаживает ее своим бархатным кулачком, дабы убедиться, что Ди действительно больше не кричит.

– Прости, киса, – говорит она и тут же удивляется. – А что ты здесь делаешь?

Кошка садится и не сводит с нее глаз. Тощая, ободранная, с порванными в неустанных боях ушами. У нее добрые, желто-коричневые глаза. Ди никогда не назвала бы такую красивой, но зато ей удалось выжить.

Киса склоняет набок голову и вопрошающе мурлычет: мрррррррр?

– В самом деле? – недоверчиво переспрашивает ее девушка.

Но кошка все так же в упор смотрит на нее, а каждый знает, что в исполнении этих домашних животных означает такой взгляд.

Ди находит в буфете на кухне банку тунца и вываливает ее содержимое в блюдо. Кошка деликатно ест, будоража воздух хвостом.

– А имя у тебя есть? – спрашивает Ди.

Кошка ее игнорирует, облизывает маленьким, розовым язычком губки и прогулочным шагом направляется в гостиную. Перед тем как пойти за ней, девушка споласкивает блюдо. Для этого ей требуется всего несколько секунд, но когда с этим делом покончено, кошки уже нигде нет. Она ушла.

Ди знает, что сестра не может вернуться к ней в образе шелудивой, бездомной кошки. Конечно же нет. Это безумие. Но при этом ей никак не удается избавиться от ощущения, что кошка пробудила ее ото сна. И каким-то образом ей помогает.

Девушка застывает на пост у окна. Мир озарен тусклым, скрывающим в себе тайну светом. Она не в состоянии точно сказать,

какое время суток сейчас, вечерние сумерки или рассвет. Какое-то время ей приходилось спать, когда была возможность. Она вдруг ахает, от потрясения сердце в груди трепыхается, как в лихорадке.

Во дворе своего дома стоит Тед. С его бороды стекают капли бурбона. Он медленно поднимает руку и вытягивает вперед палец. Его глаза будто пронзают уличные тени. Ди шарахается, словно его взгляд такой же, как прикосновение.

Она понимает, что видеть ее в окне темного дома он не может. Но при этом чувствует, как ее перышком красной птицы касается страх. Одновременно с ним накатывает волна яростного протеста. «Я доберусь до тебя, – безмолвно говорит она Тедди, – и ты тоже это чувствуешь».

Когда у нее звонит мобильник, она с воплем вскакивает на ноги. Удивительно, как он до конца не разрядился и до сих пор работает. Она пользовалась им давным-давно. Ди смотрит на номер, корчит рожицу и отвечает:

– Алло.

– Как поживаешь, Далила?

Судя по голосу, Кэрен замотана даже больше обычного.

– Да так... – отвечает Ди и больше ничего не говорит.

Дальше Кэрен пусть додумывает сама.

– Где ты в последнее время пропадаешь?

– Да все переезжаю с одного места на другое, – говорит Ди, – стоит где-то остановиться, как тут же одолевают мысли.

При этих словах предательски подступают слезы. Ей совсем не хотелось ничего такого говорить. Она со злостью вытирает воспаленные глаза. Истина увертлива, как ртуть, – всегда найдет способ выскользнуть. *Соберись, Ди Ди. И доведи начатое до конца.*

– Сейчас я в Колорадо.

От здешних краев названный ею штат отделяет вполне безопасное расстояние.

– Если что-нибудь понадобится, дай мне знать.

Ей в горло жалом вонзается пучок слов, но она тут же его глотает. Кэрен в который раз не может дать Ди то единственное, в чем она действительно нуждается. Лулу.

– А как ты? – вместо этого спрашивает она.

– Вашингтон накрыла волна жары, какой мы не видывали уже много лет, – произносит Кэрен.

С тех пор как пропала Лулу, но ни одна, ни другая этого не говорит.

– Так или иначе, но мне известно, что в это время года тебе нелегко. Вот и решила позвонить.

– Просто позвонить или устроить проверку? – спрашивает Ди.

Она знает, что у Кэрен из головы все не идет случай с тем орегонцем.

– Что?

– Ничего, я ценю вашу заботу, Кэрен.

– Я постоянно о тебе думаю. И могла бы поклясться, что совсем недавно видела тебя в супермаркете. А все проделки нашего мозга.

– Так оно и есть, – говорит Ди.

Ее сердце на всех парах несется вперед.

– Тем местам, где все это, Кэрен, случилось, меня не удержать. Я туда больше не вернусь.

– Понимаю, – со вздохом говорит та, – Ди, обещаю тебе позвонить, если тебе понадобится помощь.

– Договорились.

– И береги себя.

Разговор закончен.

Девушка дрожит и проклинает судьбу. Интересно, Кэрен может отследить ее мобильник? Пожалуй, что да, только зачем ей это надо? Ди ведь не сделала ничего плохого.

Теперь надо быть осторожнее. Если Кэрен узнает, что она здесь, все пропало. Днем больше выходить нельзя. За покупками она будет ездить в город на автобусе. Ди сердитым шепотом дает себе зарок. А когда опять смотрит в окно, Теда уже нет.

Тед

Может, незванный гость и Убийца – одно и то же лицо? Я все думаю и думаю, но никак не могу решить этот вопрос.

В последний раз такой страх одолевал меня в тот день в торговом центре. Тогда был последний раз, когда меня чуть не раскрыли и не увидели, кто я такой на самом деле.

Лорен все плакала и показывала мне дырки в своих носочках. Из всей своей одежды она выросла, а те вещи, что подбирал я, не внушали ей ничего, кроме отвращения. Ну какой отец откажется купить дочери одежду? Поэтому я согласился, хотя и понимал, что это ошибка.

Я выбрал не самый новый торговый центр, подальше от города, и мы отправились туда в понедельник днем, в надежде, что там будет не так много народу. Перед уходом Лорен пришла в такое возбуждение, что мне даже подумалось, как бы она не описалась. Ей очень хотелось заплести в волосы всякие девчачьи розовые штучки, но я решил, что всему должен быть предел.

– Мне придется сделать вид, что мы не вместе, – произнес я дурашливым женским голосом, и она захихикала, что свидетельствовало о ее самом замечательном настроении, потому как у нее не было обыкновения смеяться над моими шутками.

На мне были бейсболка, солнцезащитные очки и самая обычная одежда нейтральных тонов. Зная, что этот поход за покупками таит в себе риск, я сделал все, чтобы привлечь к нам как можно меньше внимания.

По дороге туда Лорен вела себя хорошо, смотрела в окошко и напевала под нос песенку о мокрице. Во время одной из наших предыдущих поездок она схватила руль и дернула его, чтобы мы угодили в канаву или врезались в стену. На этот же раз я позволил себе надежду, что все обойдется хорошо и ничего подобного она не выкинет.

Добравшись до торгового центра, мы поначалу его даже не увидели – парковка там оказалась поистине огромной, а облюбованное

нами место располагалось на самом дальнем ее конце. Сгорая от нетерпения, садиться обратно в машину Лорен не захотела, поэтому мы пошли пешком. До торгового центра было около четверти мили, а утро уже осталось позади. Чем ближе мы подходили, тем больше на наших глазах вырастала большая, квадратная коробка здания. На нем виднелась причудливая надпись, напоминавшая собой факсимиле великана. Лорен тащила меня вперед.

– Быстрее, – говорила она, – ну *давай* же, пап.

Когда мы подошли к двери, я уже обливался потом. Прохладный воздух и мраморные полы принесли облегчение. Я выбрал отличное местечко, потому как, кроме нас, там почти никого не было. Лишь несколько недовольных женщин с маленькими детьми да каких-то побитых мужчин, которым, судя по виду, было нечем больше занять свой день.

Я немного постоял перед большой пластиковой доской с изображенной на ней картой, пытаюсь вникнуть в план этажа. Но из-за охватившей меня тревоги общая картина рассыпалась на отдельные линии и цвета (это было еще до того, как я стал ходить к человеку-жуку и принимать его таблетки). От Лорен проку тоже не было никакого, она повсюду носилась, приглядываясь то к этому, то к тому, стараясь охватить взором все и сразу.

Я подошел к леди в коричневой форменной одежде с бейджиком на груди и спросил:

– Прошу прощения, а где здесь магазин повседневной одежды «Контемпо»?

Женщина покачала головой и сказала:

– Он закрылся. Если мне не изменяет память, несколько лет назад. А почему вам понадобился именно он?

– Это все моя дочь, – сказал я, – ей сейчас тринадцать. Она хочет купить что-нибудь из одежды.

– И просит отвести ее именно в «Контемпо»? Она что, в коме у вас была?

Поскольку она говорила очень грубо, я ушел, вернулся к Лорен и сказал:

– Такого магазина здесь нет.

– Да какая разница! – воскликнула она. – А здесь здорово, правда, пап?

Она говорила громким голосом, и я увидел, что одна из утомленных жизнью мамаш бросила в нашу сторону взгляд.

– Если хочешь, чтобы у нас все получилось, будь умницей, – сказал ей я, – ничего не говори и ни на шаг от меня не отходи. Никаких вспышек гнева, делать будешь, что я тебе скажу. Договорились?

Она улыбнулась, кивнула и не произнесла ни слова. У нее есть недостатки, однако глупой ее точно не назовешь.

Мы двинулись вдоль витрин, глаза на выставленные в них товары. А там было столько всего, что можно было бы смотреть целый день. Из белых опор лились звуки фортепиано и эхом отражались от мраморных полов. Где-то ревели фонтаны. Я мог точно сказать, что Лорен все нравится, да и мне, честно говоря, тоже. Как же замечательно нам было вместе гулять, ни от кого не таясь, как самым обычным отцу и дочери. В уединенной кафешке с фастфудом я купил нам «Ориндж-Джулиус»^[4]. В воздухе упорно оспаривали первенство запахи соевого соуса и жженого сахара. На столах царил беспорядок, будто из-за каждого из них за миг до этого кто-то встал, повсюду валялись упаковки от бургеров, пластиковые вилки и крошки. Зато нигде не было ни одной живой души.

Зайдя в пустой универмаг, в котором гулко отражался каждый звук, я купил несколько пар носков и маек – себе скучных белых, Лорен розовых и желтых. На каждой из них красовался единорог.

Чтобы немного ее развлечь, я стал показывать на скучавших за прилавками продавцов, придумывать им имена и рассказывать о них вымышленные истории. Девушка с торчавшими изо рта зубами превратилась в Мэйбел Уортингтон, которая работала сверхурочно, чтобы помочь младшему брату воплотить в жизнь его мечту стать фигуристом. Парень с двумя родинками стал у меня Монти Майлзом, совсем недавно приехавшим из своей крохотной деревеньки в Канаде, где все обожают заниматься подледным ловом рыбы.

– А вон те две блондинки – сестры, – говорил я, – когда-то их разлучили органы опеки, и они только-только вновь друг друга нашли.

– Эта история мне не нравится, – горестно прошептала Лорен, – ничего хорошего в ней нет. Пап, придумай вместо нее другую.

– Ты, котенок, у нас сегодня привередлива, да?

Я попытался сочинить о двух девушках что-то получше, но в этот момент Лорен с силой дернула меня за руку. Повернувшись, я увидел

легинсы, красовавшиеся неподалеку на вешалке. Ярко-голубые с блестящими, золотистыми молниями. Когда их увидела Лорен, у нее захватило дух.

– Думаю, ты можешь их примерить, – сказал я, – хотя мне придется пойти вместе с тобой в кабинку.

Все легинсы на вешалке оказались ей слишком малы. Я безнадежно озирался по сторонам. К нам подошли две продавщицы. При более близком рассмотрении они в конечном итоге оказались не так уж похожи. Обе блондинки, но не более того.

Та, что повыше, сказала:

– Вам помочь?

– Больше у вас ничего нет? – спросил я.

– Думаю, нет, – ответила она.

– Точно нет?

Я прекрасно видел, что Лорен очень понравились эти легинсы и что она страшно расстроится, если ей их не купить.

– Может, что-нибудь найдется в подсобке?

Я улыбнулся ей своей лучшей улыбкой и сказал, какой размер носит Лорен. Продавщица пониже ростом ухмыльнулась.

– Вам что-то кажется смешным? – спросил я, в этот момент надеясь, что именно ее забрали из родной семьи и отдали на воспитание в приемную.

Лорен, к счастью, вновь переключила внимание на легинсы и ничего не заметила.

Та, что повыше, проигнорировала подругу и голосом профессионала произнесла:

– Сейчас посмотрю.

Я заметил, что веко на ее левом глазу чуточку подергивается, будто от тика. Возможно, благодаря этому она выросла более доброй. Некоторое время спустя продавщица вышла с несколькими парами легинсов, перекинув их через руку, как щегольской официант салфетку.

– Эти должны подойти, – сказала она.

В длинной примерочной, занавешенной белыми шторами, стояла тишина.

– Уходи, пап, – сказала Лорен, когда мы вошли в кабинку.

– Ты же знаешь, котенок, я не могу.

– Тогда хотя бы не смотри. ПОЖАЛУЙСТА.

И я закрыл глаза. Послышался шорох, и вновь стало тихо. Потом Лорен грустно произнесла:

– Не подошли.

– Жаль, котенок, мне очень жаль, – произнес я, ничуть не лукавя, – ну да ничего, подыщем что-то еще.

– Нет, – ответила она, – я устала, поехали домой.

Легинсы мы оставили лежать на полу скорбной кучкой голубого неба и молний, а сами, ориентируясь по зеленым знакам с надписью «Выход», зашагали по безлюдным проходам с кожей, бельем и хозяйственными товарами, которые, казалось, растянулись на многие мили.

А когда подошли к выходу, я услышал за спиной топот бегущих ног. Кто-то заорал:

– Стойте!

Обернувшись, я увидел, что по демонстрационной гостиной к нам несется та высокая блондинка.

– Прошу прощения, – сказала она, – это что, шутка?

У нее дрожал голос и бешено дергалось веко.

– Что случилось? – спросил ее я.

Она протянула мне грудку голубой с золотистым ткани.

– Смотрите, – сказала она и вывернула наизнанку легинсы, показав белую эластичную подкладку, которую Лорен использовала вместо бумаги, написав на ней своим любимым розовым маркером:

Памагите пажалоста. Тед пухититель. Он завет меня Лорен, но это не мой имя.

Ниже была нарисована карта с дорогой к нашему дому. Вполне точная. Скорее всего, пока мы ехали, она внимательно смотрела по сторонам.

– В этом дерьме нет ничего смешного, – сказала женщина, – по-вашему, пропавшие дети – это тема для шуток?

Чувствуя, что от ее криков Лорен огорчается все больше и больше, я сказал:

– Простите. Сам не знаю, как это произошло. За легинсы я, конечно же, заплачу.

А потом сунул белокурой продавщице в руку двадцатку и десятку, гораздо больше, чем стоили брюки, и взял их у нее. Она покачала

головой, не сводя с нас глаз, ее рот сжался в тонкую, мрачную линию.

Мы зашагали обратно по пустынной парковке. Солнце поднялось в небе высоко-высоко, и над асфальтом от жары будто мерцало марево. Подойдя к машине, я сказал:

– Садись, пожалуйста, и пристегни ремень.

Лорен молча повиновалась.

Я включил кондиционер, позволив ему высушить пот с моего лба и немного меня успокоить. А когда наконец поверил, что опять могу говорить, сказал:

– Ты, наверное, долго к этому готовилась. Дай мне маркер.

– Я оставила его в магазине, – ответила Лорен.

– Нет, он у тебя.

Она вытащила из носочка маркер и протянула мне. Потом молча заплакала. Мне стало больно, в сердце будто вонзили шампур.

– Тебе надо преподать урок, ты должна понять, что твои действия влекут за собой последствия, – сказал я.

Спина Лорен ритмично поднималась и опускалась от безудержных рыданий. По лицу непрекращающимся потоком текли слезы.

– Прошу тебя, – сказала она, – не надо меня отсылать.

Я сделал глубокий вдох и сказал:

– Шесть месяцев. Тебе полгода нельзя возвращаться домой.

Лорен застонала. От этого безотрадного звука мне самому на глаза навернулись слезы.

– Это ради твоего же блага, – сказал ей я, – мне больно ничуть не меньше тебя. Я всегда пытался растить тебя правильно, но теперь вижу, что у меня ничего не получилось. Ты портишь имущество и беззастенчиво врешь. И поэтому должна понять, что подобные фокусы недопустимы. А если бы та женщина тебе поверила?

Последующее расставание оказалось настолько мучительным, что я постарался исторгнуть его из памяти. Мы о нем не говорим. За те месяцы прилетавшие по утрам птицы стали для меня еще большим утешением. Мне обязательно нужно было дарить кому-то любовь.

Когда этот мрачный период завершился и Лорен возвратилась домой, я предпринял меры предосторожности. Теперь всегда закрываю на три замка дверь и запираю шкафчик с ноутбуком. А еще

пересчитываю маркеры перед тем, как их спрятать. Это нелегко, но я все же обеспечиваю ей безопасность.

После этого Лорен, похоже, переменялась. Осталась все такой же громогласной, но как-то опустошилась и стала напоминать характером гораздо более юную девочку. Я подумал, что дочь усвоила урок.

Этим вечером я очень расстроен и поэтому готовлю себе горячий шоколад с мятой.

Рецепт горячего шоколада с мятой от Теда Баннермана. Подогрейте молоко, положите в него наломанный кусочками шоколад и растворите его. Добавьте по вкусу мятного ликера. При желании можно долить и бурбона. Сейчас ведь ночь, вам никуда не надо! В итоге у вас должна получиться достаточно густая, вязкая масса. Если хотите, также положите в нее мелко нарубленной свежей мяты. Вылейте все в высокий стакан с ручкой. Если его нет, то вполне подойдет и кружка. (У меня, например, нет.) Сверху положите взбитых сливок, потом посыпьте шоколадной крошкой или мелко наломанным печеньем. Чтобы это съесть, вам понадобится ложка.

Напиток мне нравится готовить медленно, перемешивая шоколад и размышляя. Предаваясь этому самому занятию, я сую в карман руку – у меня есть такая привычка, когда задумываюсь, – и мои пальцы нащупывают клочок бумаги. Я вытаскиваю его и вздрагиваю. *Убийца*. Это список подозреваемых, составленный мной после убийства птиц. Как он оказался у меня в кармане, я же ведь запер его в шкафчике с мелками Лорен? Под ее именем дописано еще одно. Почерк я узнать не могу.

Мамочка

Так, это очень жестокая, страшная шутка. Если на свете и есть кто-нибудь, кто точно не мог этого сделать, то это Мамочка. Ее больше нет.

Я рву список и бросаю его в помойку. Теперь мне не поможет даже горячий шоколад с мятой.

Лорен

Прошу вас, придите сюда и арестуйте Теда. За убийство и другие преступления. Я знаю, в этом штате действует смертная казнь. Он заставляет меня делать домашнюю работу по обществоведению. Когда закончу, попытаюсь выбросить эту кассету через щель в двери, куда кладут почту. Надеюсь, ее кто-нибудь найдет.

Отправляясь в лес, Тед всегда берет с собой нож. Может, он сделает что-то плохое со мной, а может, я с ним. Но закончится все точно в лесу, где покоятся остальные. Мы погаснем, как небольшая свеча, оставив после себя лишь тихий мрак. Я, можно сказать, с нетерпением этого жду. Потому что создана для боли и без остатка из нее состою. Иной цели, кроме как умереть, у меня нет.

Он думает, что здесь я его не слышу, но это не так. Наверное, забывает о моем существовании сразу, когда закрывает дверь. Какой же он урод с этими своими дурацкими рецептами. Сэндвич с клубникой и уксусом придумал совсем не он. Это знаю даже я – из кулинарной передачи по телевизору. Я слышала, как он говорил с кошкой о том, чтобы завести – подумать только! – дневник чувств. Вот же БОТАНИК. Но эта мысль пришла мне в голову именно тогда, поэтому тот случай можно считать везением. Нет, я не нахваталась знаний из книг, но придумывать планы все же могу.

Магнитофон обнаружился в холле в шкафу, единственном, который Тед не держит на замке. Думаю, потому, что там ничего нет, лишь кипы старых газет. Но я, найдя этот аппарат со вставленной в него кассетой, подумала: «Вот он, мой шанс».

Сейчас я сижу здесь в темноте, готовая положить все на место, если он вернется. Лента действительно старая, с черно-желтой наклейкой. На ней что-то написано. Заметки. Я ее даже не слушала и так знаю, что на ней. В груди вспыхивает острое чувство. От того, что я ее перезаписываю, мне становится хорошо. Но вместе с тем и страшно.

Интересно, а как живут обычные люди, которым не надо постоянно бояться? А может, бояться все и всег... О боже, он идет

СЮ...

Оливия

Я пытаюсь записывать свои мысли, но вой звучит на пределе громкости. Он перешел в вопль. Мне кажется, что вот-вот лопнет голова. Я не могу, не могу, и все.

Ууууишшишоооо... – скрежещет по металлу металл, терзая мой несчастный мозг, мои нежные ушки и деликатные косточки... В черепушке долбит молоток. Поэтому когда слышится голос, он не в состоянии его перекрыть, поначалу я его даже не слышу.

– Оливия, – произносит он не громче взмаха крыльев бабочки, – Оливия.

Ууууишшишоооо...

– Кто здесь? Где ты? – спрашиваю я, потихоньку выбираясь из-под дивана, хотя и понимаю, что пользы от этого не больше, чем от разговора с телевизором, потому как меня наверняка зовет какой-нибудь тед, а они все равно ничего не понимают.

– Оливия, иди сюда.

У меня оглушительно бьется сердце. Я на пороге чего-то важного. И если сейчас на это пойду, то потом никогда уже не смогу вернуть обратно утраченное знание. Какая-то часть моего естества жаждет опять забраться под диван и обо всем забыть. Но я не могу. Это было бы неправильно.

Я узнаю голос и понимаю, откуда он идет. Мне еще никогда так не хотелось ошибиться.

Иду на кухню и подхожу к своему ящику. Это, конечно же, никакой не ящик, а старый морозильный шкаф, просто я его так называю. Мне нравится в нем спать – там тихо и темно. Но иногда Тед наваливает на него сверху всякий хлам. Хлам тяжелый. Как вот сейчас.

Я тянусь ушком вперед. Вой перешел в верхний регистр, будто какая-то певица исполняет рядом оперу. Но мне все равно слышен ее голос, пробивающийся сквозь эту арию.

– Эй? Оливия? – едва слышно шепчет она, и в ее голосе слышны слезы.

Слова неразборчивы, скорбный звук вообще на грани слышимости, но ошибки быть не может. Я представляю, как она

свернулась там во мраке клубочком, и слышу ее влажное дыхание.

– Он разозлился, что я плохо приготовила ужин, – произносит Лорен, и ее голос сквозь отверстия для воздуха доносится как из могилы, – пришел в ярость. Таким свирепым я видела его только раз, после той истории в торговом центре...

Помимо своей воли она тихо, судорожно вздыхает, как человек, уставший от слез.

Я не могу толком думать, мысли носятся туда-сюда, как мыши в стене. Шерстка встает дыбом, словно птичье оперение.

«Спокойно, Оливия, – говорю себе я, – она каким-то образом заперлась в морозильнике. Беспечное дитя...»

– Я не запиралась, – произносит Лорен.

Я подпрыгиваю на месте и спрашиваю:

– Ты меня слышишь? О боже! Ты понимаешь кошек?

– Послушай, меня здесь запер Тед...

– По самой что ни на есть глупой случайности, – с облегчением говорю я, – бьюсь об заклад, что он будет чувствовать себя просто ужасно, когда поймет, что... Ладно, расслабься! Я пойду разбужу Теда, и он тебя выпустит.

– Не надо, пусть спит.

Ее голос похож на крик, если, конечно же, шепот вообще может быть криком. Какой ужас. В нем угадываются окровавленные шлепанцы и наспех нацарапанное слово «помогите». Я чувствую, как по хвосту поднимается холод, забираясь в позвоночник. Лорен напряженно хватая ртом воздух, будто пытаюсь собраться.

– Ты не можешь обосноваться там навсегда, Лорен, – здраво говорю я, – это мой ящик. И в действительности с твоей стороны это эгоистично. За тобой в любом случае придет мама или кто-то из школы... Ты ведь ходишь в школу? Ой, прости, я забыла.

– Нет, Оливия, – шепчет она, – прошу тебя, подумай.

Я оглядываю морозильник и вижу, какого он размера. Смотрю на дырочки для воздуха, которые пробил для меня в крышке Тед. Или не для меня? Я чувствую, как за толстой металлической дверью и резиновым уплотнителем угасает ответ. В моих внутренних органах, в косточках и плоти ворочается знание.

– Значит, уходя, ты никуда не уходишь, а остаешься здесь, – говорю я.

– Когда ты не можешь сюда забраться, значит, здесь я, – отвечает она, – думаю, мы сменяем друг друга по очереди.

Я размышляю о том, как Лорен спокойно лежит во тьме, слушая, как мы с Тедом обсуждаем наши дела, и говорю:

– Но ведь ты отсутствуешь уже больше месяца.

– Неужели так долго? Время здесь тянется медленно, и нельзя наверняка сказать, жива ты еще или уже умерла. Я тоже терзалась такими сомнениями. Но потом услышала за стенкой тебя и подумала, что нет, пока еще нет...

– Ну и ну... – говорю я.

– Я пыталась с тобой говорить, – продолжает она, – для этого приходилось находить время, когда он не слишком сильно закрывал мне рот, когда спал и не слишком громко играла музыка. Писала записки. Подсовывала их ему в карман, в брюки, куда только могла... Ты их, похоже, не находила, но и он тоже, так что все хорошо. К счастью, он всегда пьян.

Я возмущаюсь, без всякой пользы, и наворачиваю по кухне круги. «Мне жаль, мне правда страшно жаль»...

Она вздыхает, и я опять слышу в ее голосе слезы.

– А тебе всегда жаль, – говорит она, словно вновь обретая свое старое «я», – ты только и думаешь, как бы сделать ему лучше.

– Ну и ну, как же он мог? – спрашиваю я. – Запереть вот так собственную дочь...

Она измученно, тихонько смеется.

– Ох, Оливия, когда ты только повзрослеешь. Я не его дочь.

– Но ведь ты называешь его «папой».

– Ну и что, когда я веду себя хорошо, он называет меня «котенком», но разве из этого следует, что я кошка?

Я вздрагиваю, бью хвостом и говорю:

– Котенком он называет меня.

– Знаю, – говорит она, – за эти годы кошек было много.

Я вспоминаю ночь, когда меня нашел Тед, маленьким котенком в лесу, когда нас с ним связала воедино веревочка. Манжеты его рубашки, забрызганные свежей грязью. Ускользящий запах на заднем сиденье машины, словно еще за мгновение до этого там кто-то сидел. Мягкая ткань, желтая в голубых бабочках. Он завернул меня в детское

одеяло. Думаю, мне было бы неплохо поинтересоваться, что он делал в лесу с грязью на манжетах и детским одеяльцем.

– А ты давно здесь? – спрашиваю я.

– Не знаю, – отвечает она, – с детства.

– Значит, все это время.

Это примерно то же, что смотреть в зеркало, но потом обнаружить, что на самом деле перед тобой дверь. Я вполне могла бы убить Теда, точно бы могла.

– О боже, – шепчу я, – какой ужас.

– Ты не знаешь, что такое ужас, – говорит Лорен, и из ее груди вырывается тяжкий вздох, – я расскажу тебе, один-единственный раз и больше никогда.

– Когда-то я жила со своей семьей. Помню это не очень хорошо, потому что была тогда маленькой. День, когда он меня забрал, тоже не очень запомнился, разве что тогда было так жарко, что на тротуаре можно было жарить яичницу. Думаю, так любила говорить моя мама, хотя и не уверена. На самом деле меня зовут не Лорен. Но как именно, память уже не может мне подсказать.

Зато я хорошо помню, как он привел меня сюда. Дом, грязный и пыльный, мне понравился, ведь мама никогда не разрешала мне играть в грязи. Понравились проделанные в фанере дырочки для подглядывания, напоминавшие, как мне казалось, иллюминаторы на корабле. Когда я поделилась с ним этой мыслью, он назвал меня очень умной. Сказал, что его зовут Тед, что он будет заботиться обо мне в отсутствие родителей. Мне даже в голову не пришло, что что-то не так. Да и с чего бы? Такое случалось и раньше, меня оставляли то с соседями, то с кем-то еще. Родители вечно отпраивались на какие-то вечеринки. Перед тем как вечером уйти, мать всегда приходила ко мне в комнату поцеловать и пожелать спокойной ночи. Помню ее запах. Герань. Я называла этот цветок «гермам». Боже мой, какой же я в детстве была идиоткой... Думаю, как раз поэтому здесь и оказалась... О чем я говорила?

– О том дне, когда тебя... забрал... Тед... – отвечаю я.

Каждое слово дерет язык, как мелкий гравий.

– Ах да, – говорит Лорен, – в тот день мне было ужасно жарко, от купальника, или от трусиков, у меня все чесалось. Я пожаловалась

Теду и сказала, что вот-вот сварюсь. Наверное, именно после этого ему в голову пришла та мысль. Он сказал, что в морозильнике на кухне есть мороженое, разрешил мне пойти и взять его. На кухне царил беспорядок, в раковине высилась гора немытой посуды, на стойке громоздилась заветрившаяся еда из доставки. Мне эта картина понравилась, он не походил на обычного взрослого.

Морозильный шкаф стоял в углу – большой, закрытый на висячий замок. Раньше я видела такие в гаражах и подвалах, но на кухне еще никогда. Поскольку замок оказался открыт, я подняла крышку. Ожидала, что мне в лицо хлынет поток холодного воздуха, но ничего такого не произошло. Тогда я увидела, что морозильник выключен из розетки. Почувствовала под мышками чьи-то руки, взлетела в воздух, а потом оказалась внутри на мягких одеялах. Со мной было и мое собственное одеяльце, которое он позволил мне оставить. Желтое с голубыми бабочками. Мягкое. Теперь бабочки на нем уже выцвели. Мне совсем не было страшно, хотя внутри стоял запах подпортившихся кур. Но потом крышка закрылась и я осталась одна. В черноте зияли звезды – как колотые раны в небе. Это были сделанные им в крышке отверстия для воздуха. Я закричала ему выпустить меня оттуда.

– Теперь ты в безопасности, – ответил он, – это ради твоего же блага.

Я запомнила, как его зовут, и, зная, что для взрослых очень важны имена, попыталась счастья и сказала: «Тед, пожалуйста, выпусти меня отсюда». Но поскольку тогда у меня еще не получалось правильно произносить «д», в итоге вышло «Теб». Поэтому когда он меня так и не выпустил, я подумала, что винить должна только себя – за то, что неверно его назвала и тем самым разозлила. Мне понадобилось какое-то время, дабы понять, что, как я его ни назови, он все равно бы и дальше держал меня там взаперти.

Сначала я довольно долго жила в этом ящике. Он тонкой струйкой лил в дырочки воду, и я ее пила. И точно таким же способом давал мне то сладости, то печенье, то обжаренное куриное филе. А еще очень громко включал музыку как днем, так и ночью. Пение той печальной женщины. Я подумала, что, может, попала в ад, о котором нас предупреждали в воскресной школе. Однако в аду полагалось полыхать огню, а там, где довелось оказаться мне, было влажно и

холодно – холод пробирал меня до мозга костей. Через какое-то время я вообще перестала что-либо замечать, даже запах. Время больше не двигалось по прямой и растеряло все свои силы.

Мне пришлось учиться новому языку разума и тела. Языку ящика. Это означало, что вместо прогулки я лишь двигала ногами в пределах одного-двух дюймов. Это и был мой маршрут. Вместо того чтобы прыгать и танцевать, что раньше было одним из моих любимых занятий, я сжимала и разжимала кулачки. Иногда закусывала щеку, чтобы почувствовать вкус крови. И представляла, что это еда.

Когда я шумела или пинала стенки ящика, в дырочки лился кипяток. Видеть ничего не могла, но понимала, что ожоги серьезные – судя по тому, как у меня слезала кожа. Типа змеиной шкуры. От нее исходила вонь, и было так больно, что хотелось умереть.

Как-то раз музыка стихла. Надо мной вспыхнул свет. После слишком долгого пребывания в темноте он показался таким ярким, что мне пришлось закрыть глаза. Я услышала его слова: «Пойдем тебя мыть».

Он поднял меня из ящика. Я заплакала, подумав, что меня опять обварят кипятком, но вода оказалась холодной, прямо из крана. Думаю, он поставил меня в раковину и так выкупал. А потом смазал мои ожоги каким-то болеутоляющим средством и обмотал бинтами. «Специально для тебя я заколотил окна досками, – сказал Тед, – и теперь здесь царит полумрак. Так что можешь попробовать открыть глаза».

Я так и сделала: разлепила их лишь на крохотную щелочку и украдкой посмотрела по сторонам. Огромный дом утопал в полутьме. Вокруг все колыхалось и плыло. От того, что мне так долго пришлось пролежать в ящике, глаза разучились оценивать расстояние.

Он дал мне сэндвич с ветчиной, сыром и помидором. Это был первый овощ, который я съела за последние несколько недель, и мой организм от него буквально захмелел. Раньше, в предыдущей жизни, я обычно размазывала помидор по тарелке. Сейчас это кажется мне таким смешным. Пока я ела, он навел в ящике порядок и застелил новыми одеялами. От такой картины меня пробрала дрожь и охватило желание заорать. До меня дошло, что мне придется лезть туда опять. В ту самую секунду, когда я доела сэндвич, он снова включил музыку. Ту самую женщину. Как же я ее ненавижу.

«Забирайся», – сказал он. Я покачала головой. «Забирайся, я ради тебя сделал там все как надо». А когда вновь услышал мой отказ, вылил на дно ящика из баллона какую-то дрянь с неприятным, резким запахом, от которой у меня запершило в горле. «Теперь одеяла совершенно намокли, – сказал он, – я потратил столько времени, и все напрасно». После чего подхватил меня на руки, опустил обратно в ящик и закрыл крышку. Я в жизни не забуду звук запирающегося навесного замка в дюйме от моего уха. *Вжик*, будто разрезающий яблоко нож.

Дно ящика было залито уксусом, который огнем терзал мою обожженную кожу. От его испарений у меня спазмом свело горло и заслезились глаза. Через дырочки для воздуха Тед подлил еще горячей воды.

Мне стало совсем плохо... Воздух будто превратился в кислоту.

«Когда играет музыка, ты забираешься внутрь и тихо там сидишь, – произнес он, – без промедлений и споров. И пока она не смолкнет, сколько бы тебе ни пришлось этого ждать, никуда не рвешься, ведешь себя тихо и хорошо».

Не знаю, сколько раз мы проходили этот урок. Похоже, что до меня эта наука доходила туго. В итоге, чтобы я сдалась, понадобилось не так уж много. Мое тело просто стало ему повиноваться, только и всего. И теперь, когда играет музыка, я не могу отсюда выбраться, как бы мне этого ни хотелось. Мне не удалось бы этого сделать, даже если бы в доме вспыхнул пожар.

Я продержалась дольше остальных, потому что могу выдержать многое, – говорит Лорен, и на мгновение в ее голосе пробивается нотка гордости. Тед говорит, это из-за моих *психологических проблем*. Однако для выживания этого еще мало. Я хочу жить. И поэтому собираюсь выбраться отсюда, а ты мне в этом поможешь.

От ее слов у меня идет кругом голова. Я пытаюсь сосредоточиться.

– Ну конечно, помогу, – звучит мой ответ, – мы отсюда выберемся.

– Да, надо попытаться, – говорит она.

У нее такой взрослый и изнуренный голос. От него происходящее становится совершенно реальным. И весь этот ужас я чувствую хвостом.

В спальне наверху стонет Тед. У него, должно быть, страшно болит голова. Когда он поворачивается, под ним скрипит кровать. Вот с глухим стуком на пол опускаются его ноги. Я слышу, как он шаркает босыми ступнями по плитам и включает душ.

– Оливия... – сипло зовет он. – Ксс-ксс-ксс.

Музыка набирает силу.

– Тебе надо идти к нему, – говорит Лорен, – веди себя, будто ничего не случилось.

До моего слуха доносится едва слышный звук, похожий на всхлип. Она действительно предпринимает героические усилия, чтобы не заплакать.

Мягко ступая подушечками лап, я поднимаюсь наверх и прохожу в ванную. Клубится пар, по плиткам льется вода. Знаю, многие кошки ее не любят, но лично мне здесь всегда нравилось. Интересные запахи, пар, туманящий воздух изящной дымкой, вкус теплых капелек из крана.

Тед стоит под струями с мокрыми, блестящими, как у тюленя, волосами. В него железными дротиками вонзается вода. По обыкновению, на нем майка и трусы. Мокрая ткань облепила его полупрозрачной массой, как плохо прилегающая вторая кожа. Его тело никогда не видит света. Сквозь ткань проглядывают бугорки шрамов. Из него волнами выходит хмель – я чуть ли не вижу, как он смешивается с паром.

Снова и снова ищу какой-нибудь знак или намек на произошедшие в наших отношениях перемены. Но он выглядит совершенно обычно – как всегда, когда отправляется в прошлое и там застревает.

– Тедди поехал на озеро с Мамочкой и Папочкой, – говорит он, упираясь лбом в стену.

Его голос тих и далек.

– А кока-кола в стакане была холодной, даже ледяной. О край стакана мелодично позвякивали льдинки. И Папочка сказал: «Пей все без остатка, Тедди, это пойдет тебе на пользу».

Он закрывает краны душа – со стоном, будто это действие доставляет ему боль. Затем направляется в спальню. Я иду за ним, вглядываясь в него с таким вниманием, словно никогда раньше не видела. Может, так оно и есть. Он роняет на грудь голову, у него

ритмично вздымается и опускается спина. Думаю, он плачет. Теперь в игру должна вступить я – помурлыкать, потереться о его ноги и слегка боднуть головой, чтобы он засмеялся. Но в этот самый момент выгибаются и гудят стены. В моей голове, да и по всему телу, проносятся самые поганые мысли. На меня с такой силой накатывает ненависть к нему, что я выгибаю спинку и превращаюсь в высокую арку. Шерстка встает дыбом, будто сделанная из перьев. Мне хочется, чтобы веревочка связывала меня с кем угодно, но только не с ним.

Зачем ты поступаешь так с Лорен? – спрашиваю я.

Интересно, а он вообще на это что-то скажет?

Хорошего ответа нет, а думать о плохих мне невыносимо.

Но мне нужно вести себя, будто ничего не случилось. Надо попытаться. Я тихонько урчу и тычусь головкой в его ладонь. Каждая точка нашего прикосновения отзывается холодом. Он делает громче музыку.

Так вот почему Господь велел мне остаться, когда мне чуть было не удалось вырваться на волю. Тогда я подумала, что должна помочь Теду, а оказалось, что помогать надо Лорен.

Тед

Сегодня я немного не в себе. Прошлой ночью на чердаке расшумелись зеленые мальчики. Поэтому в том, что утром я ненадолго отошел, ничего удивительного нет. Что поделать, стресс.

По возвращении я понял, где нахожусь, даже не открывая глаз. До меня доносились запахи улицы, леса, асфальта, подтухший душок помойки. Сегодня день, когда все выносят мусор, чтобы его потом вывез грузовик. Я знал, что увижу, если разлеплю веки.

Итак, я стоял перед желтым домом с зеленой окантовкой и запертыми ставнями, зная, что именно тут мне и полагается быть. Царившая в нем пустота словно эхом катилась по улице и дальше по всему миру.

Вполне возможно, что Леди Чихуахуа умерла. Может, это ее призрак без конца гонит меня к ее дому. Вот я его себе представляю. У меня безжизненный, потухший взор, она сжимает мою ладонь в своей серой, прозрачной руке и ведет меня к тротуару перед ее домом – снова и снова, пока я не пойму, что... И что же мне надо понять?

Положить этому стрессу конец можно только одним способом – понять, как поступить с Лорен. С этим вопросом надо обратиться к человеку-жуку. Я пытался аккуратно к нему подойти, но ситуация вышла из-под контроля. Мне нужно разобраться в том, что представляет собой Лорен. Точнее, не она, а они.

А пока я принял решение: из-за дочери и кошки нельзя откладывать жизнь на потом. Время от времени надо делать что-то и для себя, иначе счастья мне не видать, а несчастный родитель, по определению, не может быть родителем хорошим.

Так что завтра у меня свидание. Хоть чего-то я жду с нетерпением!

ОЛИВИЯ

Перед тем как опять с ней заговорить, мне приходится выждать несколько дней. Рядом со мной постоянно Тед – пьет и вторит грустными песнями. Когда я тихонько урчу в дверцу морозильника, она мне не отвечает. А через три ночи он уходит, насвистывая и в чистой рубашке. За ним закрывается дверь, ригели трех замков с характерными *щелчками* встают на место. Куда это он?

Я считаю до ста, давая ему время либо отойти подальше, либо вернуться за бумажником или чем-нибудь еще. Дама из проигрывателя тихо стенает о своем родном городке. Я несусь на кухню, царапаю коготками морозильник и горестно спрашиваю:

– Ты там? У тебя все хорошо?

– Да, я здесь, – отвечает она голосом, едва пробивающимся на фоне музыки, – он и правда ушел?

– Ну да, – говорю я, – причем в чистой рубашке. Обычно это значит, что он отправился на свидание.

– Пошел поохотиться, – произносит Лорен.

Его свидания она ненавидит. Теперь мне известно почему.

– Итак, – говорю я, вышагивая взад-вперед, – подумаем, какие у нас есть варианты. Ты можешь закричать и позвать на помощь?

– Могу, – отвечает она, – и даже уже кричала раньше. Но никто так и не пришел. Здесь толстые стены. Не думаю, что они пропускают звук. Ты не забыла, что у тебя кошачий слух? Я подумала, что даже ты не сможешь меня услышать.

– Хмм... – неуверенно тяну я. – А ведь ты права. Этот вариант мы из списка вычеркиваем.

– Какой там идет следующим? – спрашивает она.

Я чувствую себя просто ужасно, потому что на самом деле других вариантов у меня нет. Этот – первый и последний.

– Ты в этом не виновата, – говорит Лорен, стараясь меня утешить, и от этого у меня почему-то больше всего болит хвост, – порой бывает не так уж и плохо. Мне нравится розовый велосипед, на котором можно гонять по дому. Здесь есть телевизор. Он кормит меня, если, конечно, не злится.

Лорен тихонько хихикает.

– А иногда даже разрешает зайти в Интернет, но только под его присмотром.

Ощущения у меня в горлышке и хвосте будут похуже свалявшегося комка шерсти. Что здесь вообще можно предпринять? Я печально *урчу*. Мне всегда так нравилось быть кошкой, но теперь полной уверенности на этот счет больше нет.

– Будь у меня руки, тебя можно было бы вызволить, – говорю я.

– Если бы у меня, как раньше, были ноги, я бы сбежала и сама, – отвечает Лорен, – но ты, Оливия, все равно можешь мне помочь. Тебе надо сделать только одно.

– Да все, что угодно, – заявляю я.

– Сделай так, чтобы он включал тише музыку, – шепчет Лорен. – Ничего другого от тебя не требуется. Когда она орет, я не могу ничего делать. Он давно об этом позаботился. Ты слышишь меня? Ее надо выключить, а если нет, то по крайней мере сделать тише – настолько, чтобы я ее почти не слышала.

– Договорились! И что будет потом?

Сверху навалены груды свинцовых гирь и противовесов, напоминающих заброшенные замки в гиблом краю.

– Ты можешь меня отсюда вытащить, Оливия. Просто поступи так же, как ты поступаешь с Библией.

На тот случай, если со мной что-то случится, все это неплохо было бы записать, но мне не хватает смелости.

Сквозь покрывающую экран телевизора грязь Тед смотрит на ревушие автомобили, и уровень бурбона в его бутылке опускается все ниже и ниже. Проигрыватель при этом работает, женщина поет о тюремных решетках и любви. Он все больше обессиливает и затихает. Бурбон и усталость сплели вокруг него крепкие объятия и теперь клонят к земле.

Я мурлыкаю и иду к нему. Но вдруг останавливаюсь, вертикально вздымаю хвост и выгибаю спинку, превращаясь в арку. А когда в песню вступает банджо, *истошно ору*.

– Что с тобой? – тянет он ко мне руку.

Банджо заливается перезвоном, и я опрометью ныряю под диван.

– Какая же ты дурочка, – говорит Тед и включает другую песню, которая в исполнении такого милого голоса приобретает скорбное звучание.

Я ору под музыку – во всю мощь своих легких.

– Глупая киса, – говорит он.

Когда гнусаво бренчит банджо, я вторю ему долгой, утробной нотой.

– Да чтоб тебя! Ты что, серьезно?

Он убавляет громкость, пианино и женщина превращаются в призраков, нашептывая в пространство тихую мелодию.

Я опять протестующе ору и сдаваться не собираюсь.

– Слушай, Оливия, – говорит он, – я что тебе, лакей?

Но все равно еще больше убавляет громкость. Как по мне, так результат – лучше не придумаешь.

Я выбираюсь из-под дивана.

– Ага, – ласково говорит он, – вот и ты. Решила почтить нас своим присутствием, да?

Я прибегаю ко всем привычным уловкам, зная, что они ему очень нравятся. Выписываю вокруг его лодыжек восьмерки и мурлычу. Он наклоняется и щекочет меня за ушком. Я встаю на задние лапки и трусь головкой о его лицо. На миг задумываюсь о том, не решил ли он сыграть со мной злую шутку. Что ему мешает схватить меня за головку и крутить до тех пор, пока не сломается шея?

– Ну что? – говорит он. – Киса ты, киса.

От нежности в его голосе у меня по позвоночнику бежит какое-то смутное чувство – до самого кончика хвоста. Я сроднилась с ним в точности как со своей шелковистой шубкой или же с Мраком. Раньше мне казалось, что он меня спас, что мы практически стали частью друг друга. От этой мысли в горлышке першит, меня опять пробирает кашель.

– Что там у тебя? Косточка застряла или что? Давай я посмотрю.

Тед осторожно берет меня, сажает себе на колени и открывает мне рот.

– Да нет там ничего, – говорит Тед, – с тобой, киса, все в полном порядке.

Его рука ласково гладит меня по спинке, я млею и довольно урчу.

сталкиваю на стойку. Потом еще одну. Следующая после нее тяжелая. Я слишком сильно ее толкаю, она соскальзывает с морозильника и тяжело грохается на пол, будто сотрясая весь мир. Мы обе замираем, словно покойницы. Я прислушиваюсь. Сквозь пронзительный гул в ушах это нелегко. У Лорен то и дело срывается дыхание. Тед в соседней комнате храпит.

– Он по-прежнему спит, – едва слышно от чувства облегчения говорю я.

Миг спустя Лорен говорит:

– Не роняй их больше, Оливия, договорились?

– Хорошо, – шепчу я, – больше не буду.

После этого соблюдаю максимальную осторожность. Последняя железяка, в самом низу кучи, настолько тяжелая, что когда я пытаюсь ее толкать, у меня болят лапки. Каждый дюйм дается ценой жутких усилий. Наконец она соскальзывает на стойку, с глухим стуком ударяясь о другие.

– Все, больше не осталось, – говорю я.

– Отлично, – отвечает она, – я иду.

Я зажмуриваю глаза и тихонько, горестно урчу. Мне почему-то страшно. Как она, интересно, выглядит?

– Послушай, Лорен, – говорю я, – а тебе не кажется, что мне никогда не приходилось видеть тебя в реальной жизни? Вот странно. У меня такое ощущение, что мы с тобой всегда были здесь только по очереди!

Мне никто не отвечает.

Я слышу, что морозильник начинает открываться – медленно и с усилием, будто крышку поднимает хрупкая, дрожащая рука. Потом та ударяется о стену. Какое-то копошение, влага, вздох. По комнате волнами плывет зловонный дух ужаса и страданий. Я представляю тоненькие, белые ручки, похожие на коготки, и поблескивающую, покрытую шрамами плоть. От этого мне хочется заурчать и свернуться клубочком.

– Ну же, кошка, – строго говорю себе я, – не надо, чтобы из-за тебя этой бедной девчужке стало еще хуже.

И открываю глаза. Открытый морозильник зияет темной могилой. Я встаю на задние лапки и заглядываю в его глубины.

Там никого нет.

- Одна из нас ненастоящая, – произносит она, – и это не я.
- Уходи! Прекрати! Убери этот вой!
- Оливия, – отвечает она, – ну сама посмотри, что ты делаешь.

Моя лапка вытянута вперед с выпущенными коготками, которые скрежещут по поверхности металлического морозильника, издавая страшный, мучительный визг.

Ииииииишоооииии... Они снова и снова с воем скользят по металлу. Этим страшным звуком все это время была я сама. Но как такое вообще возможно?

– Я ведь так долго пыталась обратить на это твое внимание, – говорит Лорен.

Скрежет когтей по стальной поверхности нарастает. Мир вокруг как-то странно мерцает. Вместо своей лапки я вдруг вижу руку с длинными, грязными ногтями, которая все бороздит и бороздит металл... *Ишооооиииииии.* «Когтями по железу», – шепчет чей-то голос, я истошно мяукаю и ору, но все равно не могу перекрыть скрежет, который набирает силу до тех пор, пока не превращается в чисто физическую сущность – в стену внутри моего естества, которая рушится с оглушительным грохотом.

Когда я прихожу в себя, Лорен гладит мою спинку, хотя опять же каким-то непонятным образом не снаружи, а изнутри. Из моих глазок брызжут слезы, с губ срывается жалобное, как у маленького котенка, мяуканье.

– Ну тихо, тихо... – говорит она. – Расслабься, успокойся, если можешь.

– Оставь меня в покое, – говорю я и сворачиваюсь тугим калачиком.

Но у меня все равно такое чувство, будто она обвилась вокруг меня.

– Я не могу, – говорит Лорен, – вижу, ты все равно ничего не понимаешь, так?

Лорен опять принимается меня гладить.

– Когда я впервые попыталась бежать, – продолжает она, – Тед отнял у меня ноги – зажал меж двух досок и раздробил деревянным молотком. А после второй попытки из моей головы появилась ты.

Когда я была на полпути к двери, он схватил меня за волосы. Поскольку мне было лучше умереть, нежели возвращаться обратно в этот морозильник, настрой у меня был самый решительный. Но вместо этого произошло что-то еще. Меня не стало. Уж каким образом, мне неизвестно. В мозгу будто образовалась глубокая воронка, в которую меня затянуло. Из пустоты появилась ты и вышла вперед. Я могла тебя видеть и чувствовать, что ты делаешь. И в то же время слышала все, что говорил он. Но это было примерно то же, что смотреть телевизор. Ты существовала наяву. Урчала и садилась к нему на колени, каждый раз принося успокоение. Тебя породила тьма, чтобы меня спасти.

– Нет, – звучит мой ответ, – я помню, как появилась на свет. Все было совсем по-другому.

– Да знаю я эту историю, – возражает Лорен, – твои воспоминания у меня как на ладони. Или по крайней мере то, что ты таковыми считаешь. Кошка-мама родила тебя в канаве...

– Ну да, – отвечаю я, чувствуя облегчение от знакомых слов.

– В действительности этого никогда не было, – говорит Лорен, – разум очень хитер и, когда жизнь становится слишком уж невыносимой, умеет подсовывать версии, которые ты в состоянии принять. И если человек называет тебя котенком, но при этом держит взаперти, почему бы мозгу не подбросить мысль о том, что ты и в самом деле *котенок*. Он вполне способен придумать историю твоего спасения в грозовую ночь. Только вот на деле ты родилась не в лесу, а во мне.

– Нет-нет, все это было на самом деле, – отвечаю я, – а как же иначе? Мои мертвые кошечки-сестрички, дождь...

– В определенном смысле оно и правда так и было, – печально произносит она, – в лесу действительно похоронены котята. Их закопал там Тед.

Я думаю о земле, которая прилипает к его ботинкам, когда он порой возвращается ночью из леса. Исходящий от него дух костей. Мне словно не хватает воздуха, хотя я как можно шире открываю ротик, дабы сделать вдох. Правда давит всей своей тяжестью, оставляя отпечатки в мозгу. Лорен гладит меня и что-то нашептывает, пока в моих ушах не перестает гулко барабанить кровь.

– А почему ты все время делала вид, что сидишь в морозильнике?

– Знала, что ты все равно мне не поверишь, – отвечает она, – надо было найти способ продемонстрировать тебе, что в действительности мы с тобой единое существо.

– О боже... – беспомощно говорю я. – Ты только что назвала меня своей *психологической проблемой*.

– Не расстраивайся, – произносит она, – после твоего появления все стало чуточку лучше. Он стал периодически выпускать тебя и кормить. Ты превратилась в его домашнего питомца и научилась его успокаивать. Да и морозильник тебе нравится, потому как в нем ты чувствуешь себя в безопасности. И чем больше даешь ему счастья, тем добрее он к нам с тобой относится. Не использует больше ни уксуса, ни кипятка. Отправляет меня спать и зовет тебя.

– Благодаря моим усилиям нам с тобой здесь хоть как-то можно существовать, – говорю я, – мы позволяем ему себя гладить.

– Ты действительно сделала все, чтобы мы выжили, – говорит Лорен, и по моему мозгу разливается теплота, – я обнимаю тебя, ты чувствуешь?

– Да, – отвечаю я.

У меня действительно такое ощущение, будто кто-то заключил мое тельце в любящие объятия. Мы немного так сидим, прижимаясь друг к дружке.

Тед в гостиной стонет.

– Он скоро явится сюда, – говорит она, – мне пора. Я постараюсь скоро вернуться.

Она слегка касается меня, дабы утешить, и добавляет:

– Ты открыла между нами дверь, Оливия. Теперь все будет по-другому.

А потом уходит.

Раньше я все время проводила в ожидании, желая, чтобы как можно быстрее пришел Тед. Но теперь хочу только одного – чтобы его вообще больше не стало.

Меня одолевают странные чувства, ведь хотя ситуация поистине ужасна, мне нравится, что рядом со мной Лорен. С ней так забавно говорить. Мы разговариваем, играем или просто вместе сидим. И это действительно здорово – примерно то же, словно на моей подстилке обосновалась еще одна киска. Полагаю, что Лорен такова и есть –

может создавать ощущение, будто обнимает меня или гладит, хотя в действительности это происходит только в голове. Когда звучит музыка, она совершенно не в состоянии пользоваться своим телом. По ее собственным словам, примерно то же ты чувствуешь, когда тебя связывают, но не затыкают кляпом рот, и ее сухой тон, которым она лишь констатирует факт, повергает меня в дрожь, потому как голос у нее совсем юный, а о подобных вещах лучше не знать никому.

Вечером мы на пару сворачиваемся калачиком на диване в погруженном во мрак доме. Снаружи в лунном свете растопыривают пальцы деревья. Вербочка сегодня тускло-черная, незримая на фоне ночи. Тед наверху отключился намертво. Мы тихонько перешептываемся.

– Если бы я по-прежнему чувствовала ноги, мы могли бы бежать, – говорит Лорен, – просто бежать, и все.

– А ты меня видишь? – спрашиваю я.

– Нет, но хотелось бы. Я не прочь узнать, как ты выглядишь.

Тед позаботился о том, чтобы в доме не осталось ни одной отражающей поверхности.

– А я рада, что ты меня не видишь, – говорит она, – над нашим телом слишком поиздевались. При этом я тебя чувствую. От тебя исходит тепло, и это просто восхитительно – рядом со мной словно кто-то сидит.

Я стараюсь не думать о своем тельце, точнее о теле Лорен, в котором, по ее словам, мы вместе с ней живем. Будто я поверила ей только наполовину. Я чувствую шерстку, усы, хвост. Ну как это все может быть ненастоящим?

– Знаешь, а ведь в действительности с нами есть еще один кот, так что нас не двое, а трое, – говорю я. – Его зовут Мрак.

– Мне думается, нас больше трех, – отвечает на это она. – Иногда, уйдя на самую глубину, я их слышу, хотя и стараюсь отгораживаться. Не люблю, когда плачут малыши.

– На глубину?

– Да, есть и другие уровни, я должна тебе все это показать.

Меня зловещим перышком щекочет страх. Я встревоженно урчу, стараясь избавиться от этого чувства.

– Оливия, как ты думаешь, может, нам с тобой лучше было вообще не появляться на свет?

В ее голосе пробиваются слезы.

– Никоим образом, – отвечаю я, – как по мне, так нам просто повезло родиться. И еще больше повезло выжить. Беда лишь в том, что сейчас мне уже не понять, что означает родиться или жить. Что я собой представляю? У меня такое чувство, будто все, что мне когда-либо довелось узнать, в одночасье оказалось ложью. Однажды я подумала, что узрела Господа. Он со мной заговорил. Это было на самом деле?

– Никаких богов нет, разве что тедовы, – отвечает она, – те, которых он сотворил в лесу.

Мой хвостик щекочет холодное перышко и движется дальше по позвоночнику.

– Мы не допустим этого, – говорю я, – и выберемся отсюда.

– Ты только и делаешь, что говоришь об этом! – рывкает она и на миг превращается в бывшую Лорен, пронзительно визжащую и злоую.

Однако уже в следующее мгновение вновь смягчается.

– А что ты будешь делать, когда мы окажемся на воле? Я буду носить юбочку и закалывать волосы розовыми заколками. А то он никогда мне этого не позволяет.

– А мне хочется поесть настоящей рыбы. (Про себя я строю планы отыскать мою возлюбленную кошечку.) А как насчет твоей семьи? – спрашиваю я Лорен. – Может, их можно найти?

Она несколько мгновений молчит, потом отвечает:

– Не хочу, чтобы они меня такой видели. Пусть лучше и дальше думают, что я умерла.

– Но где ты тогда будешь жить?

– Думаю, что здесь.

Судя по голосу, ей это совершенно не важно.

– Мне не составит особого труда обойтись без Теда. Хочу остаться одной, чтобы меня все оставили в покое.

– Каждому, Лорен, нужно, чтобы кто-то был рядом, – неодобрительно говорю я, – это даже мне известно. Чтобы кто-нибудь тебя гладил, говорил всякие приятные слова, а порой даже и злился.

– Но у меня есть ты.

– И то правда, – удивленно отвечаю я, – мне такая мысль почему-то даже в голову не пришла.

Мой хвостик принимается ее энергично щекотать, и она смеется. К счастью, я оптимистка и это, думаю, нам пригодится.

Лорен вздыхает – как каждый раз, когда собирается сказать что-нибудь, что мне не понравится, – и говорит:

– Когда придет время, это придется сделать тебе. Ты ведь и сама знаешь об этом, Оливия, правда? Кроме тебя больше никому. Я телом пользоваться не могу.

– Сделать? Но что? – спрашиваю я, хотя и так понимаю.

Она не отвечает.

– Нет! – восклицаю я. – У меня ничего не получится.

– Тебе придется... – печально произносит она. – Иначе Тед зароет нас в землю, как других котят.

Я думаю обо всех этих маленьких девочках. Наверное, они тоже пели песенки, носили в волосах розовые заколки и играли в свои игры. У каждой из них, скорее всего, была своя семья, свои домашние питомцы, свои фантазии... Одни любили купаться, другие нет; кто-то боялся темноты, а кто-то плакал, падая с велосипеда. Они могли быть талантливы в математике или искусстве. И каждая могла бы стать взрослой, чтобы делать многое другое – ходить на работу, ненавидеть яблоки, уставать от собственных детей, совершать продолжительные прогулки на машине, читать книги и писать картины. А потом они бы умерли в автомобильной аварии, дома в кругу семьи или же на никому не нужной войне где-то за тридевять земель. Но теперь этому уже не суждено случиться. У историй этих девочек даже нет конца. Их просто бросили под землей.

– Мне известно, где он хранит свой большой нож, – говорю я, – думаю, что об этом никто не знает, но вот мне известно.

Она крепко меня обнимает и шепчет:

– Спасибо тебе.

На моей шерстке ощущается ее дыхание.

Вдруг ожидание становится мне невыносимым.

– Сделаю это сегодня же, – говорю я, – с меня хватит.

Потом запрыгиваю на кухонную стойку, встаю на задние лапки, открываю буфет и в первое мгновение не могу поверить своим органам чувств.

– Его здесь нет, – говорю я.

Хотя должен быть. Чую его нюхом, ищу в пыльных внутренностях буфета. Но ножа нет.

– Увы, – отвечает она, в ее голосе слышится глубокая рана разочарования, но я больше ничего не могу с этим поделать, – не переживай из-за этого, Оливия.

– Клянусь тебе, что найду его, – говорю ей я, – найду, и все...

Лорен тихонько скулит, и до меня доходит, что она старается сдержать слезы. Но все равно чувствую, как они сквозь шерстку обжигают мои щеки.

– Что мне делать? – шепчу ей я. – Меня ничто не остановит.

– Может случиться так, что у тебя ничего не получится. Здесь понадобятся руки, – произносит она, шмыгая носом.

– Но попробовать все равно надо, – шепчу я, хотя при одной мысли об этом мне становится плохо.

Шкафчик под лестницей пропитался пылью и приятно пахнет густым, машинным маслом. В углу навалены коврики, опять же пыльные, стопка старых газет, запчасти от пылесоса, коробки с гвоздями, пляжный зонтик... В предвкушении я наострила ушки и вся обратилась в слух. Местечко как раз из тех, которые мне по душе. Я вдыхаю изумительный аромат растекшегося на полу черного масла.

– Фокус-покус, Оливия, – говорит Лорен, – я спрятала его под газетами.

Принюхавшись к ним, я улавливаю запах чего-то, не имеющего никакого отношения к бумаге, безликого и гладкого. Пластик.

– Кассетный магнитофон! – говорит Лорен. – Возьми его. Нет, так не пойдет, воспользуйся руками. В действительности тебе совсем не обязательно иметь лапки.

Судя по ее тону, она все больше и больше теряет веру в наши силы.

– Ты ведь живешь в моем теле. Поэтому мы с тобой не кошка, а девочка. Тебе всего-то надо это понять.

Я пытаюсь почувствовать мои *руки*, но не могу. Формы моего тельца мне хорошо известны. Я хожу, деликатно балансируя на четырех лапках. Хвостик то хлещет бичом, то принимает форму

вопросительного знака, в зависимости от моего настроения. Глазки у меня как две оливки в коктейле, да и вообще я красавица...

– Оливия, у нас на все это попросту нет времени, – произносит Лорен, – просто возьми кассету в зубы. Тебе это вполне под силу, поняла?

Да! Я аккуратно зажимаю ее челюстями.

– А теперь идем к двери, к щели для почты, договорились?

Ну конечно же!

Когда мы проходим мимо гостиной, я вижу нечто такое, от чего на секунду замираю на месте.

– Ты чего, Оливия? – спрашивает она. – Что-то не так?

– Да... – отвечаю я. – То есть... нет, все хорошо.

– Тогда давай быстрее!

Чувствительным, бархатистым носиком я тычусь в щель для почты и открываю ее. Тяжелый металл обдает меня холодом. По глазам бьет яркий свет.

– Брось кассету на улицу, – говорит Лорен, – как можно дальше.

Я резко дергаю головой и швыряю ее. И хотя не могу ничего видеть, слышу, как она отскакивает от земли.

– Она угодила в кусты, – шепчет Лорен.

В ее голосе слышится испуг.

– Прости, – говорю я, – прости, я не хотела.

– Надо было бросить на тротуар, чтобы ее могли найти! – произносит Лорен и начинает плакать. – А там кто ее отыщет? Ты упустила наш шанс.

– Лорен, мне так жаль, – говорю я, – нет, правда!

– Да ты даже не старайся, – отвечает она, – потому как не хочешь, чтобы мы отсюда выбрались. Тебе нравится сидеть здесь его узницей.

– Нет! – в агонии возражаю я. – Это не так, я действительно хочу помочь! Это была случайность!

– Тебе надо отнестись к происходящему со всей серьезностью, – продолжает она, – ведь от этого, Оливия, зависит наша жизнь. Ты не можешь и дальше делать вид, что у тебя нет рук. Тебе обязательно надо ими пользоваться...

– Знаю, – говорю я, – из-за ножа. Я потренируюсь. И в следующий раз все сделаю как надо.

Я нюхаю ее, трусь головкой о то место, где чувствую ее в своем мозгу, и говорю:

– Теперь отдохни. А я покараулю.

Мы сворачиваемся калачиком на ворсистом ковре, и я тихонько урчу. Чувствую ее рядом и одновременно с этим внутри себя. Лорен тяжело вздыхает, я слышу, как она незаметно ускользает в спокойный мрак. Мой хвост охватывает тревога. Лорен не любит говорить, что будет после того, как мы освободимся. У меня зловещее чувство, что и она не рвется на волю. Но что еще хуже – она даже не желает остаться в живых. Но я все равно ей помогу. И буду делать все, чтобы с нами и дальше ничего не случилось.

У нее и своих забот полон рот, поэтому я не стала ей ничего говорить, но только что произошла престранная вещь. Направляясь несколько минут назад к входной двери с зажатой во рту кассетой, я мельком заглянула в гостиную. И могу поклясться, что на какой-то миг ковер из оранжевого превратился в голубой.

Ди

Ди сидит у окна и вглядывается во мрак. Гладит нежной рукой лишенную когтей кошечку и жалеет, что бросила курить.

– Красивый камешек, – шепчет она про себя.

Кошка резко вскидывает на нее глаза. Уже поздно, у Теда во всех окнах не горит свет. Но Ди боится спать. Тогда в ее голове опять начнут летать красные птицы, сжимая в клювах кое-что. Или приснится другой сон, в котором она увидит мать и отца, гуляющих в пустыне под сотканным из звезд одеялом, разыскивая младшую дочь и постоянно выкрикивая ее имя. Она не в состоянии отгородиться от воспоминаний. Они цепляются одно за другое, гнездятся друг в друге. «Как матрешки», – приходит ей в голову мысль.

Постоянное наблюдение и долгое ожидание даются ей все труднее и труднее. Порой ей хочется кричать. Иногда охватывает жгучее желание схватить лом, отправиться туда, выломать дверь и со всем этим покончить. А иногда, к примеру как сейчас, сесть в машину и уехать. Ну почему, с какой стати на нее свалилось это жуткое дело? Но уж как есть. Ди обязана довести его до конца ради Лулу, ради всех остальных. Она видела газетные статьи, размытые колонки, освещенные грязным сиянием микропленки. На это озеро приезжают дети, а потом не возвращаются. За долгие годы то ли семь, то ли восемь, не меньше. Сироты или же те, о ком некому позаботиться. Вот почему на них никто особо не обратил внимания. Но в последние годы больше никто не пропадал. По сути, с момента исчезновения Лулу, – и для этого должна быть какая-то причина. Вполне возможно, он понял, что лучше оставить одного ребенка, чем с риском для себя красть все новых и новых.

Сквозь клубящийся над деревьями молочный туман навверх пробивается солнце, озаряя небо на востоке розовыми мазками, словно размазывая пальцем.

В воздухе перед домом Теда видно какое-то шевеление. Из щели для почты вылетает прямоугольный предмет и пролетает по воздуху. Через две ступени со стуком отскакивает от бетона и падает в

опутавшие крыльцо заросли рододендрона, глянцевитые и зеленые. Щель для почты вновь с тихим скрипом открывается.

У Ди до предела обостряются чувства. Она направляется к двери. Сердце в ушах бьется с такой силой, что она не может слышать ничего другого. Девушка силой заставляет себя дышать размеренно и глубоко. Ее рука ложится на дверную ручку и поворачивает ее, но в этот момент до ее слуха доносятся уже знакомые *щелк, щелк, щелк* трех замков.

Ди на миг застывает как вкопанная, затем возвращается к окну. На крыльцо выходит Тед. Выглядит чуть опрятнее обычного. Такое ощущение, что у него расчесана борода.

Спустившись по ступенькам, он смотрит влево, останавливается, наклоняется и поднимает что-то из нагромождения глянцевитых, зеленых листьев. В груди Ди все замирает. Слишком поздно. Что бы ни представлял собой этот предмет, Тед его нашел.

Он выпрямляется. В его руке – небольшая сосновая шишка. Он крутит ее во все стороны и внимательно вглядывается в лучах утреннего света.

Когда он уходит из дома, Ди ждет двадцать минут и направляется к его жилищу, следуя тщательно разработанному плану. Затем звонит в дверь. А когда не слышит ответа, поднимает клапан на щели для почты.

– Эй? – кричит она в трубу дома.

Ей в лицо бьет тяжелый дух. В нем – пыль и застывшее отчаяние.

– Эй! – опять повторяет она. – Это соседка, пришла помочь.

Правильные слова она придумала не сразу. Такие, чтобы их поняла маленькая девочка, но в то же время совершенно безобидные для любого, кто их услышит. На нее дышит дом. Но никаких других звуков не слышно.

Тогда Ди припадает губами к щели и шепчет:

– Лулу?

После чего ждет минуту, а затем и две. Но тишина в доме только сгущается еще больше.

День набирает яркость. Мимо, с собакой на поводке, проходит какой-то парень. О том, чтобы выломать дверь и войти, не может быть и речи. Рано или поздно кто-то обязательно заинтересуется, с какой это стати она околачивается на крыльце Теда.

Ди достает фонарик, становится на четвереньки и быстро осматривает кустики рододендрона. К лицу крохотными ручками липнет паутина. От адреналина бешено колотится сердце. Ей становится хорошо, она чувствует себя живой.

Кассета лежит, наполовину засыпанная сухой листвой. Взгромоздившийся на нее жук любознательно шевелит рожками. Ди смахивает его, засовывает кассету в лифчик и медленно выбирается из кустов. Напряжение постепенно спадает, ее пробирает озноб. Слева от нее по сухой листве движется какая-то длинная, тонкая линия. Она тихо ахает, пятится, выбирается из зарослей и больно ударяется голенью о ступеньку крыльца. Потом яростно бьет себя руками по голове, чувствуя фантомный вес чешуйчатого тела, свернувшегося у нее в волосах, и, задыхаясь, мчится к двери своего дома.

Тед

Сегодня наконец наступил день человека-жука. Это дело надо довести до конца. Ради Лорен. Единственное, в прошлый раз не надо было на него орать. Я видел, как после этого у него в глазах вспыхнул свет.

Прогулка доставляет радость. На улице жарковато, но все же терпимо. Я поглаживаю в кармане небольшую сосновую шишку, которую нашел у крыльца. Они мне нравятся, у каждой из них своя, неповторимая индивидуальность.

Я кладу ладонь на ручку двери и застываю. В кабинете разговаривает человек-жук. Раньше я ни разу не видел здесь других пациентов!

– Чертовы недоумки, – слышу я его слова, – из чертовых маленьких городков.

Меня охватывает странное чувство. Я стучусь, давая понять, что уже пришел, потому что взаправду уважаю чужое личное пространство. Его бормотание стихает, он приглашает меня войти.

Круглые глазки человека-жука за очками совершенно спокойны. В комнате больше никого нет.

– Рад вас видеть, Тед, – говорит он, – я уж думал, вы не придете. Вижу, у вас на лице и руках стало еще больше царапин.

– Это все кошка, – отвечаю я, – у нее сейчас трудный период. (Когда кладу ее в ящик, так и норовит разодрать мне лицо и без конца орет.)

– Ну, как дела? – спрашивает он.

– Отлично, – отвечаю я. – От таблеток мне лучше. Только заканчиваются они слишком уж быстро. Я подумал... Может, мне лучше не брать их непосредственно у вас, а взять рецепт и получать лекарство в аптеке?

– Можно обсудить вопрос увеличения дозы. Но я предпочел бы, чтобы таблетки вы брали все же у меня. Да и потом, в аптеке за них придется платить, а вам ведь этого не хочется, так?

– Думаю, нет, – отвечаю я.

– Вы записываете чувства в дневник? – спрашивает он.

– Ну разумеется, – вежливо говорю я, – все это просто замечательно, ваши советы мне очень помогли.

– Дневник помог вам выявить те или иные триггеры?

– Ну... – звучит мой ответ. – Меня очень беспокоит кошка.

– Та, которая лесбиянка?

– Ну да. Она постоянно трясет головой и дерет когтями уши, будто в них что-то застряло. И ей, похоже, ничего не помогает.

– И вас от этого охватывает чувство беспомощности? – произносит человек-жук.

– Ага, – отвечаю я, – не хочу, чтобы ей было больно.

– А предпринять что-то вы можете? К примеру, сводить ее к ветеринару?

– Э нет, – говорю я, – не думаю, что в ветеринарной лечебнице ее кто-то сможет понять. никоим образом. Она ведь очень специфичная кошка.

– Но откуда вы можете это знать, если не хотите даже попробовать, а?

– По правде говоря, – слетают с моих губ слова, – я размышлял кое о чем другом.

– О чем же?

В его взгляде вспыхивают предвкушение и надежда. Мне чуть не становится плохо. Как же долго он ждет, когда я себя чем-то выдам.

– Помните, я рассказывал вам о телевизионном шоу про мать и дочь?

Он согласно кивает. В руке человека-жука неподвижно замирает ручка. Его глаза превращаются в два плоских, голубых кружка, устремленных на меня.

– Я все еще его смотрю. Сюжет там в последнее время усложнился. Понимаете, у той злой девочки, что все пытается убить мать, оказывается, есть... скажем так, вторая натура.

Человек-жук не шевелится, в упор глядя на меня, и медленно произносит:

– Такое действительно бывает. Хотя редко и совсем не так, как в кино.

– Но этот фильм не такой, как другие, – говорю я.

– Мне казалось, вы говорили, что смотрите не фильм, а телешоу.

– Совершенно верно, это действительно шоу по телевизору. И вот дочь в нем обычно девочка, но в некоторые моменты становится совсем... другой.

– Слово в ней заявляет о себе другая индивидуальность? – спрашивает он.

– Ну да, – отвечаю я, – будто она не одна, а их двое.

Если по правде, то даже два совершенно разных вида, но ему, думаю, я и без того уже сказал достаточно.

– Думаю, вы сейчас говорите о диссоциативном расстройстве личности, сокращенно ДРЛ.

Диссоциативное расстройство личности. Звучит как сломанный телевизор или стереосистема. А к Лорен никакого отношения не имеет.

Человек-жук пристально смотрит на меня, и я понимаю, что едва слышно бормочу про себя. Ему это наверняка кажется странным. Я твердо смотрю на него.

– Интересно. Даже очень.

– Раньше эта патология была известна как «раздвоение личности», – продолжает он, – ДРЛ новый термин, хотя до конца мы его по-прежнему не понимаем. В своей книге я уделяю данной проблеме огромное значение. По сути, можно даже сказать, что весь этот *труд*...

– Так что же мы в этой патологии понимаем? – спрашиваю я, не давая ему уходить далеко от темы, потому как по опыту знаю, что о своей книге он может говорить без конца.

– Скорее всего девочка в вашем телешоу систематически подвергалась физическому или эмоциональному насилию, – говорит он, – в итоге ее разум разделился на несколько частей и, чтобы справиться с травмой, образовал новую индивидуальность. Довольно красиво. Элегантная реакция умного ребенка на страдания.

Он подается вперед. В его глазах за стеклами очков вспыхивает блеск.

– Я прав? В этом вашем шоу вы видели насилие?

– Не знаю, – звучит мой ответ, – вполне возможно, я пропустил эту часть, когда ходил за попкорном. Так или иначе, но мать понятия не имеет, как решить этот вопрос. А что могли бы посоветовать ей вы? Как профессионал?

– В этом отношении существуют две научные школы, – отвечает он, – первая ставит своей целью состояние, известное как «параллельное сознание».

Затем видит мой взгляд, обращенный на него, и добавляет:

– Задача врача в этой ситуации сводится к тому, чтобы помочь альтернативным личностям, или альтерам, найти способ гармонично уживаться друг с другом.

Я едва сдерживаю смех. Лорен в принципе не способна гармонично с кем-либо сосуществовать.

– Нет, так не получится, – говорю я, – на шоу две эти ипостаси не знают, что в действительности являются одним и тем же персонажем.

– Ее воображение можно направить в нужное русло, чтобы оно работало в ее интересах, – продолжает он, – ей совсем не обязательно всецело пребывать в его власти. Лучше всего мысленно соорудить в себе некое обособленное пространство. Подлинную конструкцию. Многие дети используют замки или поместья, хотя это может быть что угодно. Комната, амбар. Главное, чтобы пространство было большим, чтобы в нем всем нашлось место. Туда можно будет приглашать различные индивидуальности, чтобы они могли узнать друг друга и сосуществовать, не подвергаясь ни малейшей опасности.

– В действительности они терпеть друг друга не могут.

– Я могу порекомендовать вам некоторую литературу, – говорит он, – которая поможет лучше разобраться в данном подходе.

– А как насчет второй научной школы?

– Интеграция, объединение в одно целое. Альтеры включаются в первичную личность. По сути, исчезают.

– Для них это смерть.

Или убийство.

Он внимательно смотрит на меня из-за стекол очков и говорит:

– В определенном смысле да. Процесс лечения очень долгий и может занять не один год. Некоторые практикующие врачи считают его лучшим решением. У меня определенного мнения на этот счет нет. Объединять друг с другом полностью сформировавшиеся личности может быть делом очень трудным, и советовать подобное можно далеко не всегда. Ряд специалистов склонны считать эти альтеры, то есть индивидуальности, отдельными людьми, обладающими определенными правами. У каждой из них своя жизнь, свои мысли.

Поскольку термина получше пока никто не придумал, можно сказать, что у них есть души. Это примерно то же самое, что пытаться объединить вас со мной.

– Тем не менее это возможно, – говорю я.

– Тед, – произносит он, – если вы знаете человека с такого рода патологией, ему в этом деле нужна помощь, да еще какая. Я мог бы направить ее...

Его левая рука покоится на колене. Правая лежит ладонью вниз на небольшом столике рядом с ним, в дюйме от сотового телефона. Я беру со стола ручку и тереблю ее в пальцах, предельно внимательно наблюдая за его правой рукой, той, что рядом с мобильником. Жду, когда он совершит следующий ментальный прыжок. Странно, но я пропитался к нему симпатией.

– Какая многогранная головоломка. – мечтательно произносит он, и я могу сказать, что обращается теперь уже не ко мне. – Этот вопрос я задаю в своей книге. Из чего состоит человеческое эго? Понимаете, существует некий философский аргумент о том, что ДРЛ может таить в себе секрет существования. В соответствии с этой теорией, каждое живое существо и неодушевленный предмет, каждый камень и травинка обладают собственной душой и эти души, вместе взятые, формируют единое сознание. Каждая единичная сущность представляет собой живой фрагмент вселенной, который обладает разумом и дышит... В этом смысле мы все, по существу, выступаем в роли альтернативных личностей Бога. Неплохая идея, правда?

– Красиво, – отвечаю я.

А потом предельно вежливо добавляю:

– Вы не могли бы дать мне названия этих книг? Об объединении личностей.

– Ну конечно.

Он вырывает из блокнота листок и что-то на нем царапает.

– Тед, прошу вас, подумайте об этом, – говорит он, не отрывая от бумаги глаз, – на мой взгляд, если бы вы дали мне возможность с ней поговорить, это действительно пошло бы ей на пользу.

В его глазах роятся безопасные абстракции. Он весь светится от вызванного моими словами возбуждения. Я не выпускаю ручку, тайком зажатую в кулаке, будто кинжал.

Если бы он только знал. Я думаю о темных ночах с Лорен, о ее липких, влажных руках, об острых зубках и ногтях, оставляющих на моей плоти аккуратные рубцы. А еще думаю о Мамочке.

Потом мысленно возвращаюсь обратно в этот кабинет. И слышу звук, будто в стенах носятся мыши. Кончик ручки глубоко вонзился в мою ладонь. К мышинным лапкам звук не имеет никакого отношения – это капает кровь, расплываясь узорами на светлом ковре. Человек-жук в изумлении смотрит на меня. У него бледное, безжизненное лицо. Когда я поднимаю глаза, на нем проступает ужас. После приложенного мной усилия мое собственное лицо принимает выражение, подобающее боли, хотя теперь уже слишком поздно делать вид, что я ее чувствую. Человек-жук наконец слегка приоткрывает завесу над тем, что его пациент представляет собой на самом деле. Я осторожно вытаскиваю ручку из раны в ладони – она выходит с тихим хлюпаньем, как леденец из плотно сжатых губ, – протягиваю руку к его столу за бумажной салфеткой, прикладываю ее, чтобы остановить кровь, беру из его пальцев бумажку и говорю:

– Спасибо.

Он не горит желанием ее выпускать, но связываться со мной тоже не хочет. От меня уже подобным образом отдергивали руку, тогда мне тоже казалось, что чужая плоть старается отползти от моей. Так меня касалась Мамочка.

Пошатываясь, я выхожу из кабинета, с силой грохая за собой дверь, и вываливаюсь в отделанную пластиком приемную, провонявшую синтетическими красками. Сеанс прошел не лучшим образом. Но теперь у меня по крайней мере есть название. Я останавливаюсь и долго не двигаюсь с места, чтобы его записать. *Диссоциативное расстройство личности*. Потом слышу, как за моей спиной отворяется дверь, и опять бегу, спотыкаясь о голубые пластиковые стулья. Почему здесь никого не бывает, кроме меня? Теперь это уже не имеет значения, потому как я сюда больше не вернусь.

Оливия

Меня постепенно охватывает беспокойство – может, Тед выбросил нож в помойку? Или, может, берет его с собой во время этих долгих ночных отлучек, после которых возвращается домой, пропитавшись запахами земли и застарелых костей?

Мы рассмотрели и другие варианты. Но это точно должен быть нож по причине своей стремительности и остроты. Тело Лорен силой не отличается. С помощью еды действовать нельзя, в доме нет ни яда, ни чего другого в этом роде. Тот урок Тед усвоил хорошо.

Хотя Лорен я ничего говорить не хочу, у меня такое ощущение, что он к чему-то готовится. Вчера притащил в дом какие-то новые книги. От одних их названий у меня болят усы. Но мне думается, что речь в них идет о нас. Я старательно скрываю свои мысли, делая все, чтобы она о них ничего не узнала. Если спрятать их на достаточной глубине, она ничего не слышит. В который раз я благодарю Господа, волею которого здесь осталась. Лорен так во мне нуждается.

– Нож я могу попробовать сделать сама, – с сомнением в голосе произносит она, – так поступают в тюрьме, я видела по телевизору. Жаль, что здесь нет никакой еды, с ней мне бы лучше думалось.

Я ощущаю ее голод, который накладывается на мой собственный, еще больше усиливая боль в животике. В глубинах нашего естества рычит и трясется Мрак, от чего кажется, будто где-то рядом хлопают черные крылья. Я опять загоняю его вниз. Он тоже голоден, как и остальные.

«Сейчас не твое время», – говорю ему я.

Он раздраженно ворчит, но до сих пор сидит на такой глубине, что слов не разобрать. То ли «дай, дай, дай», то ли «нет, нет, нет». Сказать точно я не могу.

Мы шарим по выдвижным ящичкам и шкафам. Но находим одну только пыль. Чтобы нам было веселее, Лорен сочиняет песенки. В лучшей из них речь идет о мокрице. Она и правда очень даже хороша.

Мы совершенно выбились из сил. Я сворачиваюсь калачиком на полу под диваном. Рядом со мной кучкой лежит веревочка. Сегодня она бледно-желтая и какая-то хрупкая.

Даже если мы отыщем нож, я все равно не смогу воспользоваться им против Теда. Если не считать того краткого мига, когда Лорен разрушила разделявшую нас стену, я не могу ощутить ни такой головы, как у теда, ни ладоней, ни в целом рук. И попросту чувствую себя кошкой. Но есть и кое-что еще. При мысли о Теде меня по-прежнему к нему тянет. Просто так любовь не умирает. Ей обязательно надо побрыкаться и повоевать.

– Тебе, Оливия, надо тренироваться и дальше, – говорит Лорен.

– У меня больше нет сил, – отвечаю я.

А про себя думаю: «Все эти тренировки просто ужас, ненавижу их».

– Я все слышала, – говорит она. – И как ты, кошка-дурачина, собираешься выбраться отсюда, не владея телом, а?

Какая ты все-таки бываешь грубиянка.

– Но я, Оливия, по крайней мере верна своим обещаниям. Ты же сказала, что будешь стараться.

Я горестно мурлычу, прекрасно зная, что она права.

– Давай начнем сначала, – со вздохом произносит Лорен, – иди к подножию лестницы. Что ты там видишь?

– Ступеньки, – неуверенно говорю я, потому как меня постоянно преследует ощущение, что с моими ответами что-то не так. – Еще вижу ковер и уходящие вверх перила. На самом верху лестничная площадка. Если повернуться, видна парадная дверь, стойка для зонтов, вход на кухню, а чуть дальше и в гостиную...

– Отлично, – говорит она, – хватит. Все это мы условно назовем «Мраком», потому как эта наша ипостась может видеть только то, что расположено здесь внизу, но не более того. Подумай об этом. Представь, что он сейчас сидит здесь, у подножия лестницы. А мы с тобой давай поднимемся наверх.

На предпоследней перед лестничной площадкой ступеньке она меня останавливает.

– Что ты видишь теперь?

– Дверь в ванную, – отвечаю я, – в комнату Теда, в твою, а также плафон на потолке.

– Ну и конечно же, все, что есть наверху, так?

Верно.

– А внизу ты что-нибудь видишь? Холл? Входную дверь? Стойку для зонтов?

Нет.

– Тогда это – то, что вижу я, – мы назовем «Лорен». Поняла?

– Не совсем, – звучит мой ответ, но она меня уже не слушает.

– Теперь идем обратно вниз.

Когда мной преодолена ровно половина лестницы, Лорен говорит:

– Стоп.

Я замираю на той самой ступеньке, где мне так нравится спать, – семь других ниже меня и семь выше.

– Что видишь теперь? – спрашивает она.

– Вижу перила, – отвечаю я, – вижу ступеньки и ковер на лестничной площадке. Если смотрю вниз, вижу пол в холле, а если припасть к самой ступеньке, можно углядеть нижний краешек входной двери. Когда же я поднимаю глаза, вижу вершину лестницы, окно, дверь в ванную, а также плафон на потолке на лестничной площадке.

– Получается, ты видишь немного наверху и немного внизу. Вот это, Оливия, ты. Мрак внизу, я наверху, а ты посередине, как связующее нас звено. И спасти нас можешь только ты, больше никому.

Я надуваюсь от гордости, и веревочка в подтверждение моих слов наливается розово-золотистым светом.

– От тебя требуется только одно – подняться, – продолжает Лорен.

– Но...

– Ты не поняла, – нетерпеливо перебивает меня она, – я не имею в виду подняться по лестнице. Я имею в виду, не то чтобы это все взаправду...

– БОЖЕ ПРАВЫЙ. ТЫ ХОЧЕШЬ СКА...

– Сейчас это не важно. Давай по новой.

Я дрожу. И чувствую бархатными подушечками лапок старый, вытертый ковер. Лапки мне нравятся. У меня нет ни малейшего желания быть тедом. И хочется мне только одного – оставаться собой.

– Мне страшно, Лорен, – говорю я, – не могу сдвинуться с места.

– А ты рассказывай себе сказку, – отвечает она, и по ее голосу я могу сказать, что ей прекрасно известно, как себя чувствуешь, когда тебя пригвоздил к месту страх, – представь, что наверху предмет самых жгучих твоих желаний, поднимись туда и возьми его.

Я думаю о Боге, о том, как у него меняются многочисленные лица, о том, как он добр. Пытаюсь представить, что он сейчас сидит наверху на лестничной площадке над моей головой. Сердце переполняет любовь. Я почти вижу его наяву – рыжевато-коричневое тело и тигриный хвост. У него золотистые глаза.

Поднимаюсь на одну ступеньку. На какой-то миг вокруг меня сотрясаются стены. Меня охватывает жуткая тошнота, будто я падаю с большой высоты.

– Хорошо, – надтреснутым от возбуждения голосом говорит Лорен, – это же здорово, Оливия.

Подняв глаза, я вижу Бога. Он улыбается. И тут мне становится ясно, что у него лицо Теда. Зачем ему принимать облик Теда?

Я поворачиваюсь и скатываюсь вниз по ступенькам, протестуяще мявкая от мучительной боли. В нашей голове что-то неразборчиво кричит Лорен.

– Не могу, – говорю я ей, – и не заставляй меня. Это ужасно.

– Ты меня совсем не любишь, – печально произносит она, – если бы любила, обязательно бы постаралась.

– Нет, люблю! В самом деле люблю! – несколько недовольно говорю я. – У меня не было ни малейшего намерения тебя расстроить.

– Оливия, я чувствую, ты ведь делала это раньше. Устраняла барьер и поднималась. Так случается каждый раз, когда ты сталкиваешься со столом Библию. После этого грохочет гром, а дом ходит ходуном, так? То же самое ты делаешь во время своих записей. Помнишь, как из-за тебя осталась открытой дверца холодильника? И мясо действительно испортилось! Тебе надо всего лишь научиться делать это предумышленно.

Я помню, но не могу ничего понять. Конечно, мясо испортилось, потому что я не закрыла дверцу холодильника.

– Оливия, а какого цвета в тот день был ковер?

Сама Лорен это позабыла – после всего, через что ей довелось пройти, ничего удивительного в этом нет.

– Похоже, я действительно забыла, но ты все равно попытайся и вспомни.

Странно, что кто-то другой слышит мои мысли. К такому я еще не привыкла.

– Прошу тебя.

В ее словах столько печали, что мне тотчас становится стыдно за себя.

– Ну хорошо, – говорю я, – раз надо, значит, попытаюсь!

Я пробую снова и снова, но, как ни стараюсь, все равно чувствую только черную, шелковистую шубку и четыре лапки с мягкими подушечками.

Когда мне кажется, что проходит целая вечность, Лорен говорит:

– Ну все, хватит.

Я с некоторым облегчением усаживаюсь на ступеньки и начинаю приводить себя в порядок.

– Ты не хочешь мне помочь.

В голосе Лорен звенят слезы.

– Да хочу, хочу! – отвечаю я. – Ах, Лорен, я ничего так не хочу, как помочь тебе. Просто... не могу.

– Нет, – тихо возражает она, – не хочешь.

У меня как-то странно чувствует себя хвост. В нем почему-то разливается тепло. Я помахиваю им, чтобы ощутить всей его длиной прохладный воздух. Но ему становится все теплее, и через какое-то время он уже полыхает жаром.

– Я могу тебя погладить, – говорит Лорен, – но могу поступить и вот так.

Мой позвоночник красным сиянием окутывает боль, которая вскоре переходит в адский огонь. Хвост превращается в раскаленную докрасна кочергу.

– Лорен, умоляю тебя, прекрати! – сквозь рыдания кричу я.

– А какая разница, что я делаю с кошкой, если она существует только в моем воображении? – возражает она.

– Ну пожалуйста, мне больно!

На мой мозг, на косточки, на шерстку накатывают волны боли.

– Ты считаешь себя красавицей, – продолжает Лорен тем же задумчивым голосом, – потому что он снимал все зеркала, чтобы ты не могла себя увидеть. Но я сама тебе расскажу. Ты маленькая, сморщенная и скукоженная. Ростом и длиной вдвое меньше положенного. Каждое ребро у тебя торчит, будто лезвие ножа. Зубов осталось совсем немного. Волосы на голове растут спутанными ключьями. После того, как на твоей мордочке столько раз заживали

ожоги, ткань, из которой состоят шрамы, настолько загрубела, что от нее исказились его черты. Нос съехал в сторону, щека налезла на глаза, один из которых почти ничего не видит из-за бугристого шрама. Ты думаешь, что величаво шествуешь по дому на четырех элегантных лапках, но на самом деле это совсем не так. Тебе приходится ползать на руках и коленях, таская за собой изувеченные, давно ставшие бесполезными ноги, как уродливой рыбе. Неудивительно, что жить в этом теле у тебя нет ни малейшего желания. Ты сама помогла ему это сотворить, а потом забралась к нему на коленки и стала урчать. Жалкое создание.

Она умолкает, а потом, уже другим голосом, говорит:

– Ах, Оливия, прости меня, я так перед тобой виновата.

Я бегу, протестуяще мяукая от ужаса. По тельцу все еще перекатываются отголоски боли. Но ее слова ранят еще острее.

– Пожалуйста, – кричит она, – я так перед тобой виновата. Просто меня время от времени одолевает безудержный гнев.

Как ей отомстить, я знаю. Мне известно местечко, которого она боится больше чего-либо другого.

Я запрыгиваю в морозильник, подцепляю коготками его крышку и тяну на себя. Она с грохотом опускается вниз. Вокруг нас смыкается благодатный мрак, я закрываю уши, чтобы не слышать воплей Лорен. А когда меня поглощает мягкая пустота, не оказываю ей никакого сопротивления и проваливаюсь в ее глубину.

Сколько раз можно прогибаться, пока окончательно не сломаешься? Сломанный механизм требует к себе заботы; порой он сдает окончательно и, в свою очередь, ломает что-то другое.

Тед

Я возвращаюсь в бар с огоньками на деревьях, где когда-то назначил встречу голубоглазой женщине с волосами цвета сливочного масла. Поскольку день выдался теплый, сажусь за длинный стол на задах, вдыхаю аромат барбекю и какое-то время размышляю о ней. Откуда-то доносится кантри, музыка гор, доставляя немало удовольствия. Вот каким полагалось быть тогда нашему свиданию. А то, что было в действительности, закончилось не лучшим образом. *Не думай об этом.*

Вокруг толкуются люди – все сосредоточенны, из них брызжет энергия, но много никто не говорит. Ни одной представительницы прекрасного пола опять же нет. Если честно, то эту часть мозга мне хотелось бы отключить. От того, как я поступил с той женщиной с волосами цвета сливочного масла, мне до сих пор нехорошо. Теплая погода постепенно приносит успокоение, словно я оказался в приемной или предбаннике. Выпиваю то ли шесть, то ли семь «ершей». Кто их станет считать? Домой вернусь поздно.

– Приезжать на машине сюда нельзя, это было бы безответственно!

Я вдруг понимаю, что говорю вслух, и вижу, что на меня смотрят. Утыкаюсь физиономией в пиво и затихаю. А потом вспоминаю, что фургон я некоторое время назад продал.

С наступлением сумерек появляются новые люди. Надо полагать, отработав очередную смену. Одни приходят, другие уходят, но меня никто не трогает. Я постепенно понимаю, почему здесь нет женщин – это все точно не для них. Что сказала бы Мамочка, увидев меня в таком местечке? Наверняка от отвращения сжала бы в тонкую линию губы. *Это противоречит науке.* «Но ведь Мамочка не может тебя видеть, – напоминаю себе я, – ее больше нет».

Только вставая со скамьи, я понимаю, до какой степени напился. Огоньки на деревьях превратились в горящие кометы. Темнота жужжит, время то ли остановилось, то ли набрало такую скорость, что его перестаешь замечать. «Я потому и пью, – звучат в голове мои собственные слова, – чтобы контролировать время и пространство».

Это самая правдивая мысль из всех, когда-либо приходивших мне в голову. Лица вокруг дергаются и расплываются кляксами.

Я бреду мимо дерева по внутреннему дворику, лавируя между пятнами света и тьмы. Ищу что-то, чему не могу даже дать названия. На фоне неба мои глаза видят освещенный дверной проем припавшей к земле пристройки. Войдя внутрь, я оказываюсь в пропахшей минеральными запахами комнате с обшитыми доской стенами, на которых рядами красуются писсуары. Там полно хохочущих парней, передающих из рук в руки какой-то предмет и рассказывающих историю о каком-то своем приятеле, у которого есть лошадь. Или он сам лошадь. Или ухаживает за лошадью. Но потом они все уходят, оставляя меня наедине с мирной капелью из крана да раскачивающейся под потолком голой лампочкой. Я захожу в кабинку и запираю за собой дверь, чтобы спокойно посидеть вдаль от посторонних глаз. Всему виной та женщина с волосами цвета сливочного масла – придя сюда, я вспомнил о ней, расстроился и хлебнул лишку, хотя обычно соблюдаю осторожность и так много пью только дома. Надо уходить и возвращаться домой. Но в эту самую секунду я понятия не имею, как это сделать. Вокруг меня пульсируют стены.

В туалет входят два человека. Их движения и слова обрамлены пушистой каймой, они очень пьяны, это понятно даже мне.

– Они принадлежали моему дяде, – произносит чей-то голос, – а до него деду. И дедову отцу. А у того отец носил их во время Войны Севера и Юга. Так что просто верни мне их. Мне их ничто не заменит. К тому же они были серебристо-красные, двух моих любимых цветов.

– Но я у тебя ничего не брал, – отвечает ему другой голос, который кажется мне знакомым.

От его интонаций мои заторможенные синапсы брызжут огнем. В голове проносится мысль, но я не могу ее поймать.

– И ты прекрасно это знаешь. Просто хочешь выбить из меня денег. Я тебя насквозь вижу.

– В баре ты сидел рядом со мной, – произносит любитель запонок, – я снял их буквально на секунду, и они тотчас пропали. Это факт.

– Ты перепил, – сочувственно возражает ему знакомый голос, – и тебе, понятное дело, не хочется признавать, что эти запонки ты

попросту потерял. Ты обязательно жаждешь свалить вину на кого-то другого. Я это понимаю. Но в глубине души ты и сам понимаешь, что я ни в чем не виноват.

Второй плачет.

– Ну пожалуйста, – говорит он, – ты же знаешь, что это не так.

– Прошу тебя, хватит нести всякую чушь, дураков ищи в другом месте.

Слышится глухой удар и треск. Что-то падает на плиты пола. Теперь меня разбирает любопытство – это чувство продирается даже сквозь хмель. К тому же я почти наверняка знаю, кому принадлежит второй голос. Поэтому широко распахиваю дверь кабинки и вижу двух человек, которые испуганно таращатся на меня. Один занес кулак, готовый обрушиться на второго, лежащего на полу. Картина здорово смахивает на обложку томика «Братьев Харди» или на постер старого фильма. Я не могу удержаться от смеха.

Человек-жук, моргая, смотрит на меня. У него на носу размазана грязь. Я по крайней мере надеюсь, что это грязь.

– Привет, Тед, – говорит он.

– Здравствуйте, – отвечаю я и протягиваю ему руку.

Парень, потерявший свои запонки и сбивший его на пол, уже выбежал за дверь. Иногда, очень редко, мои габариты способны сослужить хорошую службу.

Я помогаю человеку-жуку подняться с пола. Сзади на его рубашке лоснящееся коричневое пятно.

– Вот черт! – безропотно говорит он. – Думаю, нам лучше отсюда уйти. Скорее всего он сейчас вернется, да еще с друзьями. У него они наверняка есть, хотя объяснить это трудно.

– Да, конечно, – говорю я, – идемте.

Дорога представляет собой тоннель янтарного света. Мне никак не удастся вспомнить, в какой стороне мой дом, но это не кажется таким уж важным.

– Что будем делать? – спрашиваю я.

– Я бы еще чего-нибудь выпил, – говорит человек-жук.

Мы на пару топаем к светящейся вдали вывеске. И пока идем, она то словно приближается к нам, то отдаляется, но нам все же удастся до нее добраться – это автозаправка, торгующая в том числе и пивом, которое мы покупаем у сонного человека, ведающего здешним

магазином. Затем устраиваемся за столиком на обочине дороги у бензоколонок. Тихо. Лишь изредка мимо проезжают автомобили.

Я протягиваю человеку-жуку бумажную салфетку и говорю:

– У вас что-то с лицом.

Он без лишних слов его вытирает.

– Как странно, – говорю я, – мы с вами вместе пьем пиво.

– Думаю, так оно и есть, – отвечает он, – хотя между врачом и его пациентом, вполне очевидно, не должно происходить ничего подобного. Тед, вы и дальше будете приходить ко мне на сеансы?

– Ну да, – отвечаю я.

Разумеется, нет.

– Отлично. Я собирался поднять этот вопрос во время следующего сеанса, но... Понимаете, мне нужен ваш подлинный адрес. Это для нашей регистратуры. Я проверял: по тому, который вы мне дали, располагается даже не дом, а супермаркет.

– Я ошибся, – звучит мой ответ, – у меня порой явные нелады с цифрами.

Он лишь машет рукой, будто это не важно.

– А где живете *вы*? – спрашиваю я.

– Вам этого знать не положено, – резко бросает он.

– Почему тот парень решил, что его запонки у вас?

– Точно не знаю. Вы что же, думаете, я у него их украл?

– Нет, – отвечаю я, потому что действительно так не считаю, – а почему вы выбрали себе эту работу? Это же скучно – целыми часами только и делать, что слушать других.

– Порой да, – говорит он, – но таким образом я надеюсь узнать о вещах гораздо более интересных.

Какое-то время мы пьем пиво, но как долго, я сказать не могу. О чем-то говорим, однако слова в то же мгновение теряются в белом шуме. Время от времени по нашим лицам проносится свет автомобильных фар. Я чувствую, что очень его люблю.

Он наклоняется ко мне ниже.

– Сегодня очень многие видели, что мы ушли вместе. Сейчас на нас смотрит парень с заправки. Он запомнит вас. Вы из тех, кто запоминается.

– Это точно, – говорю я.

– А раз так, то давайте поговорим откровенно, – продолжает он, – почему вы перестали меня посещать?

– Потому что вы меня вылечили, – хихикаю я.

– И это после того, что вы выкинули? Всадили в ладонь ручку.

– У меня, похоже, довольно высокий болевой порог.

Человек-жук тихонько икает.

– Вы ведь здорово перепугались. И в спешке ретировались, в итоге даже не заметив, что я пошел за вами. Любите, чтобы к вам в дом никто не совался, да? Но ведь звуки заглушать сложно. Детские голоса такие пронзительные.

Мрак вдруг простреливает яркий, красный свет. Человек-жук уже не кажется таким пьяным, как до этого. У меня внутри поднимается какое-то жуткое чувство.

– На самом деле она вам не дочь, так? – спрашивает он. – Точно так же, как ваша кошка на самом деле не кошка. Вы посчитали себя большим хитрецом и вывели меня на разговор о диссоциативном расстройстве личности. Но ведь я, Тед, зарабатываю на жизнь тем, что читаю людей, как открытые книги. В основе ДРЛ лежит травма. Насилие. Скажите, по какой причине Лорен – или, если угодно, Оливия – никогда не выходит из дома?

Невероятным усилием я выдавливаю из себя смех, придаю голосу пьяное, дружелюбное звучание и говорю:

– Ума вам не занимать. Вечером вы проследили за мной до того бара?

– С тем парнем в туалете мне очень не повезло, – задумчиво произносит человек-жук, – иначе вы никогда ничего бы не узнали. Я слежу за вами уже не впервые.

Это же надо быть таким беспечным и слепым. Из-за этого он увидел мое истинное лицо.

– Вы вломились ко мне домой, – говорю я, – именно вы, а не та соседка, как мне казалось раньше. Но вы воспользовались другими гвоздями и тем самым допустили ошибку.

– Я понятия не имею, о чем таком вы говорите, – оскорбленно отвечает он.

И если бы я доподлинно не знал, что к чему, то наверняка бы ему поверил.

– Тед, для вас это шанс. Мы оба можем им воспользоваться.

– Как? – спрашиваю я. – Я не могу платить вам больше.

– Да денег хватит на нас обоих! На этом деле отлично заработаю не только я, но и вы! – говорит он и наклоняется ко мне ближе. – Видите ли, в жизни я планировал нечто большее дерьмовой врачебной практики, которая сводится единственно к тому, чтобы слушать рассказы домохозяек средних лет о том, как у них снизилась самооценка. Я был лучшим на курсе, понимаете? Да, в свое время у меня действительно возникли небольшие проблемы, но ведь лицензию мне в итоге вернули, понимаете? Я заслуживаю большего. Чем от меня отличаются эти ребята, книги которых возглавляют списки бестселлеров? Просто им представился шанс, не более того.

Повстречав вас, я сразу понял, что нашел нечто совершенно особенное – материал для своего собственного исследования. И месяцами размещал объявления об очень дешевых сеансах лечения. Как говорил мой отец, если достаточно долго ждать, зло обязательно появится. Мне подумалось, что вы можете дать мне то, чего я заслуживаю. В моей книге, Тед, вы главный персонаж. Только не волнуйтесь, ни одна живая душа не узнает, что это вы. Я назову вас совсем другим именем – Эдом Флегманом или вроде того. Мне надо только одно – чтобы вы были со мной честны. Честны по-настоящему.

– И что вы хотите от меня услышать?

Как же мне хочется заткнуть ему глотку. Сейчас придется сделать нечто такое, что мне совсем не нравится.

– Давайте начнем с самого начала, – произносит он. – Эта девочка, Лорен, или, если вам больше нравится, Оливия. Она у вас первая?

– В каком смысле?

– Она первая ваша «дочь»? – спрашивает он.

По его голосу я слышу, что это слово он взял в кавычки.

– Я правильно их назвал? Это ваши дочери? А может, жены? Или для вас это просто котята?..

– Идиот! – в ярости восклицаю я. – Мне казалось, что из нас двоих придурок я, а оказалось – ты.

Однако он все же достаточно умен для того, чтобы представлять опасность.

Человек-жук прищуривает налитые кровью глаза и спрашивает:

– Почему вы пошли в тот бар, Тед? За котенком?

Я хватаю его в охапку и шепчу на ухо:

– Не смей говорить мне, что я такое...

Он обдаёт меня вонью ошарашенной отрыжки. Я все крепче сжимаю его в объятиях, глубоко дыша и все сильнее прижимая к себе, пока не слышу скрежещущий хруст его грудной клетки. Человек-жук будто превращается в воду и разжимает руки. На стол падают два небольших предмета, отражаясь в лучах света. Это пара серебряных запонок, инкрустированных красными, как кровь, камнями, отсвечивающими неоновыми отблесками. Несколько мгновений я не свожу с них глаз, потом давлю его еще сильнее и шепчу на ухо:

– Да ты просто вор, крадешь все, что только можно, в том числе и мысли. А сам даже книгу написать не можешь.

Из его груди вырывается стон.

За моей спиной раздаётся крик, и из магазина кто-то выходит – тот самый сонный человек, у которого мы покупали пиво.

Я выпускаю человека-жука, и он кулем валится на стол. Потом бегу через дорогу в гостеприимные объятия леса. По лицу хлещут ветки, я спотыкаюсь, увязая по лодыжку в подстилке из опавших листьев. Не раз и не два падаю, но все равно не останавливаюсь, гоню себя дальше по устилающей землю скользкой листве, бегу и бегу домой. В груди рождается и рвется наружу крик, но я не даю ему воли – еще рано.

Когда за мной захлопывается дверь, я запираю ее дрожащими руками. Затем сжимаю кулаки и долго ору, пока не хрипнет голос, а горло не начинает терзать боль. Затем делаю несколько глубоких вдохов, сую в рот пару желтых таблеток и принимаю их, даже не запивая. Они с сухим щелчком сталкиваются друг с другом и застревают в горле, но я, хоть и с трудом, все же их проглатываю.

Не думаю, что человек-жук мертв. Мне надо молиться, чтобы он выжил. Ни для эмоций, ни для долгих приготовлений времени нет. Надо уходить.

Я быстро пакую вещи. Спальник, палатка, зажигалка. Таблетки для очистки воды, моток проволоки. Собираю все консервы, какие только есть в доме. Их совсем немного. Персики, черная фасоль, супы. На несколько мгновений мой взгляд задерживается на бутылке бурбона, после чего я тоже беру ее с собой. Потом сую мои самые теплые свитера. Когда мешок набит битком, надеваю одну поверх

другой две куртки и две пары носков. Так будет слишком жарко, но приходится напяливать на себя все, что нельзя унести в руках. Рассовываю по карманам громыхающие в янтарных тюбиках таблетки. Если когда-то и нужно сохранять спокойствие, то сегодня как раз такой день.

Затем я иду в сад и выкапываю нож. Отряхиваю его от земли и цепляю на пояс.

Оливия

В глубины моего сна проникает голос Лорен. В нем слышатся панические нотки.

– Помоги, – шипит она, – Оливия, он нас уносит.

Я повожу ушком. В окружающем меня мраке не слышно ни звука. Мне снились свежие сливки, от чего мне было очень приятно. Поэтому моя восприимчивость в данный момент отнюдь не на высоте.

– Что?

– Тед, – продолжает она, – он собирается утащить нас в лес. Ты должна помочь.

– Что ты говоришь! – холодно возражаю я. – Ты же сама назвала меня просто глупой кошкой. И помощи от меня, боюсь, не может быть никакой.

– Пожалуйста, – говорит она, – ты должна нам помочь. Мне страшно.

Ее голос напоминает скрежет чего-то твердого по стеклу.

– Прошу тебя, Оливия. Он прямо сейчас превратит нас в богов. Это наш последний шанс.

– Меня же на самом деле нет, – отвечаю я, – так что это, похоже, твоя проблема.

Она плачет, из ее груди вырываются судорожные, сдавленные рыдания.

– Да как ты не поймешь! Если он убьет меня, умрешь и ты! Я не хочу умирать.

Лорен хлюпает носом, и мне, помимо моей воли, становится ее жаль. Она ведь всего лишь обиженный, увечный ребенок. И сама не знает, что говорит.

– Ладно, попробую, – медленно говорю я, – но обещать ничего не буду. А теперь оставь меня в покое, мне нужно сосредоточиться.

По обыкновению, все полагаются на чертову кошку. Если честно, то все эти теды, на хрен, *ни на что не годятся*.

Я скрючиваюсь во тьме. Надеюсь, это поможет. Раньше ящик представлял собой что-то вроде двери между Лорен и мной. Возможно,

ее можно открыть опять. Прислушиваюсь к звукам дома – капающему крану, поскрипывающим доскам, мухе, попавшей в плен между фанерой и стеклом. Вдыхаю запах линолеума на кухне и освежителя воздуха, которым пользуется Тед, когда о нем вспоминает. Втягиваю и выпускаю коготки, раскрывающиеся плавным, изумительным веером. Не хочу иметь руки и ходить в уродливом костюме тедов. Это ужасно. Наверное.

«Теперь пора», – едва слышно произношу я.

Затем поднимаю глаза на лестничную площадку и стараюсь думать о чем-нибудь, что люблю. Вспоминаю о Боге и размышляю о сливках, густой, белой пленкой обволакивавших во сне мой язык. Бью хвостиком и шевелю усами. Мои мысли буквально повсюду.

«Давай», – шепчу я, закрывая глаза.

Не могу думать ни о чем, кроме Лорен. Не о ее внешности, потому как мне ни разу не привелось ее видеть. Размышляю о том, какой она показала себя умной, продумав план нашего спасения, и как она меня порой раздражает, в особенности когда называет *глупой кошкой*.

Но все остается без изменений. Ничего хорошего в этом нет. Я же старалась, как могла! Нет, мне и в самом деле лучше опять вздремнуть. Вокруг происходит много всяких мерзостей, поэтому лучше всего лечь и спать до тех пор, пока они не прекратятся.

Но каждый раз, когда закрываются мои глаза и мне хочется провалиться обратно в уютную дрему, в тельце повсюду вонзаются иголки сомнений и опять будят.

– Все, что можно, мной уже перепробовано, – вслух говорю я, – и ничего больше сделать уже нельзя.

Но при этом чувствую, что Мрак придерживается другого мнения, и горестно урчу, зная, что Господь порицает нечестность.

Я налегаю головкой на дверцу морозильника, и она на дюйм приподнимается. Меня приветствует полоска ослепительного света.

Выбравшись наружу, я тотчас слышу крики Лорен. Ее голос заполняет собой стены и бежит под моими лапками по ковру. Ее страх просачивается через дырочки в фанере и льется из водопроводного крана на кухне. Ей надо помочь.

Мысль о том, чтобы забраться в этот мешок, который называется Лорен, повергает меня в ужас. Мой хвостик напрягается от отвращения. Какой позор! Гладкая, розовая, свинячья кожа вместо

моей прелестной шубки. А вместо лапок эти гадкие штуковины! Я шиплю, напуганная столь жестокой сокровенностью. Но Лорен на меня рассчитывает. *Думай, кошка.*

Я подхожу к Библии и сталкиваю ее со стола. Когда она с грохотом падает на пол, содрогается весь дом. Как эхо, только громче.

«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят»^[5].

Будь оно все проклято. Как же иногда раздражает собственная правота. С некоторых пор в моей голове зреет идея. Я, может, и правда только домашняя кошка, но повидала множество ликов Господа и ведаю, что в мире существуют самые странные вещи. Лорен думает, что знает все на свете, но это не так. Ведь мы – это вам не лестница. Мы больше похожи на ту жуткую матрешку с каминной полки. Потому что я помещаюсь в Лорен, а она во мне. И стоит ударить по одной, как отголоски отражаются на всех остальных.

Думай, да думай же ты!

Открыв дверцу холодильника, я была в ярости. Наверное, даже больше, чем когда-либо. И не чувствовала соединявшей нас с Тедом веревочки. Я стала собой и осталась одна.

Поэтому довожу себя до белого каления. Это совсем нетрудно. Я думаю о Теде и о том, что он сотворил с Лорен. Размышлять об этом ой как непросто. Какая же я все-таки глупая кошка – в чем в чем, а в этом она точно была права. Я верила в его ложь и не желала знать правду. Хотела только спать, а еще чтобы меня гладили. Вела себя как последняя трусиха. Но больше так не хочу. И обязательно ее спасу.

Мой хвостик становится дыбом, превращаясь в яростный гвоздь, и стегает хлыстом. На его кончике зажигается огонь, бежит по всей длине и забирается в меня. Когда Лорен причиняет мне боль, я тоже ощущаю жар, но совсем другой. Это же чувство я сотворила сама. И этот огонь мой.

Стены ходят ходуном. Где-то вдали слышится жуткий звук, но через мгновение уже окружает меня со всех сторон. Холл идет рябью, как изображение скверного качества на телевизоре. Морем колыхается пол.

Я мяукаю и мягко скольжу к входной двери. Да, мне хватило решимости проявить храбрость, но из этого еще не следует, что в моей душе нет страха. Есть, да еще какой. То, что мне обычно видно через дырочку в фанере, еще не улица. Теперь я это понимаю. И с содроганием вижу, что ни один из трех замков не заперт. Дверь, соответственно, тоже. Мне не нужно никуда подниматься, надо лишь выйти наружу. А как войти в дом или выйти из него, знает любой дурак. Я недовольно, тихонько урчу. Потом встаю на задние лапки и налегаю лапками на дверную ручку. Створка распаивается, и меня встречает белое пламя. Оно слепит глаза – это примерно то же, что оказаться внутри звезды. Веревочка превращается в огненную линию, обжигающую мне шею. Что же теперь будет? Может, мне суждено сгореть? Где-то я на это даже надеюсь. И понятия не имею, что ждет меня снаружи.

Выхожу из дома. Веревочка полыхает раскаленной печью, окружая меня горнилом белого жара. Мир дыбится и взмывается в воздух. Слепящие звезды усасывают меня в пустоту. К горлу подкатывает тошнота, я задыхаюсь и давлюсь. Вселенная выдавливает из легких весь воздух.

Но вот ослепительная белизна отступает; звезды скукоживаются до размера небольших дыр в раскаленной темноте, через которые мне видны проблески движения, красок и бледного света. Похоже, это луна. Так вот как она выглядит.

Мир раскачивается из стороны в сторону, будто челн на штормовом море. В ноздри набивается знакомый запах Теда. Он несет нас на спине, то ли в мешке, то ли в сумке. Там тоже проделаны дырочки, надо думать, для доступа воздуха. Я слишком большая. Кожа у меня голая и безволосая, как у червяка. Вместо лапок – длинные, мясистые пауки. Нос из восхитительного, бархатистого бугорка превратился в жуткий остроконечный нарост. Но хуже всего хвост, от которого не осталось ровным счетом ничего.

О господи. Я извиваюсь, но не могу даже пошевелиться. Думаю, нас каким-то образом обездвижили, скорее всего связали. Отовсюду доносятся звуки. Листья, совы, лягушки. И что-то еще, чему у меня даже нет названия. Причем с ясностью, которой я в жизни не слышала. Воздух тоже другой. Это чувствуется даже в мешке. Он холоднее, как-то острее, и не стоит на месте, а движется.

Лорен плачет, и я чувствую, как через полую грудную клетку, совсем мне чужую, наружу рвутся ее рыдания. Чувствую, как из моих крохотных, полуслепых глаз брызжут слезы. Все это просто ужасно – как я и предполагала.

– У меня все получилось, я в твоём теле, – безмолвно звучат мои слова.

– Спасибо, Оливия.

Она крепко меня обнимает, я тоже прижимаю ее к себе.

– Лорен, а почему воздух здесь движется, будто живой?

– Это ветер... – шепчет в ответ она. – Ветер, Оливия. Мы под открытым небом.

Господи. Боже праведный. На миг меня настолько переполняют чувства, что я не могу думать. Потом спрашиваю:

– А где именно?

– В лесу, – отвечает она, – чувствуешь его запах?

Когда Лорен произносит эти слова, мне в нос тоже бьет аромат. Невероятно. В нём все – минералы, жуки, холодная вода, нагревшаяся от зноя земля и деревья. Боже, это действительно запах деревьев. Вблизи он воспринимается симфонией. Мне такое даже во сне присниться не могло.

– У него с собой нож. – произносит Лорен. – Представляешь, он его закопал.

– Может, он просто взял нас с собой на прогулку? – с надеждой в голосе говорю я. – А нож прихватил, потому что боится медведей.

– Котята никогда не возвращаются обратно из леса, – возражает на это она.

Потом мы молчим. Больше всего мне хочется оказаться под какой-нибудь крышей. Но Лорен нельзя оставлять одну, так что надо храбриться.

Тед где-то с час идет по пересеченной местности. Взбирается на крутые склоны, переходит вброд ручьи, шагает по долинам и холмам. Вскоре мы оказываемся среди дикой природы.

Он останавливается в каком-то месте, где пахнет камнями, где деревья разговаривают друг с другом, перекрывая шум бегущей воды. Насколько мне видно в крохотную дырочку у горловины мешка, это неглубокий овраг с водопадом на конце.

Тед разбивает лагерь, каждое его движение сопровождается то хрустом, то стоном. Через темную, заточившую нас ткань мерцает свет. Огонь. Наверху ласково поглаживает листья бриз. Хотя видно мне совсем немного, я нутром чувствую огромность окружающего нас пространства. Под напором ветра рушатся облака.

– Как хорошо было бы никогда не знать этой правды, – говорю я Лорен, – на открытом воздухе мне страшно. Здесь и в помине нет стен. Этому простору нет ни конца, ни края. И далеко он простирается, этот мир?

– Он круглый, – отвечает она, – и поэтому тянется до тех пор, пока не возвращается обратно к тебе.

– Какой кошмар, – говорю я, – хуже этого мне в жизни ничего не приходилось слышать. О Господи, спаси и сохрани...

– Сосредоточься, Оливия, – велит она.

– Он вообще выпустит нас из этого мешка? – спрашиваю я. – Скажем, пописать, или чего-нибудь еще?

– Нет, – отвечает Лорен, – не думаю.

Я слышу, как в ее голове яростно проносятся мысли.

– План немного изменился, – шепчет она. – Только и всего. Согласно обстоятельствам. У него сейчас нож. Я чувствую его у него на бедре. Ты хватаешь его и убиваешь им Теда. В принципе то же самое, только еще лучше, потому как мы в самой дикой глуши, где ему никто не придет на помощь. И этот план может сработать. Как думаешь?

Уж не приложилась ли она к Тедову бурбону? А то говорит в точности так, как он, когда выпьет. Страх, похоже, может коверкать слова не хуже спиртного.

Я думаю о нашем теле – слабом и немощном против крепкого и сильного Тедова. Холодными пальцами мою шерстку гладит ветер. Я вдыхаю его в себя и чувствую, какой он одновременно молодой и старый. Может, это мое последнее в жизни ощущение?

– Ветер прекрасен, – говорю я, – и мне приятно его наконец ощутить. Еще мне хотелось бы попробовать настоящей рыбы.

– Я бы тоже хотела, чтобы ты ее попробовала, – отвечает она.

– У меня не получится этого сделать, Лорен. Я думала, что смогу, но вижу, что нет.

– Это ведь не только ради нас, Оливия, – говорит она, – но и ради него. Думаешь, ему самому хочется таким быть? Думаешь, он счастлив быть чудовищем? Тед ведь тоже узник. И ты, кошка, должна ему помочь. В самый последний раз.

– Какой кошмар... – говорю я.

– Ну что ж, будь по-твоему... – кротко и покорно говорит Лорен. – Может, все еще и обойдется.

Я думаю о круглом мире, о том, что, если по нему достаточно долго ехать, рано или поздно вернешься на то же место.

«Наберись храбрости, киса, – шепчу я себе, – ведь именно для этого тебя сюда привел Господь».

Затем делаю глубокий вдох и говорю:

– Хорошо, я все сделаю. Схвачу нож и убью его.

– Умница, – отвечает она, и я слышу, как часто она начинает дышать, – но действуй быстро, потому что шанс у тебя будет только один.

– Знаю.

Внизу во тьме рычит Мрак. Когда он напрягает мышцы, дабы разорвать свои оковы, я чувствую, как извиваются его мускулистые бока.

– Чего тебе? – спрашиваю я, стараясь не тратить лишних слов. – У меня дела и на тебя в данный момент совершенно нет времени.

Его ответ звенит в моих ушах диким ревом, сотрясая весь позвоночник. «Пришел мой час, пришел мой час, пришел мой час», – беснуется он. Но я пригвоздила его крепко-накрепко, так что ему не вырваться.

Тед неутомим. И держит нас при себе, привязав к спине. Жарко полыхает огонь, прокалывая мешок красными, острыми иглами света. Когда он тихо разговаривает с собой, я чувствую рокот его голоса.

– Мамочка, ты еще здесь?

Когда рассвет вот-вот собирается сокрушить ночной мрак, он наконец проваливается в беспокойный сон. Я чувствую его глубокое дыхание. Он спокоен. Наверху его выдохи вбирает в себя небо.

– Ты что-нибудь видишь? – спрашиваю я.

– Он у него в левой руке, – шепчет она.

Я тяну к нему нашу ладонь. Пользоваться рукой просто отвратительно – примерно то же, что носить перчатки из гнилого мяса. Я беру из его вялой ладони нож и понимаю, что он легче, чем мне казалось. Потом перегибаюсь через Теда и вонзаю его ему в живот. Острие входит в плоть с таким же хрустом, который издает яблоко, если его надкусить. Я думала, что его плоть будет мягкой и податливой, но внутри Тед представляет собой целое нагромождение внутренностей и тканей. Нож натывается на сопротивление, воткнуть его очень трудно. Все даже ужаснее, чем можно было себе представить. Я плачу, но почти этого не слышу, потому как все звуки перекрывает вопль Теда. От его крика с соседнего куста срывается птица и взмывает ввысь в небо. Как бы мне хотелось улететь вместе с ней.

Перво-наперво приходит боль. От нее в нашем теле воспаляется каждый нерв. Рушится черный занавес, и мы с Лорен падаем, утыкаясь лицом в жесткую лесную подстилку, а щекой врезаясь в липкое месиво из веточек и листвы. Мы наполовину лежим в ручье, по ногам течет холодная вода. Сердце в груди пыхтит, как автомобиль, который еще чуть-чуть и заглохнет.

– Лорен? – говорю я. – А почему у нас идет кровь? И почему мы не можем встать?

Ди ставит магнитофон на стол. Найти его оказалось далеко не просто. Ни один магазин по продаже электроники ими больше не торгует. Кончилось тем, что она заплатила за него заоблачную цену в магазине по продаже виниловых дисков в центре города.

Она вставляет кассету и дрожащим пальцем нажимает клавишу воспроизведения. «Прошу вас, придите сюда и арестуйте Теда, – произносит тихий, взволнованный голос. – За убийство и другие преступления. Я знаю, в этом штате существует смертная казнь».

Запись длится недолго, всего лишь с минуту. Ди слушает ее затаив дыхание. Затем перематывает обратно и слушает опять. Потом проматывает вперед и слушает снова, на тот случай, если там записано что-то еще. Но это лишь записи какой-то студентки, изучающей медицину. Женщины, которая говорит с легким акцентом, который невозможно определить. Ее голос напоминает звонкий колокольчик.

Ди откидывается на спинку стула. Это Лулу. Да, повзрослевшая, но она не может не узнать интонации сестры. Теперь, в тот самый момент, когда у нее появились доказательства, она не знает, что делать. Девушка кладет руку на гулко бьющееся в груди сердце, которое словно раздулось и готово вот-вот лопнуть.

Обо всем этом надо рассказать замотанной Кэрен, а заодно и отдать кассету. Она обязательно так и сделает, как только сможет поднять голову от рук.

Снаружи доносится знакомый звук. *Щелк, щелк, щелк.* Тело Ди наливаются электричеством. Она подходит к потемневшему окну и видит вышедшего на задний двор Теда. Он на миг замирает, прислушивается и смотрит по сторонам. Ди стоит неподвижно, как столб, надеясь, что лунный свет, отражающийся от оконного стекла, скроет ее силуэт. Ее ожидания, по-видимому, оправдываются, потому как Тед кивает себе головой, направляется к спутанным зарослям бузины, заполонившим весь восточный угол двора, и начинает руками рыть землю.

Потом достает из нее какой-то предмет, отряхивает его от налипших комьев и на миг вытаскивает из ножен. Длинный, охотничий

нож. Лунный свет поблескивает на его лезвии. Тед вешает его на пояс и идет в дом.

А когда через несколько минут выходит обратно, на спине у него мешок. Он медленно уходит со двора и направляется в лес. Когда Ди смотрит на него, ей кажется, что в мешке что-то шевелится. Да, несмотря на тусклый свет, она совершенно в этом уверена.

У девушки проясняется в голове. Все вокруг приобретает холодные, жесткие очертания. На Кэрен нет времени. Лулу надо спасти – а заодно разобраться с монстром. «Кончай с этим, Ди Ди», – думает она.

Затем подбегает к шкафу, хватая аэрозольный баллончик люминесцентной краски, гвоздодер и прочные, защищающие от змей ботинки, купленные как раз для такого случая. Надевает толстовку с капюшоном, куртку и дрожащими руками завязывает шнурки. После чего выходит из дома и тихонько закрывает за собой дверь, как раз вовремя для того, чтобы заметить скрывающегося за деревьями Теда. В ночном воздухе пляшет луч его фонаря.

Ди пригибается к земле и бесшумным шагом бежит за ним. На этот раз ее уже ничто не остановит.

Углубившись в лес на пятьдесят футов, где сквозь ветки порой еще пробивается свет уличных фонарей, она останавливается и помечает ствол березы желтой светоотражающей краской. Ветки касаются ее лица, хватают за ноги и стараются не пустить дальше. Ночью лес становится скользким и липким. Ди изо всех сил пытается успокоить дыхание.

В ее голове снова и снова звучат слова, которые она слышала на кассете. «*Оставив после себя лишь тихий мрак*». Лулу.

Тед сходит с тропы, луну над головой затмевают простирающиеся во все стороны ветки. Ди метит стволы деревьев каждые пятьдесят футов. И не теряет из виду фонарь Теда, с такой силой на нем сосредоточившись, что для нее он превращается в звездное сияние. А немного погода чувствует, что лес изменился. Та его часть, где гуляют семьями, осталась позади. Здесь вступает во владения дикая природа, бродят медведи и никогда не смогут найти кости пропавших туристов.

Шелест листьев под ногами теперь напоминает ей звук погремушки на извивающемся по земле хвосте. «ЗАТКНИСЬ! –

обессиленно думает она. – НИКАКИХ ЧЕРТОВЫХ ГРЕМУЧИХ ЗМЕЙ ЗДЕСЬ НЕТ!» Интересно, сколько же ее держит в плену страх? Долгие, долгие годы. Теперь пришло время от него избавиться.

Ди оступается на покрытой грязью ветке. Но та скользит под ее ногой упругим, мускулистым движением. И в этот момент луч фонаря выхватывает ее из мрака на лесной подстилке, прямо у большого пальца на правой ноге. Ромбический узор ей прекрасно знаком. Как и негромкое, резкое дребезжание, похожее на перекачивание зерен риса в пакете. С ужасающей грацией змея медленно поднимает голову и готовится нанести удар, ее глаза сверкают двумя зелеными огоньками. Молодая, около четырех футов в длину. Луч фонаря Ди, как сумасшедший, пляшет на груди камней позади, где пресмыкающееся скорее всего устроило себе дом.

По жилам девушки чернилами разливается страх. Она пытается закричать, но из груди вырывается лишь негромкий свист. Голова змеи раскачивается из стороны в сторону. Может, она только вышла из спячки и еще вялая, может, ее ослепил свет фонаря, но благодаря этому Ди получает миг, который ей так необходим.

В упор светя на нее фонарем, девушка делает шаг вперед и замахивается. Если промахнется – она труп. Гвоздодер с хрустом врезается в тупую, раскачивающуюся голову змеи. После второго удара пресмыкающееся безвольной массой падает на лесную подстилку. Ди склоняется над ней, едва переводя дух, и шепчет: «Получи».

Затем тычет в длинное тело пальцем. Теперь оно безжизненное, бессильное и холодное на ощупь. Ди берет убитую змею, желая запечатлеть эту картину в памяти на всю жизнь.

– А сделаю-ка я из тебя ремень, – говорит она.

По ее телу прокатывается волна радости, она чувствует себя преображенной.

Когда она поднимает мертвую змею, собираясь положить ее в карман, у пресмыкающегося поворачивается голова. Будто при замедленном воспроизведении Ди видит, как та делает выпад, вонзает в ее предплечье свои клыки, и чувствует, как в безмолвном крике у нее самой открывается рот. Затем трясет рукой, пытаясь сбросить ее с себя. Длинное, безвольное тело тоже трясется, своим стремительным дерганьем изображая жизнь. Какая-то его частичка пережила смерть. В

месте укуса полыхает боль. Но она ничто по сравнению с ужасом, охватывающим Ди при виде твари, прилепившейся к ней чудовищным придатком ее собственного организма.

Наконец девушка просовывает гвоздодер между обжатых смертью челюстей и размыкает их. В свете фонаря клыки выглядят бледными и прозрачными. Она хватает покореженное тело и зашвыривает его как можно дальше в лес.

В ее груди что-то булькает. «Не ори», – приказывает она себе. Но это лишь смех, от которого девушка кашляет, задыхаясь и жадно хватая ртом воздух. По ее лицу текут слезы. В конце концов, змеи *больше нет*.

У нее нет ни малейшего желания смотреть, но придется. Плоть вокруг укуса уже распухла и побледнела, как недельной давности синяк. «Кончай со всем этим, Ди Ди». Все еще хихикая, она отрывает рукав, чтобы он не так давил на раздувшуюся плоть. До ближайшего пункта скорой помощи добрый час ходьбы. Поэтому ей не остается ничего другого, кроме как идти дальше вперед и довести начатое до конца. Далеко впереди меж деревьев пляшет луч фонаря Теда. Невероятно, но встреча с гремучей змеей отняла у нее меньше минуты. Спотыкаясь, Ди бредет, ориентируясь на его свет.

Ее постепенно одолевает дурнота. Но есть и кое-что еще. У нее на глазах деревья будто становятся белее, а между их стволов носятся красные птицы. Задыхаясь, она моргает глазами, пытаясь избавиться от досаждающего ей видения. Это не сон. Никакого гнезда из человеческих волос нет. Ее руки пульсируют, будто обзавелись своим собственным сердцем. Ей известно, что после укуса змеи человеку лучше не двигаться, потому что от этого по всему телу растекается яд. «Слишком поздно, – думает Ди, – он уже давным-давно меня одолел».

Она шагает за Тедом на запад, выключив фонарик, – в небе достаточно ярко светит луна. Он забирается в лес все дальше и дальше. Ему, пожалуй, нелегко выдерживать такой темп со всей этой поклажей на спине. Которая к тому же, вполне возможно, брыкается и пытается ему противостоять.

Пальцами здоровой руки девушка нащупывает в кармане гвоздодер, липкий от подсыхающей змеиной крови. Ди вся горит; в ее груди беснуется гнев, вылизывая все внутренности. Тед за это заплатит. Каждые пятьдесят футов она метит очередное дерево желтой

светоотражающей краской. Ей не остается ничего другого, кроме как верить, что обратно она вернется уже с сестрой.

Ди подбирается к нему ближе, насколько хватает смелости. Но, несмотря на это, все равно теряет его из виду. Впереди прыгает луч фонаря, но уже в следующий миг его нигде не видно. Земля под ее ногами круто уходит вниз, Ди спотыкается, ее охватывает паника. Но уже в следующий миг вновь напоминает о себе логика. Девушка слышит, что где-то внизу бежит вода. Там он, по-видимому, и остановится. Близится рассвет, запах которого чувствуется в воздухе. Ди прислоняется к скользкому от влаги стволу дерева и делает вдох. Ей надо лишь еще немного сохранять терпение. В темноте можно упасть, а рисковать ей нельзя. Так что надо дождаться восхода солнца. Ей известно, что надолго он не задержится.

Хмурый рассвет окрашивает мир в цвета сплава олова со свинцом. Ди нетвердой походкой спускается вниз по каменистому склону, ориентируясь на звук воды. И вскоре оказывается у входа в глубокое ущелье, на дне которого по камням бежит сердитый серебристый ручей. Рядом с узким, рвущимся вперед потоком воды лежит спальный мешок, разверстый, будто дряблый рот. Над умирающим костром в серый, рассветный воздух поднимаются струйки дыма.

Так вот оно какое, его воскресное убежище. Теперь, когда пробил час, Ди охватывает какое-то торжественное чувство. Все происходящее чуть ли не приобретает в ее глазах черты святости, потому как вскоре очень многое подойдет к концу.

Вся дрожа, она спускается все ниже. Рука отяжелела, как камень, змеиный яд тянет ее вниз. На камнях у ручья виднеются какие-то темные брызги. Кровь. Здесь явно что-то произошло.

След из подсыхающих капелек крови ведет девушку в березовую рощу. «Все правильно, – думает она, – чувствуя приближение смерти, зверь обязательно прячется». Только вот какой из них – Тед или Лулу? Этот тусклый, пробивающийся сквозь ветви деревьев и лежащийся пятнами на землю свет ей знаком. Как и тихое перешептывание листьев. Такое уже было с ней и раньше. Она вошла в лес, а когда вернулась обратно, кто-то умер. Тот раз накладывается на этот, будто рисунок на бумажной кальке. Ну да, это же было в тот летний день у

озера. И там были сосны, а не серебристые березы. Она напрочь глушит эти мысли статическими помехами.

Тела Ди сначала не видит. Потом вдруг замечает наполовину сорванный с ноги туристический ботинок, торчащий из зарослей колючего кустарника. Тед лежит лицом вниз, скрючившись под углом. Из его рта вытекает темная жидкость. «Ого, она сбежала, а он мертв», – думает она, и по всему ее естеству разливается радость. И тут ей в голову приходит другая мысль: «Но ведь это я собиралась его убить».

Тед стонет и поворачивается – медленно, как вращающийся вокруг своей оси мир. Грязь и лиственный перегной покрывают его плоть мрачной татуировкой. Из его живота все еще торчит нож. Вокруг него пузырится кровь, ее поблескивающий в рассветных лучах поток толчками вырывается наружу. Когда он видит ее, на его лице отражается чуть ли не комичное удивление. Тед даже не догадывается, сколь хорошо она его знает, как пристально за ним наблюдала и как тесно переплелись их судьбы.

– Помоги мне, – говорит он, потом смотрит на ее руку. – Ты тоже ранена?

– Гремучая змея, – рассеянно отвечает Ди и зачарованно смотрит на него.

Теперь ей известно, что чувствует змея, подбираясь к мышке.

– В моем мешке, у ручья, хирургический клей. Там же и отсасыватель змеиного яда. Хотя я не знаю, работает он или нет.

То обстоятельство, что в такой момент он сосредоточил свои мысли на ее благополучии, кажется ей просто чудом. Ах да, конечно же, Тед ведь нуждается в ней, полагая, что она ему поможет.

– Я посмотрю, как ты будешь подышать, – говорит она и в этот момент видит, что по его лицу разливается недоверие.

– Но почему? – шепчет он.

В уголке его рта тонкой струйкой стекает кровь.

– Потому что именно это ты и заслужил, – отвечает Ди, – хотя после всего, что ты сделал, ты заслуживаешь куда худшего.

Она смотрит по сторонам, вглядываясь в мутный от утреннего тумана воздух. Меж деревьев нет ни малейшего движения.

– Где она? – спрашивает Ди. – Скажи мне, где она, и я прикончу тебя по-быстрому. Помогу умереть.

Она представляет, как Лулу в одиночку дрожит от страха под этим огромным, безразличным небом. Потом несколько раз проводит у него перед глазами пальцем, за которым он следит взором. После чего говорит:

– Твое время на исходе... Тик-так, тик-так...

Тед ловит ртом воздух, на его губах вскипают красные пузыри. С губ слетает какой-то звук, и Ди понимает, что он плачет.

– Как же тебе себя жалко! – в ярости восклицает она. – А вот для нее в твоей душе жалости не нашлось!

Девушка поднимается на ноги, мир вокруг нее качается и по краям приобретает серые очертания, но она все же обретает равновесие.

– Я сама ее найду.

Лулу вернется домой и будет жить с ней. Ди хватит терпения, чтобы исцелить ее, пусть даже на это уйдут долгие годы, сколько потребуется. Они друг друга вылечат.

– Сдохни, чудовище, – говорит она и поворачивается к звуку водопада, к дневному свету, к пробивающемуся золотом из-за тучки солнцу.

За ее спиной тихо шепчет девочка:

– Не называй его так.

Ди оборачивается, вся трепещет. Кроме нее и умирающего мужчины, рядом никого нет.

– Он не чудовище, – произносит девичий голосок, срывающийся с посиневших губ Теда.

Тот самый, который она слышала на кассете.

– Мне пришлось его убить – но это наше с папой дело, и ты к нему не имеешь никакого отношения.

– Кто ты? – спрашивает Ди, и в этот момент ее оглушает стремительное хлопанье красных крыльев.

– Лорен, – устами взрослого мужчины произносит маленькая девочка.

– Даже не пытайся меня дурачить, – твердо отвечает Ди, считая, что это скорее всего какая-то галлюцинация, побочный эффект действия змеиного яда, – он забрал Лулу. А теперь без конца забирает других девочек.

Либо так, либо все вообще теряет всякий смысл.

– Он никогда ничего такого не делал, – продолжает девочка, – мы с ним одно целое: он часть меня, а я часть его.

Когда Ди ковыляет к телу Теда, мир угрожающе кренится на одну сторону.

– Тссс... – произносит она. – Молчи, ты ведь ненастоящая.

После чего зажимает ему ладонью нос и рот. Он извивается, пытается дать ей отпор, сучит ногами, сгребая пятками листья и грязь. Руку она отнимает, только когда Тед затихает. За всей этой грязью определить трудно, но Ди кажется, что он больше не дышит. Она встает, измученная, как сама смерть. Мир по краям сереет еще больше. Рука раздулась, почернела и приобрела нездоровый блеск.

Сквозь клочья белого тумана она ковыляет к Тедову рюкзаку и достает из него желтую аптечку. Змея на ее этикетке поднимает голову, девушка вздрагивает и задыхается. Инструкция по применению расплывается в глазах. Ди накладывает жгут и прикладывает отсасыватель к отверстию раны. Плоть в этом месте распухла, почернела и болит. Она выкачивает кровь, которая заполняет полость. Может, это и самовнушение, но от этого ей уже становится лучше, мир вокруг шатается не так угрожающе, в голове проясняется. Ди еще пару раз выкачивает кровь и встает. Должно сработать.

Увидев торчащий из кармана рюкзака хирургический клей, она хватает его, бросает в стремительный ручей и шепчет:

– На всякий случай...

Что ни говори, а даже дохлые змеи кусаются.

Ди думает о своей руке, которой она зажала Теду нос и рот, и прилагает отчаянные усилия, чтобы сделать вдох. Нет-нет, все в порядке, он ведь это заслужил. Все будет хорошо. А что касается голоса маленькой девочки, которым вдруг заговорил взрослый мужчина, то это была лишь вызванная ядом галлюцинация. У нее туманится взор, но она все равно терпеливо продолжает поиски – до тех пор, пока не видит вдали на стволе дерева желтое пятно, указывающее на путь из этого ущелья. Ди направляется к нему, едва переставляя ноги. Она найдет Лулу, даст ей дом, они заживут счастливо и будут собирать красивые камешки. Но только не у озера. Там – никогда.

– Я иду к тебе, Лулу, – шепчет она.

Девушка с трудом тащится через лес, продираясь через столбы света и тьмы. За ее спиной лает собака, и она еще быстрее идет вперед.

Оливия

– Это не твое тело, Лорен, – сквозь слезы говорю я, – а его. Мы с тобой живем в теле Теда.

– Верно, – со вздохом говорит она, – только продлится это, слава богу, уже недолго.

– Но почему? Почему? – сердито, будто кошка, мявкаю я. – Ты подговорила меня нас убить. Нас всех.

– Мне требовалась твоя помощь, чтобы положить всему этому конец. Сама я ничего сделать уже не могла.

Я считала себя такой умной, но Лорен с такой легкостью подвела меня по задуманному ею пути к нынешнему дню, к нашей смерти.

– Ты наврала мне, – говорю я, – уксус, морозильник, все это была ложь...

– Все это чистая правда, – возражает она, – хотя это все происходило одновременно и со мной, и с ним. Ты даже не представляешь, через что мы прошли. Жизнь, Оливия, длинный тоннель, а свет маячит только в самом его конце.

Теперь я вижу ее своим мысленным взором. Лорен худенькая, с большими карими глазами. И все, что она говорила о своем теле, правда.

– Убийца, – говорю ей я.

Где-то рядом тяжело дышит Тед. Нотки, пробивающиеся в этом влажном, багрово-красном посвисте, хуже некуда. Он отнимает от раны на животе руку, и мы все смотрим, как по его ладони течет наша горячая, скользкая, ужасная кровь. Когда она капает вниз, ее вбирает в себя земля. Тело Теда – наше тело – теряет последние силы.

– Ох, Тед, – говорю я, пытаюсь до него дотянуться, – прости меня, я так перед тобой виновата. Прошу тебя, прости, я не хотела сделать тебе больно.

– Ты не можешь причинить ему боль, – говорит Лорен вроде шепотом, но на самом деле криком, – всю его боль мы забрали себе: ты из сердца, я из тела.

– Да замолчи ты, – отвечаю я, – ты уже и без того наговорила много чего лишнего.

Потом обращаюсь к нему:

– Тед? Тед? Как мне все исправить?

Из его рта вытекает тоненькая струйка крови. Слова у него получаются невнятные, но я хорошо знаю его, чтобы понять.

– Послушай их, – говорит он.

Занимается заря, вокруг нас повсюду поют птицы.

Белая, гибкая веревочка соединяет нас троих, сердце к сердцу, наливаясь ярким светом. Потом становится все ослепительнее, стелется по земле, и я наконец вижу, что в действительности веревочка пронизывает не только нас, но и деревья, птиц, траву и все сущее, что только есть на белом свете. Где-то лает большая собака.

На небе вошло солнце. Воздух теплеет и переливается золотистыми оттенками. Бог здесь, прямо передо мной, явился сгустком обжигающего пламени. У него четыре изящные лапки и тихий голос. «Кошка, – говорит он, – тебе полагалось его защитить». Я не осмеливаюсь поднять глаза и посмотреть Господу в лицо. Знаю, что сегодня оно будет моим собственным.

Тед

Надо мной склонился размытый силуэт, прижав руки к дырке в моем животе. Его теплое дыхание щекочет мне ухо. Он давит все сильнее и сильнее, но меж его пальцев все равно сочится липкая кровь. Силуэт тихо про себя ругается и пытается вытащить меня из черноты в залитое солнцем утро.

Можно было бы сказать ему, что все плохо. Мы умираем, наша плоть остывает и превращается в тлен. И каждый из нас чувствует, как это происходит. Кровь выходит из нас медленными толчками, выплескивая на лесную почву наши краски и мысли; каждый вдох медленнее предыдущего и дается все тяжелее, с каждым из них из нас уходит частичка тепла. Уверенный ритм сердца ломается, и теперь его биение больше напоминает игру маленького котенка или же треснувший барабан: все тише, все сбивчивее.

Времени на прощания нет, осталась лишь холодная неподвижность, которая вползает в наши пальцы и руки, в ноги и лодыжки, а потом, дюйм за дюймом, взбирается все выше вверх по ногам. В своем бездонном провале плачут малыши. Они никогда ничего никому не делали. Им всегда не везло. Яркий, сверкающий мир проваливается во мрак.

На окровавленную лесную подстилку длинными полосами ложится солнце. Где-то рядом – далеко-далеко – воет собака.

А потом – ничего.

Оливия

Я опять дома. Как здесь оказалась, не знаю, но это и не важно. Испытывать облегчение от того, что у меня опять появились элегантные ушки и хвостик, сейчас не время. В доме не безопасно.

Стены рушатся, как агонизирующие легкие. С потолка кусками обваливается штукатурка. Окна взрываются, их осколки влетают внутрь и лупят по комнатам градом. Я бегу спрятаться под диван, но его уже нет – вместо него зияет пасть со сломанными зубами. В дырочки для подглядывания врываются ослепительные молнии. С потолка вверх тянутся черные руки. Веревочка туго обмоталась вокруг моей шейки. Теперь она стала прозрачной – окрасилась в цвет смерти. И при этом потеряла всякий запах, благодаря чему я и понимаю, что вскоре умру.

Думаю о рыбе, о том, что мне ее уже не попробовать, а также о кошечке, которую больше никогда не увижу. Затем вспоминаю Теда, то, как я с ним поступила, и начинаю плакать. Знаю, что других уже нет, – точно так же, как знаю свой собственный хвост. Впервые за все время я осталась совершенно одна. А скоро не станет и меня.

Теперь я ощущаю все свое тело. Сердце, кости, хрупкие галактики нервных окончаний, ногти на пальцах рук. Как же они все-таки подвижны, эти ногти. Я понимаю, что форма тела не играет никакой роли и от наличия шубки или хвоста ровным счетом ничего не меняется. Оно в любом случае принадлежит нам.

«Хватит тебе уже быть котенком, – говорю я себе, – вперед, кошка».

Если помочь телу, то, может, вернуться остальные?

Но, подняв глаза, там, где должна быть входная дверь, я вижу бурлящую массу сверкающих клинков, со свистом разрезающих воздух. Выхода больше нет.

Тогда я поднимаюсь на второй этаж и на вершине лестницы вижу, что ни площадки, ни спальни, ни крыши больше нет. Дом совершенно открыт и не защищен от ярящегося неба, от бури, неистово свирепствующей над головой. Она вся сотворена из черного дегтя и молний. В облаках кувырдается и носится огромная морда с

отвисшими щеками, оглашая весь мир своим зычным лаем. У меня встает дыбом шерстка. Каждая клеточка моего существа желает только одного: убежать, спрятаться в тихом месте и спокойно дожидаться смерти. Но если я так поступлю, тогда всему конец.

«Да будь ты смелее, кошка». Я ставлю лапки сначала на первую ступеньку, потом на вторую. Может, все еще будет хорошо!

Лестница подо мной обрушивается с оглушительным грохотом. Со всех сторон сыплются осколки каменной кладки, взметается столбом удушливая пыль, ко мне тянет свои липкие щупальца черная смола, обжигая и ослепляя. Когда пыль рассеивается, я вижу один только строительный мусор и битые кирпичи. Повалившиеся стены погребли под собой лестницу. Вокруг царит тишина. Вокруг меня сомкнулась ловушка.

«Нет! – шепчу я, молотя хвостом. – Нет, нет и нет!»

Но выхода отсюда нет, и разрушенный дом стал моей могилой. Мне конец – как и всем остальным.

Я взываю к Господу, но он не отвечает.

Где-то вдали чувствуется движение, я вздрагиваю, мой хвост выстреливает вверх. В самом темном углу гостиной стонет Мрак. Вот он поднимает голову, у него рваные уши, а по бокам тянутся длинные порезы, словно нанесенные ножом. Тоже умирает, но еще жив. Пока.

Я из последних сил напрягаю мозг. Ни вверх, ни вниз мне нельзя, но, может, куда-то все же можно?

– Больно, – утробно рычит он.

– Знаю, – отвечаю я, – прости, но мне нужна твоя помощь. Нужна нам всем. Ты не можешь забрать меня к себе вниз?

Он шипит, и в этом звуке угадывается глубина гейзера. Винить его я не могу. Он ведь предупреждал меня насчет Лорен.

– Ну пожалуйста, – говорю я, – сейчас, больше чем когда-либо, пришло твое время.

Мрак выходит вперед, но уже не грациозно, а хромя и мучительно медленно. Потом нависает надо мной, и я слышу его дыхание, с визгом пилы разрезающее воздух. После чего размыкает челюсти, и мне в голову приходит мысль: «Вот оно! Он меня сейчас прикончит». Где-то я даже этому рада. Однако Мрак лишь хватает меня за загривок и поднимает – нежно, как кошка-мама.

«Пришло мое время», – говорит он, и дом тотчас исчезает. Мы стрелой летим сквозь морок куда-то вниз. Я чувствую жуткий удар, и мы оказываемся в каком-то совсем другом месте.

Обитель Мрака хуже, чем я себе представляла. Здесь нет ничего, кроме древней, заскорузлой темноты, великих равнин, необъятных просторов и каньонов черной пустоты. До меня доходит, что такого понятия, как «расстояние», здесь попросту не существует – ничему нет ни конца, ни края. Мир здесь никакой не круглый, к себе в нем вернуться нельзя.

– Пришли, – говорит он, опуская меня вниз.

Я не могу сделать вдох, легкие будто раздавлены одиночеством. А может, это из нас просто вытекают последние капли жизни.

– Нет, – отвечаю я, – нам надо еще ниже.

Он ничего не говорит, но мне передается его страх. Некоторые глубины недостижимы даже для Мрака.

– Давай, – говорю я.

Он рычит и кусает меня, вонзая глубоко в горло зубы. Хлещет кровь и тут же застывает каменным облаком мелких брызг в ледяном, мертвом воздухе. Здесь, внизу, тела функционируют совсем иначе.

Я в ответ тоже рычу и кусаю его, мои маленькие зубки оставляют на его щеке пунктирный след. Он удивленно вздрагивает и говорит:

– Мы погибнем, если пойдем вниз.

– Нам надо туда, – отвечаю я, – в противном случае мы точно умрем.

Он качает головой, хватая меня за загривок, и мы спускаемся в черную утробу земли.

Это примерно то же, что проваливаться на самое дно самой бездонной океанской пучины. Нас плющит невыносимое давление. Мрак тащит нас все глубже в зловещую землю, скрежеща зубами от боли рядом со мной. Мы с такой силой прижимаемся друг к другу, что у нас трещат кости и вылезают из орбит глаза. Кровь замерзает, превращаясь в вязкий ил, и рвется наружу из вен. Нас ломает злая сила, калеча тела о зазубренные концы костей. Снаружи всем своим весом наваливается вселенная, растирая наши тела в порошок. Его и меня перемальывает до тех пор, пока от нас не остаются лишь мелкие частички, одна только пыль. Ни Оливии, ни Мрака больше нет. «Пожалуйста, – думаю я, – пусть это уже будет конец». Такая агония

больше не может продолжаться. Мы, должно быть, уже мертвы. Я больше его не чувствую. Но сама, каким-то непонятным образом, все еще здесь, все еще живу.

Наверху, первой вечерней звездой, мерцает свет. Мы рвемся к нему, рыдая и пытаюсь сделать хоть глоток воздуха. Где-то рядом Мрак поднимает голову и ревет. К моему изумлению, я чувствую, что он урчит у меня в груди.

Меня переполняет энергия, шелковистая шерстка пышет здоровьем, величественно вздымаются бока.

– Где ты? – звучит мой вопрос. – И где я?

– Нигде, – отвечает он, – и одновременно здесь.

– Ты все еще Мрак?

– Нет.

– А я больше наверняка не Оливия.

Я реву и рвусь к яркому сиянию. Раздираю мрак своими великолепными лапами, цепляюсь когтями за кончик света и полосу его до тех пор, пока он не рвется и не раздается вширь. Сражаюсь изо всех сил и наконец вываливаюсь из черноты на солнце, лежащее на земле длинными полосами. Не в состоянии двинуться с места, лежу пленницей холода и окровавленного тела на лесной подстилке, а к моей ране с силой прижимает руку рыжеволосый человек. Кровь почти больше не течет.

Я делаю глубокий вдох и распространяюсь по всему телу, по каждой косточке, каждому сосуду, по каждому кусочку плоти. *Вернись. Приди в себя.*

В груди слабо дергается наше сердце.

Первый его удар звучит громом, эхом разносясь по всему безмолвному организму.

Потом другой, за ним еще и еще, и вот кровь уже с ревом несется по всем артериям. Мы жадно хватаем ртом воздух, вбирая его в себя напряженным, глубоким вдохом. Тело, клеточка за клеточкой, воскресает и приходит в себя. И начинает петь оттого, что в нем не угасла жизнь.

Ди бежит навстречу утренней заре. Укус на ее руке представляет собой рваную рану с коричневыми от грязи краями. Она знает, ей нужно в больницу. Яд отсасыватель, похоже, выкачал, но укус мог воспалиться. Об этом лучше не думать. Сейчас важно только одно – найти Лулу. Она, спотыкаясь, бредет через лес, в пятнах света и тени ей видятся лица. Ди постоянно зовет сестру, когда громко, а когда безжизненным шепотом. Впереди слышится негромкий шум. Может, черный дрозд, может, детский плач. Ди идет быстрее. Лулу, должно быть, напугана.

Убийца. Это слово набатом звенит в ее голове. Неужели она погубила человека? Ди знает, что на Никчемную улицу ей дороги больше нет. По всему лесу, в том числе у его тела, остались ее кровавые следы. И если обнаружится один, за ним потянутся и остальные. С тайнами всегда так, они тоже сбиваются в стаи, будто птицы.

Она бежит через лес. Тропинка впереди просматривается с трудом; ее со всех сторон окружает прошлое, накладываясь на нынешний, залитый светом утренней зари день. Появляются образы и голоса. Она видит мелькающий между стволами двух деревьев «конский хвост» и слышит перепуганный голос, шепчущий ее имя. Перед глазами проплывает лицо замотанного детектива, каким она его запомнила, когда они в последний раз виделись.

– Далила, ты уверена, что рассказала мне о том дне все? Понимаешь, ты ведь тогда была еще ребенком. Люди бы поняли.

У Кэрен были добрые глаза. И Ди прямо на месте чуть было все ей не выложила. В самом деле. И ни до этого, ни после не была к этому так близка.

Подозрения у Кэрен, вполне естественно, вызвал белый шлепанец Лулу. Та женщина из уборной была уверена, что не поднимала его и не клала по ошибке в сумку. И ничуть не сомневалась, что его засунул туда кто-то другой. Ди злилась за это на себя дальше некуда. Но кто же мог подумать, что эта дама окажется такой проникательной?

– Вы ничего не сможете доказать, – шипела Ди.

Кэрен окидывала ее взглядом своих измученных заботами глаз, и в углах ее рта глубже залегали складки, будто потоки вулканической лавы.

– Эта история будет грызть твою душу до тех пор, пока от тебя ничего не останется, – сказала под конец она. – Поверь мне на слово, в таком случае всегда лучше выговориться.

И отношения между ними, конечно же, испортились именно тогда.

Ди останавливается, к горлу подкатывает тошнота. Затем скрючивается пополам, разум разверзается воспоминаниями и красками. Учащается дыхание. Она пытается призвать на помощь статические помехи, чтобы заглушить наваливающиеся мысли, но ничего хорошего из этого не выходит. Воздух пахнет прохладной водой, солнцезащитным кремом и нагретой кожей.

Ди идет по берегу озера, лавируя по лабиринту из покрывал, напоминающему шахматную доску, – подальше от семьи.

– Привет, – говорит ей желтоголовый парень.

Ее взгляд падает на завитки белого крема на его бледной коже. Когда он улыбается, у него слегка перекрывают друг друга два передних зуба, что придает ему интригующий, свирепый вид.

– Привет, – отвечает Ди.

Ему не меньше восемнадцати, вероятно, учится в колледже. Она перехватывает его взгляд и впервые понимает, что он видит перед собой одновременно хищницу и жертву. Все это сложно и волнительно. Поэтому, когда Тревор протягивает для пожатия руку, она самодовольно ухмыляется. Видит в его глазах проблеск гнева и обиды. Его бледная кожа покрывается румянцем.

– Ты здесь с родаками?

Это его месть. Таким образом он хочет сказать: «Ты ребенок, который ездит на озеро с родителями».

– Мне удалось от них отделаться, – говорит она и пожимает плечами, – кроме вот этой.

Он улыбается, будто шутка пришлась ему по вкусу.

– И где же они?

– Вон там, у поста спасателей, – говорит она и машет рукой, – они спали, а мне стало скучно.

– Это твоя младшая сестра?

– Ага, пристала ко мне, как репей, да так, что я не смогла отвязаться.

Лулу, заскучав, выдергивает свою ладошку из руки Ди и что-то вполголоса про себя говорит. Затем шурится на солнце, ее серьезный взгляд блуждает где-то далеко-далеко. Другой потной ладошкой она сжимает соломенную шляпу с розовой лентой.

– Сколько ей?

– Шесть, – отвечает Ди.

Затем поворачивается к Лулу и добавляет:

– Надень шляпу, а то обгоришь.

– Не-а.

Сестра любит эту шляпу, но для нее она слишком большое сокровище, чтобы носить.

Легким перышком Ди щекочет отвращение. Ну почему у нее такие вредные близкие? Она берет у сестры шляпу и бесцеремонно нахлобучивает ее той на голову. Лулу обиженно морщит личико.

К ней наклоняется Тревор и говорит:

– Хочешь мороженого?

Лулу энергично кивает головой – раз двадцать-тридцать.

Ди обдумывает это предложение, пожимает плечами, и они встают в очередь. Ни сама она, ни Тревор мороженого не берут. Лулу достается шоколадное, которое, как хорошо известно Ди, она потом размажет по всему лицу и одежде, после чего мать опять будет орать на них обеих. Но в данный момент ей на это ровным счетом наплевать. Рука Тревора замирает в миллиметре от нее, затем касается ее ладони, палец к пальцу. Что-то явно грядет, это чувствуется в воздухе, как жаркое марево, как удар грома.

Ди ничуть не протестует, когда Тревор уводит их от лотка с мороженым в лес через пеструю пропахшую бургерами толпу. Думает, что потом скажут родители, но в ее душе вновь берет верх полное пренебрежение. «Я хотя бы раз, – размышляет она, – хоть что-то сделаю по-своему».

Под лесной, исполосованной соснами сенью они движутся мягко, как тигры. Людный пляж вскоре остается позади, теряясь за ковром притихшей листвы. Еще через какое-то время остается лишь шелест черной, ласкающей камни воды. Они идут вдоль усеянного галькой

берега, перебираясь через валуны, упавшие ветки и колючий кустарник. Даже Лулу и та хранит молчание, взволнованная от чувства прикосновения к запретному. На неровной земле ее белые шлепанцы не самая удобная обувь, однако она и не думает жаловаться, когда ее ступни и лодыжки покрываются бисером царапин. Когда девочка не может преодолеть очередное препятствие, желтоголовый парень подхватывает ее на руки.

Ди все больше теряет терпение и торопится вперед, таща его за руку. Они выходят к лесному уголку, где деревья немного расступаются, образуя некое подобие поляны, где манит своей мягкостью сосновая хвоя, а колючек совсем немного. Из воды торчит камень в форме каноэ. Ди и парень переглядываются. Пришло время превратить в реальность то, чего они оба с нетерпением ожидали.

– Хочу домой, – говорит Лулу и трет кулачком глаз.

Ее щеки порозовели от солнечного ожога. Где-то в тени сосен она потеряла свою шляпу.

– Не получится, – говорит Ди сестре, – раз уж ты за мной пошла, теперь тебе придется подождать. А если проболтаешься об этом, я скажу, что ты все наврала. Иди лучше поиграй у озера.

Лулу закусывает губу и, судя по виду, вот-вот заплачет. Но все же сдерживается. Знает, что Ди все еще на нее злится, и поэтому делает, что велено.

Ди поворачивается к парню. Как там его? Сердце в ее груди скачками несется вперед. Она знает, что рискует сейчас всем, чем только можно. Лулу ябеда, каких поискать. «Да наплевать, – говорит она себе, – все это происходит со мной по-настоящему». Потом она что-нибудь придумает, дабы заставить сестру молчать.

Парень склоняется к ней ближе. Теперь это уже не одно сплошное лицо, а вереница черт, огромных и неповторимых. Его влажные губы дрожат. «Мы что же, будем целоваться взапас?» – думает она. Временами в ее душе вспыхивает возбуждение, от которого кажется, что у них все получится, но вот момент уже упущен, и они все так же прижимаются друг к другу безвольными, слюнявыми ртами. Он слегка пахнет хот-догами. Ди думает, что ей станет хорошо, только когда они перейдут к следующему этапу, и поэтому кладет его руку на свой топик. Ее купальник немного влажноват, а от его руки исходит тепло. Поскольку ей приятно, она считает, что достигла определенного

успеха. Затем его ладонь скользит в тесные, джинсовые шорты, заточившие ее плоть. Даже слишком тесные, потому что его рука в них застрекает. Она их расстегивает и, извиваясь, стаскивает вниз. Они на миг замирают, прекрасно сознавая, что быстро движутся на неизведанную территорию. Ди хихикает, ей так странно стоять в купальнике перед парнем, который не сводит с нее глаз.

В этот момент до ее слуха доносится какой-то звук, будто кто-то ударил ложечкой по яичной скорлупе. Ди натягивает шорты и зовет: «Лулу»? Без ответа. Она бежит к берегу. Парень бросается за ней, путаясь в своих джинсах.

Лулу лежит по пояс в воде, будто старается выплыть обратно на сушу. На нее то и дело с плеском набегают волны. Вокруг нее распускаются облака крови. Не отдавая себе отчета, Ди прыгает вперед и мгновение спустя уже стоит по пояс в воде рядом с маленьким силуэтом сестры. Звук был негромкий, но она, вероятно, с огромной силой ударила головой о валун. В черепе зияет рваная дыра, будто девочку ударили кулаком. Ди старается на нее не смотреть.

Она прижимается губами ко рту Лулу и пытается делать искусственное дыхание, смутно вспоминая школьные занятия по оказанию первой помощи. Хотя сама при этом считает, что слишком поздно. Кожа Лулу меняется прямо на глазах. Лицо бледнеет и все больше напоминает воск. В волосах проглядывают струйки крови, чем-то напоминающие красных птиц в полете, в том виде, в каком их рисуют дети – линиями на белом небе.

Желтоголовый парень, имени которого Ди никак не может вспомнить, дышит часто-часто, как женщина, готовая вот-вот родить. Потом убегает от них, проламываясь через лес.

Ди касается руки Лулу в том месте, где та лежит на шершавом песке. В вялой ладонке лежит темно-зеленый камень с белыми прожилками. Овальной формы, совершенно гладкий от времени и воды. «Красивый камешек», – стонет Ди. С головы Лулу в воду стекают свежие струйки крови и разбиваются о поверхность, образуя багровые облака.

Ноги и руки Ди скользят от крови и воды. Она опять склоняется над Лулу и делает искусственное дыхание. Из груди девочки рвется какой-то звук, глубокий, будто скрип ветки на дереве.

Из-под тела Лулу темной линией появляется что-то гибкое. Змея переползает через нее, задевая бедро Ди. Похожа на водяного щитомордника, но они здесь не водятся. За ней скользят тени поменьше. Только что вылупившийся молодняк. Теперь Ди видит укусы на распухших лодыжках Лулу. Вот почему она упала.

Ди в воде превращается в камень. Чувствует, как ее бедер слегка касаются тела. Змеи, похоже, воспринимают ее как часть то ли озера, то ли суши. Затем она бросается прочь, поднимая вокруг огромные фонтаны брызг, и взлетает на горячий камень, вгрызаясь в него ногтями. В шести дюймах от ее руки свернулась совсем крохотная змейка. Она открывает на нее белую пасть, потом скользит вниз и скрывается в темной трещине камня. Ди орет и бежит, не разбирая дороги, бросив Лулу на месте, по пояс в воде.

Девушка ничего перед собой не видит; перед глазами то ли рой мух, то ли ураган. Она старается его сморгнуть, но поскольку у нее ничего не получается, сначала сбавляет шаг, а потом и вовсе останавливается. Сзади по ногам все так же стекает холодная озерная вода, подкрашенная кровью, она никак не может отдышаться. Боясь потерять сознание, Ди на миг останавливается и прислоняется к стволу со сломанной верхушкой, посеребренному возрастом и давно засохшему. Видеть она может только одно – змей у своих ног. «Стоп! – отдает она приказ мыслям и телу. – Стоп! Нет здесь никаких змей». Ей надо подумать.

«По крайней мере Лулу больше не донесет на тебя маме с папой», – шепчет в ее голове тихий голосок. Из груди рвутся наружу рыдания. Да как ей в голову могут приходиться такие ужасные мысли?

На кровь у нее на теле жадно набрасываются москиты. Она пытается ее с себя соскрести. Но при этом вся дрожит, а ею забрызганы все шорты. В итоге Ди повязывает на пояс свитер, чтобы, по мере возможности, ее скрыть. «Кровь, кровь», – думает она будто в тумане. Свежие струйки крови. Потом в голове вспыхивает еще одна мысль, молниеносно и жестко вспарывая ее, будто ножом. Кровь у Лулу так и не остановилась. Ди достаточно смотрела телевизор, дабы знать, что это означает. Сестра еще жива.

Девушка поворачивается и изо всех сил бежит обратно к Лулу. Ее легкие буквально лопаются от напряжения и знойного воздуха. Да как

она могла ее вот так бросить? Но Ди клянется, что все исправит. Останется рядом с сестрой и будет кричать до тех пор, пока не придет помощь. Еще не поздно. Это еще не финал, но надо торопиться.

Ди кажется, что она, преодолевая препятствия и спотыкаясь, бежит обратно к сестре всю свою жизнь. Но вот подлесок наконец редет, и ее взору предстает камень в форме каноэ. Девушка несется еще быстрее, длинными, заячьими прыжками перелетая через громоздящийся на берегу мусор. Несколько раз падает, обдирая до крови ладони, колени и локти. Но, ничего не замечая, вскакивает на ноги и мчится дальше. А подбежав к камню, на миг замирает, слишком страшась на него ступить.

– Да давай же, Ди Ди, – бормочет она, – давай, детка.

И взбирается на камень, похожий на каноэ.

В его тени, там, где должна лежать Лулу, никого нет. Лишь о гранит с плеском разбивается холодная вода. Над поверхностью озера серыми знаками препинания носятся москиты. Лулу нигде нет, ни живой, ни мертвой.

«Может, это не здесь», – говорит себе Ди. Однако место то самое. На камне виднеется тонкая струйка подсыхающей крови. На воде покачивается белый шлепанец. В этот момент девушка видит в грязи на берегу отпечаток ноги. Пятка уже медленно наполняется коричневой озерной водой. След большой, гораздо больше, чем у Лулу или Ди. Может, его оставил тот парень? Но Ди почему-то знает, что это не он.

Где-то недалеко раздается знакомый, обыденный звук – Ди не сразу удается определить его в окружающем ее кошмаре. Заводится двигатель автомобиля и тут же глохнет. Захлопывается дверца.

Ди бежит через поляну, на которой флиртвала с тем парнем, – будто в прошлой жизни. Потом продирается сквозь стену кустов и вываливается на грязную дорогу. В воздухе кружит и вздымается пыль, будто поднятая за миг до этого колесами автомобиля. Девушке кажется, что впереди мелькает бампер, исчезающий на грунтовке вдаль. Рев в ушах Ди почти что перекрывает шум двигателя – это она снова и снова пронзительно орет водителю остановиться и отпустить ее сестру. Но машины уже нет. В пыли у ног Ди лежит темно-зеленый камешек, идеальный овал с белыми прожилками.

Чуть дальше за невысоким кустарником на рядах хрома и стекла поблескивает солнце. Ди хочется истерически захохотать. Они думали, что углубились в лес, подальше от всех, а на самом деле вышли прямо к парковке.

Женщины в туалете бросают на нее неодобрительные взгляды. Прислонившись к выложенной белой плиткой стене, Ди под грохот полотенцесушителей пытается разобраться, что же произошло. Этого не может быть. Она на миг склоняется над раковиной, ее рвет, что приносит ей новую порцию осуждения. «Надо кому-то рассказать», – думает она, от этой холодной мысли внутри все цепенеет.

Девушка представляет выражение, какое примет материно лицо, когда она расскажет обо всем родителям. Пытается представить, каким тоном с ней будет говорить отец, пытаясь ее простить.

«Если признаешься, балетной школы тебе не видать», – нашептывает тот же тихий голосок. Ди опять чувствует раскаленный укол ярости, пробивающийся даже сквозь страх за Лулу. Она всегда знала, что с самого рождения родители больше любили ее младшую сестру. Как же это нечестно. В действительности она ведь не сделала ничего плохого. Это ведь реальная жизнь, а не старый роман, в котором девушка целуется с парнем, после чего кто-то обязательно должен умереть, потому что это, видите ли, *страшный грех*. Глубоко внутри она знает, что ее вина отнюдь не в том, что с ней целовался тот парень.

И что она им скажет? У нее ведь даже нет никаких достоверных сведений. Она даже не разглядела за стеной пыли машину. А может, никакого автомобиля и не было? Теперь она не может с уверенностью ответить на этот вопрос. Может, тело Лулу просто уплыло в озеро. Или его унес хищный зверь навроде медведя. Может, Лулу пришла в себя и пошла обратно к маме с папой. «Ну да, – в приступе облегчения думает Ди, – так оно и есть». Она сейчас вернется к родным, и Лулу будет сидеть на одеяле, играя своими камешками. Ди она встретит обиженным взглядом, ведь та бросила ее одну, чтобы заняться всей этой скучной, взрослой ерундой с парнем. Однако она пощекочет Лулу, и та ее простит. Поэтому не стоит рассказывать все, как было на самом деле.

Из ее шорт улиткой выползает новая капля подкрашенной кровью воды и катится вниз по ноге.

– У кого-нибудь есть гигиеническая прокладка?

Чтобы не казаться напуганной, Ди говорит раздраженно и зло, хотя в действительности дрожит от страха. Снимает в туалете на глазах у всех женщин шорты и споласкивает их в раковине. Причем устраивает из этого настоящее представление, чтобы ее потом хорошенько запомнили. Ди была здесь, а не где-то еще. Она не спрашивает себя, зачем ей это нужно, если Лулу сейчас ждет ее вместе с мамой и папой. В голове болтается слово «алиби», но она категорично его от себя гонит.

Девушка снова и снова повторяет себе, что у нее месячные. Вот откуда взялась кровь. Это примерно то же, что репетировать танец, раскладывая историю на отдельные шаги. А можно ли убедить в правдивости этой истории саму себя? Она подробно сочиняет в голове день, в котором парень не дождался ее у лотка с мороженым, а Лулу даже не думала идти за ней в лес.

Как только решение принято, все становится предельно простым. Рядом моет в раковине руки утомленная женщина, а трое ее детей прыгают вокруг и хватают ее за рукава. У ее ног стоит плетеная корзинка, из которой торчат слюнявчики, граноловые батончики, ведрышки, лопаточки, игрушки и солнцезащитный крем. Ди достает из кармана белый шлепанец и сует его женщине в сумку, где он сливается с царящим внутри беспорядком. Вернувшись домой, та решит, что случайно положила его вместе с вещами своих детей, и даже не подумает связать это происшествие с Лулу. Ди понимает: если бы его нашли у того камня в форме каноэ, к делу подключилась бы полиция, всякие там эксперты, и быстро установили бы, что там была Ди.

Перед тем как пойти обратно к родителям, она прячет гладкий, зеленый камешек в густых кустах, обрамляющих пляж.

Тыльной стороной ладони Ди вытирает рот и встает. Ей кажется, что сейчас она в другой части леса, где чаща темнее и гуще. Крестовник и плющ доходят ей до колен. Надо не забыть и дальше метить деревья. По лицу скользит огромный лист папоротника, и она нетерпеливо отбрасывает его в сторону. Ну почему в этих краях все должно быть таким ужасным и диким?

Впереди слышится напуганный, нервный топот ног. Где-то там бежит ребенок. «Лулу! – кричит она. – Стой!»

Сестренка смеется. Ди тоже улыбается. Хорошо, что ей весело. Ди не против еще немного поиграть в салочки.

Позже, когда у нее появилось время подумать, оттого, что она ни в чем не призналась, на нее мучительной болезнью обрушился ужас. «Сейчас уже поздно что-то говорить, – нашептал ей тогда тихий голос, – тебя посадят в тюрьму». А когда ушла мать и умер отец, рассказывать обо всем вообще больше не имело смысла – ее больше некому было прощать.

Ди поняла, что ей надо делать. Она должна найти того, кто забрал Лулу. Если ей это удастся, у нее появится шанс опять стать хорошим человеком. За такое дело можно ухватиться. Но замотанная Кэрен объявляла о непричастности к исчезновению Лулу все новых и новых фигурантов дела. Шли годы, со временем и перспективы следствия, и список подозреваемых сократились до минимума. Ди все больше охватывало отчаяние.

Она чуть было не опустила руки, но тут вышла на Теда.

По словам Кэрен, у него было алиби, однако Ди в это не верила – подозревала, что детектив пытается сбить ее со следа и таким образом предотвратить повторение орегонского инцидента. Девушка знала, что ей надо соблюдать осторожность. Она за ним понаблюдает и на этот раз, прежде чем действовать, получит доказательства. С другой стороны, Ди немного торопила события, и это тоже нужно признать.

До крайности ее довела годовщина. Каждый год 10 июля, день, когда пропала Лулу, превращается для нее в черную дыру. Ей только и остается, что бороться изо всех сил, чтобы ее не засосало во мрак. Порой она слишком слаба, чтобы сопротивляться. Именно так получилось в Орегоне. Утрата до сих пор не выпускает Ди из своих черных объятий, и за это кто-то должен заплатить.

Перед тем, как переехать сюда, она несколько дней следила за Тедом. И каждое утро в первых лучах рассветного солнца видела в проделанных в фанере отверстиях для подглядывания его глаза – он смотрел, как на двор садились птицы. Видела, с какой заботой он содержал кормушки и поилки. Ди, может, знает и не так много, но что

такое любовь, ей все же известно. Поэтому она хорошо понимала, что нужно делать.

Ей было нужно, чтобы Тед ощутил хотя бы малую толику ее беспощадной тоски. В итоге она убила птиц, хотя ей самой это совсем не нравилось. А когда устанавливала ловушки, с трудом сдерживала позывы к рвоте. Но остановиться все равно не могла. В голове без конца крутилась одна и та же мысль: «Сегодня одиннадцать лет. Одиннадцать лет, которых у Лулу никогда не было».

Потом она смотрела, как Тед рыдал над птицами, сгорбившись и закрыв руками лицо. Она и сама глубоко внутри испытывала скорбь. То, что ей пришлось сделать, было действительно ужасно.

И вот теперь Ди, спотыкаясь, идет за Лулу. Хватается за тоненькие, наполненные жизненной влагой веточки и упорно гонит себя вперед.

– Остановись! – кричит она. – Ну же, Лулу, не бойся. Это Ди Ди.

Небо окрашивается в багровые тона, солнце превращается в обжигающий, закатывающийся за горизонт шар. Ди задыхается, ее пальцы, без конца цепляющиеся за ветки, опухли. Она несколько раз моргает, пытаясь избавиться от черноты, наползающей по краям в поле зрения.

«Ну давай же, Ди Ди».

Ее рвет, но останавливаться нет времени. Вместо этого Ди опять переходит на бег и на этот раз рвется вперед даже быстрее, грациозно петляя среди деревьев, настолько плавно проносясь над кочковатой землей и сухими ветками, что ее ноги в конечном итоге отрываются от земли. Она безмолвно и стремительно летит вперед, стрелой прорезая воздух. В ушах один только ветер да пестрая лесная какофония: цикады, голуби, листья. «Почему я не знала, что умею летать? – думает она. – Ну ничего, научу Лулу, и мы полетим над миром, никогда не опускаясь на землю. Сможем таким образом быть вместе, и тогда меня никто не поймает. У меня будет время объяснить ей, почему я поступила именно так, а не иначе».

На вершине следующего холма Ди видит Лулу, силуэт которой отчетливо просматривается на фоне низко нависшего над землей солнца. Крохотная фигурка в соломенной шляпе. Кроме белых шлепанцев на ногах ничего разобрать нельзя. Ди устремляется к ней,

со свистом прорезая воздух, и проворно опускается на травянистый склон.

Лулу поворачивается, и Ди видит, что у нее нет лица. Из ее головы стаей рвутся красные птицы. Ди вопит и закрывает ладонью глаза.

А когда, наконец, набирается храбрости опять их открыть, обнаруживает, что вновь стоит одна в лесу. Опять наступила ночь. Ди в ужасе смотрит по сторонам. Где это она? Ей долго пришлось идти? Она опускается на колени. И ради чего все это было? Где Лулу? Где долгожданные ответы? От ужаса и тоски из груди Ди рвется крик. Но на фоне капли дождя он не громче шелеста бумаги. Щеке холодно. Она лежит на лесной подстилке, скользкой после ливня. Ее рука распухла, почернела и отяжелела, как каменная глыба. «Я умираю, – думает она, – а мне лишь хотелось, чтобы в мире свершилось немного правосудия».

Когда в ее глазах клубятся черные тучи, а сердце все медленнее отбивает ритм, она будто чувствует едва заметное прикосновение к голове. Ей мерещится запах солнцезащитного крема, сахара и теплых волос. «Прости меня, Лулу», – пытается сказать она, но сердце в ее груди останавливается. Ди больше нет.

Ее останки лежат вдали от любых троп. Черная, распухшая от яда рука по-прежнему сжимает баллончик с желтой краской.

Прилетают птицы, приходят лисы, койоты, медведи и крысы. И то, что когда-то было Ди, удобряет землю. Ее разбросанные кости исчезают под слоем жирного, тлеющего перегноя. Под раскидистыми деревьями не бродит ее призрак. Что сделано, то сделано.

Тед

Могу точно сказать, что я жив, потому как отчетливо вижу на выложенном плиткой полу макаронину. После смерти может произойти многое, как хорошее, так и плохое, но спагетти на том свете точно никто не разбрасывает. Больничную койку мягкой не назовешь, стены обшарпаны, в воздухе витает аромат обеда. На меня смотрит какой-то человек. В его волосах цвета апельсинового сока играют блики света.

– Привет, – произносит он.

– А где женщина? – спрашиваю я. – Соседка. Она все звала какую-то девочку. Ей было совсем плохо.

Судя по виду, ее укусила в руку змея. Думаю, она воспользовалась отсасывателем из моего рюкзака, но ведь любой знает, что толку от них никакого. Я сам не знаю, зачем таскаю его с собой. Воспоминания в голове путаются, но с соседкой явно было что-то не так – как физически, так и морально.

– Когда я вас нашел, рядом с вами никого не было, – говорит он и внимательно смотрит на меня.

Я отвечаю ему таким же пристальным взглядом. Как вообще принято разговаривать с человеком, который спас тебе жизнь?

– Как вы меня обнаружили? – спрашиваю я.

– Кто-то пометил деревья желтой краской. Поскольку я работаю егерем в округе Кинг, мне это не понравилось, ведь она очень токсична. Я пошел по следу, чтобы это дело запретить. Моя собака унюхала кровь, пошла по следу и привела к вам.

Появляется врач, а человек с апельсиновыми волосами выходит в холл, за пределы слышимости. Доктор молод и утомлен.

– Вам, похоже, лучше. Давайте-ка посмотрим.

Каждое его движение размеренно и спокойно.

– Мне хотелось бы спросить вас по поводу тех таблеток, которые при вас нашли, – произносит он.

– Да-да, – отвечаю я, и на меня пеленой опускается тревога, – они мне нужны, благодаря им я сохраняю спокойствие.

– Видите ли, – говорит он, – лично я в этом не уверен. Вам их прописал врач?

– Ну да, и сам мне их дал у себя в кабинете.

– Не знаю, где их взял ваш доктор, но я бы на вашем месте их больше не принимал. Их прекратили выпускать лет десять назад. У них весьма значительные побочные эффекты. Галлюцинации, потеря памяти. Частый побочный эффект – лишний вес. Поэтому я был бы рад предложить вам альтернативу.

– Да? Но я не смогу позволить себе что-то другое.

Он вздыхает и садится на койку, хотя я *доподлинно* знаю, что это не положено. Mamochka сейчас бы расстроилась. Но поскольку доктор выглядит измотанным, я ничего не говорю.

– Это сложно, – продолжает он, – и средств не хватает, и фондов. Но я все равно принесу вам анкету. Возможно, вам полагаются какие-то льготы.

Потом неуверенно добавляет:

– Меня беспокоят не только таблетки. У вас на спине, на руках и ногах множество шрамов от ожогов. Кроме того, на теле немало рубцов от швов. Обычно это свидетельствует о множественном хирургическом вмешательстве в детстве, но в вашей медицинской карте ничего об этом нет. Из нее следует, что вы вообще никогда не обращались к врачу.

Он внимательно смотрит на меня и говорит:

– Все это надо кому-то показать. Чтобы с вами больше так не обращались.

Мне даже в голову никогда не приходило, что Mamochku могли бы остановить. Я на миг задумываюсь и говорю:

– Не думаю, что это возможно.

Но мне приятно, что ему не все равно.

– Я могу направить вас к специалисту, способному в подробностях изучить историю вашей болезни. Вы сможете рассказать обо всем... что с вами произошло. Это никогда не поздно.

В его голосе слышится неуверенность, и я понимаю почему. Иногда действительно слишком поздно. Похоже, что я наконец улавливаю разницу между «теперь» и «тогда».

– Давайте в другой раз, – произносят мои губы, – на данный момент я несколько подустал от лечения.

Судя по виду, он хочет сказать что-то еще, но все же молчит, за что я ему так благодарен, что из моих глаз тотчас катятся слезы.

Человек с апельсиновыми волосами приносит мне из магазина подарков зубную щетку, спортивные штаны, футболку и немного белья. Тот факт, что он приобрел для меня трусы, немного смущает, но они и правда мне нужны, потому что вся моя одежда от крови пришла в негодность.

Приходят другие врачи и пичкают меня какими-то лекарствами, от которых окружающий мир будто погружается под воду. Остальные, кто со мной, тоже сохраняют спокойствие. Впервые за много лет воцаряется тишина. Но я знаю, что они никуда не делись. Мы все то тихо выпадаем из временного потока, то обратно в него вливаемся.

В окна виднеются высокие, сверкающие на солнце здания. Чувствуется, что лес отсюда далеко-далеко. Я прошу открыть окно, однако медсестра отвечает отказом, объясняя, что волна жары уже спала. Этот уголок света возвращается к своей холодной, темно-зеленой натуре. У меня такое чувство, будто я возвращаюсь с войны домой.

Медсестры улыбки и очень со мной милы. Я всего лишь неловкий увалень, который ранним утром отправился в лес, там поскользнулся и упал на собственный охотничий нож.

Когда я в следующий раз просыпаюсь, рядом опять сидит человек с апельсиновыми волосами. От присутствия в палате постороннего мне полагается чувствовать себя неуютно, но ничего такого в моей душе нет. Он парень мирный.

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает он.

– Лучше, – отвечаю я, и это действительно так.

– Должен вас спросить... – продолжает он. – Вы действительно поскользнулись и упали на нож или все же нет? Когда я пытался остановить кровь, в ваших глазах появилось странное выражение. Вы будто жалели, что вам... Ну... помешали умереть... Да вы и сами знаете.

– Это сложно объяснить.

– Мне к сложностям не привыкать.

Он снимает кепку и чешет голову, после чего его волосы торчат в разные стороны рыжими шипами. У него усталый вид.

– Как говорят, если ты спас кому-то жизнь, то теперь должен нести за него ответственность.

Скажи я ему правду, мы, вероятно, больше никогда не увидимся. Но я так устал скрывать свою истинную природу. Мой мозг, сердце, кости от этого вконец обессилели. Мамочкины правила ничего хорошего мне не принесли. Тогда что я теряю?

Настороженно шевелится Лорен.

– Ну что, может, начнем? – спрашиваю ее я.

Лорен

Вот как произошла та история с мышью, когда Тед обнаружил в себе потайной уголок.

Для Малыша Тедди ночь всегда была особенным временем суток. Он любил спать под теплым Мамочкиным бочком, прижимаясь к ее белой рубашке. Но перед этим она всегда обрабатывала его раны. Когда-то такое случалось, наверное, раз в месяц, но потом Тедди стал приносить столько порезов, один хуже другого, что Мамочке приходилось зашивать их каждую ночь. Сам он не видел в них ничего серьезного, некоторые и вовсе казались царапинами, но она говорила, что именно они как раз и опаснее других. Поэтому каждый раз по новой она их вскрывала, промывала, а потом зашивала. Тедди понимал, что Мамочка должна это делать, что он, такой неуклюжий, сам во всем виноват. Но всегда страшился момента, когда она включит на прикроватном столике лампу и повернет ее под нужным углом. Затем Мамочка ставила поднос, на котором сверкали ножницы, скальпель, шарики ваты и бутылка, пахнувшая примерно так же, как Папочкина выпивка. Мамочка надевала белые, облегающие руки второй кожей, перчатки и бралась за работу.

Не думаю, что Тед в действительности меня любил, особенно вначале. Он спокойный, вежливый мальчик, а я то и дело ору. И страшно злюсь. По мне то и дело волнами прокатывается ярость. Но моя задача в том и состоит, чтобы сделать его похожим на меня. Чтобы его никто не мог обидеть. Часть его боли я забрала себе – появилась как раз для того, чтобы он мог ее со мной разделить. Но полностью избавиться от нее не смогла. Порой самым страшным была не боль, а звук. Тихий шорох расходящейся в стороны плоти. Вот он ему действительно не нравился.

Когда в ту ночь кончик скальпеля коснулся его спины, по привычке появилась я, дабы разделить его боль.

– Не дергайся, Теодор, – сказала Мамочка, – из-за тебя мне невероятно трудно работать.

И продолжила диктовать, со щелчком нажав красную клавишу, как на пианино.

– Третий надрез, – произнесла она, – поверхностный, задет только внешний кожный покров.

Ее рука двигалась вслед за словами.

Тед знал, что Мамочка права – когда он сопротивлялся, было только хуже. И знал, что, если поведет себя дерзко, она засунет его в старый морозильник, чтобы продезинфицировать в ванной из уксуса и горячей воды. Поэтому он старался не бунтовать и быть паинькой. Но боль и шум достигли такого уровня, что Теду стало страшно – он испугался, что не сможет вытерпеть все, даже не пикнув, хотя и знал, что за этим последует.

Мы лежали рядом друг с другом, я чувствовала каждое его опасение, каждую мысль. Стерпеть одновременно все, что происходило с его телом, было очень трудно, поэтому Тед совсем легонечко *ахнул*, хотя это даже звуком назвать было нельзя. Но в тишине он плеснулся, как брошенный в пруд камень. Мы с Тедом затаили дыхание. Мамочка прекратила работать, замерла и произнесла:

– Из-за тебя нам обоим очень тяжело.

И отправилась готовить ванну с уксусом.

Когда она опустила нас в морозильник, Тед, как ему и полагалось, заплакал, потому что был не такой сильный, как я.

Над нами сомкнулся мрак. Наша кожа превратилась в бездну пламени. Тед слишком часто дышал и без конца кашлял. Я знала, что должна его защитить. Долго ему так было не продержаться.

– Выбирайся, Тед, – сказала я. – Идем.

– Куда? – спросил он.

– Сделай, как я. Уйди. Прекрати быть.

– Но я не могу!

Его голос перешел в визг.

– Да иди уже! – подтолкнула его я. – Такой большой, а все еще ребенок.

– Я не могу!

– Ну что же, – сказала я, – может, на этот раз Мамочка зайдет слишком далеко и мы умрем.

Раньше о таком простом и изящном решении я никогда даже не думала.

– Тед! Мне в голову пришла мысль!

Но Тедди уже не было – он ушел, отыскав свою дверь.

Тед

Воздух вокруг как-то изменился. Я стоял у двери в наш дом, но там не было ни улицы, ни леса, ни дуба. Вместо них меня со всех сторон окружала белизна, будто я оказался внутри облака. Это было совсем не страшно. Чувствуя себя в полной безопасности, я вошел в дом, укутанный пеленой теплого, тихого покоя. Быстро запер за собой дверь. *Щелк, щелк, щелк.* Я знал, что сюда Мамочка зайти не могла.

Вдруг воздух наполнился урчанием. Моей ноги коснулся пушистый хвост. Я поглядел вниз и затаил дыхание, не веря своим глазам. На меня смотрела пара прекрасных зеленых глаз, размером и формой напоминавших оливки для коктейля. Она глядела на меня, наострив в немом вопросе аккуратные ушки. Я присел на корточки и протянул к ней руку, отчасти ожидая, что через миг она растворится в пустоте. Ее шубка напоминала черный, как уголь, шелк. Я погладил ее, провел пальцем по белому пятнышку на грудке и сказал:

– Привет, киса.

А когда она в ответ замурчала, добавил:

– Здравствуй, Оливия.

Она стала восьмеркой виться у моих ног. Я пошел в гостиную, с ее теплым, желтым светом и мягким диваном, и взял кису к себе на колени. Дом был почти такой же, как у меня наверху, но чуточку все же отличался. Ковер холодного, голубого оттенка, который я всегда ненавидел, здесь приобрел глубокий, оранжевый оттенок солнца, катящегося к горизонту над зимней автострадой.

Сидя на диване и поглаживая Оливию, я услышал глубокое, размеренное дыхание; вздымающиеся и опадающие, сильные бока. Мне совсем не было страшно. Вглядевшись во мрак, я увидел его. Он лежал огромной кучей и смотрел на меня похожими на лампочки глазами. Я протянул руку, и из мрака, ступая на своих мягких лапках, вышел Мрак.

Вот так у меня и появилась кошка. В действительности все произошло даже лучше, чем я надеялся, потому что вместо одной у меня теперь было сразу две.

И именно так я обнаружил в себе потайной уголок. Туда можно спускаться по первому желанию, но это гораздо легче, если использовать морозильник в качестве двери. Думаю, что этот потайной уголок можно было бы превратить в замок, дворец или что-то в этом роде. Но как бы я мог найти свои вещи в таком большом помещении, как замок?

Теперь я Большой Тед, хотя Малыш Тедди тоже никуда не делся. И если ухожу, то лишь потому, что на первый план выходит он. Лицом он пользуется совсем не так, как это делают взрослые, поэтому его вид может напугать, хотя он в жизни не причинит никому зла. Именно Малыш Тедди подобрал голубой шарф и попытался вернуть его леди, которая сидела и плакала в своей машине на парковке бара. Увидев его, она закричала. Он побежал за ней, но она быстро уехала и скрылась за пеленой дождя.

Лорен

Тед ушел, и вся боль, которую мы до этого делили пополам, обрушилась на меня. Я даже не думала, что тело может столько выдержать. Попыталась спуститься за ним в потайной уголок, однако он отгородился от меня дверью. Интересно, ему оттуда слышались мои крики? Надеюсь, что да.

Под конец Мамочка уложила нас в небольшую кроватку. Швы под бинтами очень чесались, но я отлично знала, что трогать их нельзя. По комнате без конца проносились тени, из клетки смотрели розовые глаза мышонка.

– Мне страшно, – попыталась я обратиться к Тедди, но он ничего не ответил, глубоко погрузившись в свой потайной уголок, изобиловавший черными хвостиками, зелеными глазами и мягкими шубками.

Мне очень хотелось сдержать слезы, но все равно не удалось.

Потом я почувствовала, что Тед смягчился ко мне.

– Теперь, Лорен, можешь поспать, – сказал он, – а покараулит пока кое-кто другой.

Я услышала, как наверх, на второй этаж, на своих изумительных лапках поднялся Мрак, и я провалилась в тихую, ласковую черноту.

А утром проснулась от его плача. Тед нашел в клетке кровавленные косточки Снежка, которого ему было очень жалко.

– Бедный Снежок, – снова и снова шептал он, – как нехорошо.

Из-за этого мышонка он плакал даже больше, чем из-за небольшой железнодорожной колеи черных швов, бежавших вниз по нашей спине. В тот момент, когда их накладывали, его здесь не было. Он их не чувствовал – в отличие от меня, потому как я чувствовала каждый из них.

Тед знал, что Мрак ни в чем не виноват. Просто такова была его природа, которой он подчинялся. Тед сказал Мамочке, что мышонок сбежал из клетки и его сожрала бродячая собака. В определенном смысле так оно и было. Но Мамочка ему, конечно же, не поверила, отвела Тедди в лес и велела скрывать от всех его истинную натуру.

Подумала, что его терзает своего рода голод. Тед боялся, что она придумает способ отнять у него Оливию и Мрака. (Тогда остались бы только он и я, а *этого* ему совсем не хотелось.) Поэтому, когда она решила, что это старая болезнь, от которой страдал еще ее отец, державший своих питомцев в склепе под *илизом*, разубеждать ее он не стал.

Я стала понимать то, чего Тед не мог и не позволял себе знать. Каждый раз, когда всплывала эта мысль, он топил ее все глубже и глубже. А она все рвалась к поверхности, как пробка или тело утопленника. Мысль о том, что болезнь действительно передалась по наследству, но только не Теду. Интересно, что ответили бы жители Локронана на вопрос о том, за что они вышвырнули Мамочку. У них, вполне возможно, есть другая версия тех событий. А может, вовсе не отец был болен.

В школе многие почувствовали, что в душе Теда что-то изменилось. Он будто превратился в маску, за которой ровным счетом ничего не было. С ним больше никто не разговаривал. Но ему было наплевать. Теперь он мог уйти в глубь себя к своим кошечкам. И говорил мне, что впервые, сколько себя помнил, не чувствует себя одиноким. Не кому-то, а *мне*, притом что я ни на шаг не отходила от него, пока его штопала Мамочка.

Этот потайной уголок в своем естестве Тед стал называть воскресным укрытием, по той простой причине, что там не было ни работы, ни школы. Вскоре он понял, что его можно расширять. Не в состоянии работать дальше в автосалоне в Оберне, он соорудил себе подвал, где можно было бы доводить до ума двигатели, которые ему очень нравились. Мастерская вышла на славу, в ней стоял запах машинного масла и было полно сверкающих коробочек. В ящики он клал белые носочки, которые никогда не разрешала носить Мамочка, говоря, что они для девочек. А в потолке, в перекрытии, прорубил окно, в которое при желании можно было всю ночь смотреть на небо, причем так, чтобы его самого видела разве что луна. Он починил музыкальную шкатулку и вернул на каминную полку матрешек. В этом потайном уголке можно было чинить все, что он разбил или сломал. Там на стене постоянно висела фотография Мамочки и Папочки. В его воскресном убежище повсюду расхаживала Оливия, подняв трубой любопытный хвост. Он позаботился о том, чтобы у нее была

собственная дырочка для подглядывания. Для нее снаружи всегда царила зима – любимое время года Теда.

После истории со Снежком он разрешал Мраку охотиться только вниз. И ради его счастья постоянно пополнял воскресное убежище мышами. Страданий Тед больше не хотел.

Потом он добавил чердак, неизменно держа его на замке. Туда можно было сложить мысли с воспоминаниями, а потом закрыть дверь. Некоторых обитателей этого дома он не любил. В том числе зеленых созданий с длинными пальцами, которые когда-то были мальчиками. Тед боялся, что именно они, еще будучи детьми, пропадали на озере. Но поскольку их он тоже запер на чердаке, в этом не было ничего страшного. Ночью порой можно было услышать, как они царапали по доскам своими костлявыми, похожими на палочки, пальцами и плакали.

Чем больше времени Тед проводил в потайном уголке, тем отчетливее и подробнее тот становился. Вскоре ему стало ясно, что туда можно спускаться когда угодно, и он стал проводить там массу времени. По телевизору в его воскресном убежище показывали то, что ему хотелось. И даже можно было увидеть, что происходит в доме наверху. Если что-нибудь хорошее, например, Мамочка покупала мороженое, он мог открыть входную дверь и подняться обратно туда. И чаще всего обнаруживал, что лежит в морозильнике, в провонявшей кислотой темноте, а наверху звездочками сияют отверстия для доступа воздуха. С течением лет он поднимался туда все реже и реже.

И все чаще оставлял меня наедине с Мамочкой. Когда она направляла под нужным углом свет, Тед отправлялся в воскресное убежище и гладил свою кису.

Со временем я возненавидела эту самодовольную кошку, и Тед это знал. Порой, стоило мне попытаться спуститься вниз, он подвешивал меня между двумя этими мирами, запирая в черном, провонявшем уксусом морозильнике только потому, что внизу в это время была кошка. Потом она уходила, и тогда наступала моя очередь. Позже он обнаружил, что, если я совершала поступок, который ему не нравился, меня можно было постоянно держать в темном холодильнике.

Когда мы отправляемся куда-то из дома, заявлять о себе в полной мере я могу только с разрешения Теда. В основном же мне приходится

довольствоваться мелочами – нацарапать записку на изнанке легинсов, на пару секунд отвлечь его внимание. И в любом случае могу делать только то, для чего не нужны ноги. Уж не знаю, по какой причине причудливый разум Теда сотворил меня такой, но как есть, так есть. В итоге ему приходится повсюду носить меня, беспомощную калеку, на руках. Думаю, порой он забывает, что мы до сих пор живы только благодаря моей силе.

Раньше мне казалось, что Тед даже гусю не скажет плохого слова. Но вскоре я увидела, насколько была не права.

Как-то раз мы рылись в Мамочкиных ящичках в поисках мятных леденцов. Сладости она не любила, но ей нравилось освежать ментолом дыхание, поэтому она клала на несколько секунд леденец в рот, а потом выплевывала его в носовой платок. Постоянно перепрятывала их, но порой нам все равно удавалось их отыскать. И какими голодными мы бы ни были, знали, что съесть можно только один. Мамочка всегда их пересчитывала, но один леденец представлял собой *допустимую погрешность*.

В ящичках у нее хранилось много чего интересного. Старый песенник с медведями на обложке, белый детский шлепанец. Тедди в тот день вел себя очень беспечно и рылся в ее чулках влажными руками.

– Она заметит, Тедди. – сказала я. – Перестань! Ты же их порвешь!

Он поднял голову, и мне в глаза бросилось наше отражение в зеркальце туалетного столика. В этот момент я все поняла по его лицу. Ему стало на все наплевать. Мамочка накажет нас, да так, что наше тело будет выть от боли. Засунет нас в большой ящик с уксусом. Но Тедди просто спустится вниз, а прочувствовать все это на себе придется мне.

– Тед, – произнесла я, – ты же не станешь...

Он пожал плечами и взял коробочку с мятными леденцами, аккуратно завернутую в ночную рубашку на бретельках. Затем медленно, с мечтательным выражением на лице открыл ее, поднес к губам, наклонил и стал сыпать сладости в рот. Некоторые не попали в цель и запрыгали по полу.

– Тед... – прошептала я. – Остановись. Не глупи, она за это истерзает наше тело.

Он вытряхнул последние леденцы в рот, и так уже битком набитый белыми кругляшами. Даже охваченная паникой, я почувствовала их сладкий вкус, заполнивший всю ротовую полость... И тут же встряхнулась. Его надо было остановить.

– Я закричу! И позову ее сюда.

– Ну и что? – ответил он. – Пусть идет, достанется ведь не мне, а тебе.

У него во рту цокали друг о дружку леденцы.

– Наказать ведь можно не только тело, – сказала я, – мне ничего не стоит рассказать ей о твоём воскресном убежище и этих кошках. Она придумает, как с этим всем разобраться. Не знаю, как ей это удастся, но ты прекрасно понимаешь, что я права. Мамочка умеет терзать не только тело, но и мозг.

Он зарычал, посмотрел на меня в зеркало и тряхнул головой. Я вдруг ощутила, что во рту у меня больше ничего нет. Вкус куда-то пропал. Он отрезал меня от наших органов чувств и, похоже, удивился этому не меньше меня. Мы даже не знали, что такое вообще возможно.

– Ты можешь лишить меня мятных леденцов, но рот мне все равно не закроешь, – сказала я.

Тед подошел к комоду, вытащил из лежавшей там подушечки булавку и медленно вонзил ее в подушечку большого пальца.

Меня пронзила красная стрела огня, я закричала и заплакала.

Тед стоял перед зеркалом. На его лице застыло выражение клинического интереса, столь характерное для Мамочки. Снова и снова вонзая иглу, он сказал:

– Я перестану, только когда ты мне пообещаешь.

И я действительно пообещала.

О жизни мне известно кое-что такое, чего не знает Тед, потому что это слишком болезненно. Никто не может выдержать столько страданий. Я попыталась ему это объяснить. «Плохи дела, Тедди. Мамочка рехнулась, хотя для тебя это не новость. Она больше себя не контролирует, поэтому в один прекрасный день зайдет слишком далеко и прикончит нас. Нам лучше самим найти выход из положения. Мы не обязаны постоянно чувствовать себя плохо. Возьми нож или веревку.

Иди спрячься в озере. Углубись в лес, пока вокруг все не окрасится в зеленые тона. Благословение финала». Тедди попытался закрыть уши, но полностью заткнуть мне рот не смог. Мы с ним две части одного целого. По крайней мере, должны быть.

Вскоре после этого я впервые попробовала нас убить. Попытка вышла так себе, но при этом показала Тедди, что у него нет желания умирать. Он придумал способ заставить меня молчать и теперь, когда принимался меня мучить, включал Мамочкину музыку. Боль была такая, что в нее превращались сами ноты, давая ей возможность вплетаться в воздух. Агония прекращалась, только когда я наполовину уходила вниз, в мрачный морозильник, а тело оставалось совершенно пустым. И очень быстро научилась исчезать при первых переливах гитарного аккорда.

Тед ничего не знает. Мне все еще приходится с ним воевать. И я сильнее, чем он думает. Порой, когда он уходит, вместо него приходит совсем не Малыш Тедди, а я. И когда обнаруживает, что у него в руке зажат нож, – то это я пытаюсь сделать то, что должна.

Но мне все же не хватило сил. Тед слишком крепко держит меня в своей власти. Мне пришлось подговорить сделать это кошку. Так вот мы до всего этого и дошли.

Тед

Она, должно быть, заподозрила, что вся ее жизнь вот-вот рухнет. Полиция приходила в больницу, на старую Мамочкину работу, и задавала вопросы. Ребятишки в детском саду, где она работала теперь, стали на удивление неуклюжими. Раньше самым неловким был Тедди, и серьезное вмешательство, от которого на теле оставались следы, она приберегала для него. Но в последнее время его ей уже не хватало. Нашлось слишком много детей, которые никогда не падали, но им кто-то накладывал швы.

Накануне вечером Мамочка долго меня штопала. Результат ее усилий до сих пор повергал меня в дрожь. Я пришел на кухню за стаканом воды. Мамочка стояла на цыпочках на стуле. В руках у нее был кусок бельевой веревки. В дождливые дни, такие как сегодня, она растягивала ее через всю кухню и сушила свои чулки. Колготок она никогда не носила.

– Тедди, – сказала она мне, – ты парень высокий. Помоги мне, я никак не могу перебросить эту чертову веревку через балку.

Мне странно было слышать ругательство, произнесенное ее элегантным голосом с легким акцентом. Я встал на стул и перекинул веревку через поперечный брус.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила она, – теперь ступай в магазин и купи себе мороженого.

Я в испуге посмотрел на нее. Мороженое мы покупали только раз в году, на ее день рождения.

– Но ведь от него портятся зубы, – сказал я.

– Теодор, прошу тебя, не надо со мной спорить. Когда вернешься, тебе придется выполнить одно не самое приятное задание. Ты запомнишь то, что я сейчас скажу? Записывать ничего нельзя. Я практически сразу потеряю сознание, поэтому повторить тебе ничего не смогу.

– Думаю, что запомню, – ответил я.

– Тебе нужно будет кое от чего избавиться. Оно останется здесь, на кухне. Ты должен отнести его в лес. Но сначала дождись, когда

стемнеет, чтобы вынести его из дома, потому что закапывать что-либо в лесу запрещено.

– Хорошо, Мамочка, – сказал я.

После этого она дала мне десять долларов, что для мороженого было слишком много. Закрывая за собой дверь, я услышал, как она тихо произнесла: «Да, мой анку». Происходящее выглядело все более странно.

Я купил ванильное мороженое, единственное, которое ей нравилось. Моя память до сих пор сохранила ощущение онемения пальцев в том месте, где они прикасались к холодной банке, и тонкий налет инея на крышке.

Когда я зашел на кухню, мой взгляд тут же упал на нее. В каком-то смысле, ничего другого я с тех пор вообще больше не вижу. Та картина намертво запечатлелась на обратной стороне моих век. Мать висела, слегка раскачиваясь в воздухе, словно чудовищный маятник. От ее движений слегка покрывала бельевая веревка. Зубы закусил посиневшую нижнюю губу, будто в последнем пароксизме сомнений.

Рядом с парящими ногами были аккуратно сложены ее любимые вещи – несессер с голубым платьем из полупрозрачной ткани, ночным халатом, духами и сумочкой из мягкой замши цвета животика лани. На вещах лежала записка, написанная ее ровным, каллиграфическим почерком французской школьницы. «Отнести в лес», – говорилось в ней.

Мне пришлось дождаться ночи. Она сама мне так сказала. Но мне не хотелось оставлять ее, чтобы она так висела. Я боялся, что кто-то постучит в дверь и настойчиво потребует его впустить. А потом увидит ее. Нет, неприятности были мне не страшны. Но на этой веревке, с искаженным, посиневшим лицом, она выглядела такой беззащитной, и мне не хотелось, чтобы на нее глазел кто-то еще.

Поэтому я ее снял. Касаться ее было нелегко. Ее тело еще хранило тепло. Я подогнул ей ноги и сложил руки, чтобы она не занимала много места, и засунул в шкафчик под раковиной, снова и снова повторяя: «Прости, прости, прости». Потом вымыл пол от испражнений в том месте, где она висела.

Сначала хотел послать вместе с ней всю одежду, но не нашел ее большого чемодана. Поэтому лишь добавил в сумочку несколько повседневных личных вещей, которые могли понадобиться ей в лесу. Положил туда набор инструментов для наложения швов. Упаковал экземпляр «Басен Эзопа», лежавший у ее кровати. Без книги Мамочка была не в состоянии уснуть, и я переживал, представляя, как она будет лежать в холодном лесу без сна.

Покрывалом опустилась ночь. Я взвалил Мамочку и ее вещи на спину и отнес в чащу. К этому моменту она уже окоченела, ее тело стало липким. Из него сочилась всякая гадость. Ей это было бы ненавистно. Я знал, что должен отнести ее в лес. Как только мы оказались под его сенью, мне тут же стало легче.

Чем дольше мы шли по ночному лесу, тем тяжелее она мне казалась. Я спотыкался и задыхался. Ноша будто перемалывала спину, колени дрожали. Но все это я принимал даже с радостью. Все правильно, такого рода поход не может быть легким.

Я похоронил ее посреди поляны, рядом с мышонком Снежком. В южном ее углу закопал голубое платье, в западном любимую кожаную сумку Мамочки, в восточном духи. Когда земля принимала каждый из этих предметов, он становился богом. Положив в яму саму Мамочку, я увидел, как земля приняла ее в свои объятия, и прошептал: «Ты в моем сердце». Она стала преображаться. На нас сотней глаз смотрели белые деревья.

Лорен прошептала мне в ухо: «Давай тоже ляжем. Мы можем упокоиться рядом с ней».

Я на миг задумался. Но потом вспомнил, что если меня не станет, вместе со мной умрут Оливия, Лорен, Мрак и малыши. И понял, что не хочу этого.

Когда все боги надежно укрылись в своих домах, я вновь завалил их землей. Но даже когда они были окончательно погребены, все равно чувствовал энергию, которой они лучились. От них из-под земли исходил свет.

Мамочка все сделала вовремя. Через два дня пришла полиция. Я стоял на крыльце под лучами солнца, превратившегося в пылающую звезду. И стал «картинкой» для того парня из газеты. Обыскав дом,

копы, вполне естественно, ничего не нашли. Не хватало сумки и некоторой одежды.

«Куда она ушла?» – спросили они меня.

Я покачал головой, потому что и правда этого не знал.

Перед тем как все это сделать, Мамочка отправила Леди Чихуахуа-Таксе-Терьер письмо. Та на тот момент уехала в отпуск в Мексику, но по возвращении его прочла. В нем говорилось, что Мамочка уезжает по состоянию здоровья. Моя мать была очень закрытым человеком. И при этом основательным. Поэтому не хотела ни перед кем раскрываться даже после смерти. Это, пожалуй, было единственным, что я в действительности в ней когда-либо понимал.

Так что Мамочка исчезла, ее так и не нашли. Та маленькая девочка тоже пропала. Хотя я не думаю, что они теперь в одном и том же месте.

Когда ко мне впервые пришла Лорен, ей было шесть лет, и в этом возрасте она оставалась еще довольно долго. Раньше я об этом не задумывался, но столько же было и Девочке с фруктовым мороженым на момент ее исчезновения.

В конце концов Лорен все же стала расти. Взрослела медленнее меня, но все же выросла. С течением времени в ней все больше набирал силу гнев, и ничего хорошего в этом не было.

«Мне негде держать все эти чувства», – без конца говорила она.

От этого мне становилось совсем плохо, потому что в действительности она делила мою боль. И за это, что бы она ни делала, я ее любил. Наше тело она ненавидит. Для нее оно слишком большое, волосатое и странное. У нее даже нет возможности носить любимую одежду – усеянные звездами легинсы, маленькие розовые туфельки. Они на нее просто не налезают, в продаже нет нужных размеров. Тот случай в торговом центре, пожалуй, был хуже всего. Я страшно из-за нее расстроился и хотел защитить, как настоящий отец. Пообещал себе постараться им стать для нее. Теперь знаю, что у меня все равно ничего не получилось. У меня у самого все слишком наперекосяк, чтобы кому-то помочь.

Во внутренний потайной уголок я отправлялся каждый раз, когда нуждался в утешении. Там меня всегда ждала Оливия с ее маленькими лапками и пытливым хвостом. О мире за пределами воскресного

убежища она не знала ничего, и это меня всегда радовало. В компании с ней я тоже не желал ничего такого знать.

Но в мире, вполне естественно, нет ничего совершенного. И воскресное убежище тоже не лишено изъянов. Порой происходит то, чего совсем не ожидаешь. Белые шлепанцы, давно пропавшие мальчишки, плачущие за дверью чердака.

Я умолкаю. Похоже, что мы подошли к концу. Лорен больше нет. От усталости меня преследует чувство, что я испаряюсь, словно вода.

– Я мог бы и сам догадаться, – сказал он, – Чэмп точно знал.

– Как это?

– Вы ему нравитесь. Но в тот день он так облаял вас на улице, будто сошел с ума. В ваших глазах мне показалось нечто такое... там будто был кто-то другой. Я подумал, что мне померещилось.

– Это была моя кошка, Оливия, – отвечаю я, – пыталась выбраться наружу. Ладно, не берите в голову, об этом поговорим в другой раз.

Он встает, собираясь уйти. Я знал, что так оно и будет.

– А кто присматривает за вашей собакой?

Думаю, мне просто хочется, чтобы он еще немного задержался, потому что больше мы с ним не увидимся.

– Что?

– Ваш пес, – отвечаю я, – вы ведь провели здесь целые сутки. А собаку так надолго оставлять нельзя, это неправильно.

– А я и не оставлял, – отвечает он, – за Чэмпом приглядывает Линда Морено.

Потом видит на моем лице замешательство и объясняет:

– Женщина с чихуа-хуа.

– Я думал, она пропала, – говорю я, – на телефонных столбах висели объявления, на которых было ее лицо.

– Она отправилась в круиз по Атлантике, – отвечает он, – с парнем гораздо моложе ее. Не хотела, чтобы об этом узнала ее дочь. А та подняла тревогу. Но сейчас она уже вернулась. И к тому же отлично загорела.

– Вот и хорошо, – говорю я, чувствуя в душе прилив счастья.

За Леди Чихуахуа я переживал. Здорово, что хоть у кого-то все в полном порядке.

– Завтра увидимся, – говорит он, хотя я знаю, что этого, конечно же, не будет.

Затем уходит. Этот человек, похоже, никогда не тратит лишних слов.

За окном сгущается мрак – или то, что принято считать таковым в городе. Лампу у кровати я не включаю и смотрю, как фонари на парковке рисуют на потолке белые квадраты. Приходит медсестра, трясет меня за плечо, и я просыпаюсь в ослепительном-белом, неоновом свете. Она дает мне попить воды, и на пластиковой чашке, которую ее руки подносят к моим губам, виднеется название больницы. С именами собственными я не в ладах, к тому же спросонья и от болеутоляющих у меня гудит голова, поэтому до меня не сразу доходит, что это та самая больница. Здесь работала Мамочка, а потом ее отсюда уволили за то, что она творила с детьми. Я оказался в одной из странных петель времени, но где именно – в начале или же в конце, – сказать не могу. Медсестра уходит, и я опять лежу в темноте. До меня, по-видимому, впервые за все время, доходит, что мать действительно умерла.

– Оказывается, ты не в состоянии меня убить, – говорю я Лорен, – как и я тебя. А раз так, то мы должны придумать что-то другое, дабы жить дальше.

Я пытаюсь ее нащупать и взять за руку. Но ее нет рядом. Может, спит, может, отгородилась от меня, а может, попросту молчит. Сказать, слышит она меня или нет, я не могу.

В голове кружат мысли о Леди Чихуахуа. Надеюсь, она хорошо провела отпуск с молодым бойфрендом и теперь расслабляется в своем милом желтом домишке с зеленой окантовкой.

Я верчу в руках чашку, и у меня перед глазами крутится название больницы. Той, где работала Мамочка. Но здесь ее нет. Она дома, ждет меня в шкафчике под мойкой.

В мозгу дергается какая-то мысль, отдаваясь в голове легким зудом. Что-то о Леди Чихуахуа и ее поездке в Мексику. Я качаю головой. Нет, неправильно. Она отправилась не туда, а в морской круиз.

В Мексике она была в прошлый раз. Такое подергивание в мозгу мне хорошо знакомо, это случается, когда я что-то забыл. Но уже его не чувствую.

Человек с апельсиновыми волосами приходит, когда меня готовят к выписке. Мне приходится дважды на него посмотреть, дабы убедиться, что это действительно он. Я очень удивлен и как-то странно робею. Вчера вечером мы рассказали ему столько всего, что теперь я чувствую себя перед ним голым.

– Мне подумалось, что вас будет неплохо отвезти, – говорит он.

Когда мы подъезжаем ближе, я чувствую запах леса. Какое же облегчение охватывает меня при виде улицы, покореженного знака и громоздящихся на горизонте деревьев.

Но мне совсем не хочется, чтобы он видел мой унылый дом: фанеру на окнах, пыльные, темные комнаты, в которых я живу вместе с остальными. Мне хочется, чтобы он ушел. Но вместо этого он помогает мне выбраться из машины и войти в дом. Делает все с толком и быстро, не требуя никаких благодарностей. Но даже когда мы входим в дом, он все равно топчется в холле и будто не замечает ни паутины, ни царящей повсюду разрухи. Так что теперь мне надо ему что-нибудь предложить. Из холодильника воняет прокисшим молоком. На меня приступом боли наваливается отчаяние.

– Может, пива? – предлагает он, оглядывая его содержимое.

– Давайте, – отвечаю, тут же веселею и заглядываю в буфет, – бьюсь об заклад, что вы никогда не ели соленый огурец с арахисовой пастой.

– Это пари вы точно не проиграете, – говорит он.

Мы устраиваемся на сломанных садовых стульях на заднем дворе. Стоит замечательный день. В лучах клонящегося к горизонту солнца пляшут пушистые головки одуванчиков. На слабом ветру шепчутся деревья. Я поднимаю глаза и на миг чувствую себя почти что нормальным человеком, который сидит во дворе и пьет с другом пиво, наслаждаясь теплом позднего лета.

– Больница, – говорит он, – вам наверняка не хватало там простора природы. Вам нравится лес.

– Да, это так, – отвечаю я.

– Привет, – здоровается он, но не со мной.

Из подлеска выходит кошка, исхудавшая даже больше обычного.

– Ну, как твои дела?

Она трется и вьется вокруг заржавевших ножек стула. Он кладет для нее на землю немного арахисовой пасты, и кошка с довольным урчанием ее слизывает.

– Раньше у нее были хозяева, – рассказывает он, – а потом ей вырвали коготки и бросили. Что за народ.

Кошка укладывается у его ног, и солнце высвечивает на ее шерстке слой пыли.

Я думаю, какой вопрос в сложившихся обстоятельствах задал бы нормальный человек.

– А как это, быть в заповеднике егерем?

– Нормально, – говорит он, – я с самого детства хотел работать на природе. Хотя и вырос в городе.

У меня не получается представить его среди высоких зданий или на оживленных тротуарах. Он словно создан для одиночества и больших расстояний.

– Мы с вами общались и раньше, – говорит он, – и время от времени здоровались в баре.

– Да? – удивляюсь я.

Я слишком смущен и поэтому не говорю, что моя память сохранила лишь обрывки воспоминаний о том времени, когда меня еще можно было увидеть в баре. Думаю, ближе к концу верх одержал Малыш Тедди, которому совсем не нравится общаться со взрослыми. А может, я просто был пьян.

– Этот бар был выбран мной, чтобы приглашать туда женщин, – говорю я. – Полный идиотизм, правда?

После этого я рассказываю ему о свидании с леди в голубом.

– Но потом вы продолжали приходить туда один, даже когда поняли, что он собой представляет.

– Ну да, – звучит мой ответ, – чтобы выпить.

В воздухе между нами явно что-то происходит. Время будто вытянулось в длину. Сам того не желая, я не свожу глаз с его предплечья, покоящегося на ржавом стуле. Бледная кожа, покрытая тоненькими волосками, которые сияют на солнце, словно раскаленные проводки.

В моей душе колыхается страх.

– Меня совсем нельзя назвать обычным человеком, – говорю я, – быть таким очень трудно. А быть рядом со мной, вероятно, еще труднее.

– А что такое обычный человек? – спрашивает он. – Каждый делает то, что может.

Память воскрешает сжатые Мамочкины губы и ее отвращение. Я думаю о человеке-жуке, которому не терпится написать книгу о том, в какого психа после всего пережитого превратился его пациент, и говорю:

– В данный момент вы можете только одно – уйти.

Когда он уже набрасывает ремень безопасности, я, прихрамывая, подхожу к машине и прошу его:

– Простите, я не хотел. Мне выдался паршивый месяц. Даже год. А если честно, то вся жизнь.

У него поднимаются брови.

– Прошу вас, пойдете обратно, – продолжаю я. – Выпьем еще пива, поговорим, но на этот раз уже о вас.

– Вы только что из больницы. Вам, наверное, надо отдохнуть.

– Не заставляйте меня бежать за вашей машиной, я ведь действительно только что из больницы.

Он на миг задумывается, выключает двигатель и говорит:

– Ну хорошо, у меня тоже найдется парочка не самых банальных историй.

Его зовут Роб, и у него есть брат-близнец. В детстве и юности они творили все проделки, так характерные для близнецов. Путали мать, выдавая себя один за другого, а в старших классах иногда даже ходили друг за друга на занятия. Роб лучше разбирался в точных науках, а Эдди в гуманитарных, английской литературе и далее в том же духе. В итоге они оба получили хорошие отметки. Повзрослев, перестали дурачить родителей, а с подружками и вовсе так никогда не шутили – соглашались, что это низко и применять подобные трюки по отношению к любимым нельзя. Потом Роб завязал с подружками. Эдди он ничего не сказал, даже когда встретил мужчину, работавшего в ресторане, от одного вида которого у него в груди быстрее билось сердце. Они стали встречаться.

Как-то вечером парень из ресторана увидел через дорогу Роба. Поскольку его переполняла любовь, он перешел на другую сторону улицы и заключил возлюбленного в объятия. Едва коснувшись его, сразу понял, что это не Роб, но было уже слишком поздно. Эдди бил его до тех пор, пока у него не перестали видеть оба глаза.

Парень из ресторана уехал. Брат с Робом больше не общался, да и тому, по его словам, тоже не очень-то этого и хотелось.

– Но у меня все равно такое ощущение, – говорит он, – что я потерял ногу. Без него мне словно пришлось заново учиться ходить. Какое-то время я не желал никого видеть. Только мою собаку и лес. Больше всего мне нравилось бывать там ранним утром, когда вокруг нет ни одной живой души.

Я немного размышляю над его историей и говорю:

– Если бы с вами ничего этого не случилось, меня бы уже не было в живых.

– Пожалуй... – удивленно отвечает он. – Думаю, так оно и есть.

Потом мы несколько мгновений смотрим друг на друга и сидим в полной тишине.

Домой он уходит, когда на задний двор медленно вползает вечер. Солнце низко клонится над горизонтом, окутывая окрестности тенями и завершая подготовку к ночи. Когда я собираю пустые банки из-под пива, над моей головой, в ветвях березы, мелькает желтое пятно. В сумерках раздается песнь щегла. Ко мне возвращаются птицы.

Мрак-Оливия

Всем привет. Добро пожаловать на первый выпуск шоу «ИнформЯУция от Мрака-Оливии». Нас ждет много чего замечательного. Мы поговорим об освещении – о типах солнечного света и видах темноты, о том, какой из них лучше всего подходит для сна, а какой придает в сумерках потусторонний блеск вашим глазам и тому подобное, плюс обсудим, какие тени лучше всего скрывают вас, когда вы черной молнией смерти крадетесь в ночи за жертвой.

Но сначала давайте обратимся к вопросу, о котором все знают, но никто не желает обсуждать. Я имею в виду верхний мир, который некоторые называют настоящим. Думаю, мы все согласимся, что он далеко не так хорош, как этот, внутренний. Там все серо и вечно стоит вонь. Мне не нравится цвет ковра, который там, наверху, не ярко-оранжевый, а синюшного оттенка мертвых тедов. Так или иначе, но иногда я туда все же поднимаюсь, несмотря на все оговорки, потому как всегда надо знать, с чем имеешь дело. А изредка даже выхожу наружу. Поэтому называть меня домашней кошкой больше нельзя. Теперь я вижу и ощущаю тот самый мир, который раньше могла лишь слышать и обонять снизу, изнутри, из потайного уголка. А если захочу, то могу подняться наверх и вместе с Тедом погулять по опавшим листьям, ощутив зябкое пощипывание первого морозца, когда дни все больше идут на убыль.

Но снаружи действительно сплошное разочарование, что правда, то правда. Я сказала бы, суцая ерунда. Там есть кошка, только совсем не та, которая мне нравится. Увидев ее впервые, я подумала: «Какая же ты бедняжка». У нее тусклые, коричневые глаза – посмотрев в них, можно увидеть только голодное животное. Вся маленькая и тощая, без когтей, при ходьбе жутко хромает, а о каком-либо лоске и говорить не приходится. Тед с апельсиновыми волосами твердит, что ее надо кормить. Сам он похож на дровосека, хотя в действительности очень сентиментален. К тому же от него вечно воняет этим огромным, громогласным чудищем, которое просто отвратительно. Тед без конца говорит мне, что именно оно нашло нас в лесу, унюхав кровь, но я отказываюсь верить, что меня

спасли подобным образом. Так или иначе, мне было очень интересно, как он сам справится без Оливии, но с ним, похоже, все в полном порядке.

Мне нравится спускаться вниз в воскресное убежище и смотреть в окошко на другую кошечку, настоящую красавицу, когда она прихорашивается и наводит чистоту, неподвижно глядя перед собой, будто змея, яблочно-желтыми глазами. Она, конечно же, одна из нас, еще одна наша часть. Вообще-то, об этом надо было догадаться раньше. Она решила ни с кем не говорить, но я все же надеюсь в один прекрасный день услышать от нее в свой адрес пару слов. Пока же я буду ждать и поклоняться ей, как божеству. А если понадобится, то буду делать так всегда. А о том, что происходит наверху, я всегда могу узнать с помощью телевизора.

Порой появляется Бог – проходит на кухне через стену или воспаряет к плафону на потолке над лестничной площадкой. Затем поворачивается и смотрит на меня с высоты круглыми, рыбьими глазами или взирает взглядом мухи, в котором отражается весь мир. Он – частица воображения Теда. Мамочка так много говорила об Анку, что тот, в конце концов, пришел. Мамочкин бог через Теда нашел дорогу из ее далекой Бретани в мир Оливии. Боги так и путешествуют – через умы.

Господь никогда не заставлял Оливию помогать Теду или Лорен. Ей просто хотелось творить добро. Она была славной кисой. Я тоже славная, помимо прочего.

Веревочки, когда-то связывавшей меня с Тедом, больше нет. Я немного скучаю по ней. Мы с ним связаны друг с другом, а веревочка служила тому свидетельством. Это было честно и отражало истинное положение вещей. Я нахожу, что в верхнем мире таких вот полезных символов совсем не много. Он представляет собой холодную, суровую местность, по которой неуклюже ступает наше большое, мясистое тело, а мы сами в нем как матрешки. Как по мне, так просто ужас.

В то же время теперь мы все можем подниматься наверх – Тед, Лорен, я и некоторые другие, чьих имен я пока не знаю. Они только-только показываются на глаза. Мы можем драться, говорить или делать что-то другое точно так же, как внизу, где мне нравится больше всего. Порой я забываю спускаться в воскресное убежище

несколько дней подряд. Поэтому считаю, что верхний мир в некотором смысле тоже стал для меня домом.

Тед

Тропинка бежит вперед, наматываясь на осенний день. В воздухе стоит аромат грибов и желтых листьев. Тонкими пальцами на фоне неба вверх тянутся деревья. От Роба рядом со мной исходит тепло, из-под его кепки огненными султанами выбиваются прядки волос. После того памятного утра в лесу прошло три месяца, хотя это могло произойти и целую вечность назад.

Истории прячутся друг в дружке, как матрешки, их отголоски перекликаются эхом. А началось все с нее – с Девочки с фруктовым мороженым. Она вполне заслуживает свидетеля, именно поэтому мы здесь.

От парковки до берега озера всего четверть мили, но чтобы преодолеть ее, нам требуется некоторое время. Я не столько иду, сколько с трудом волочу ноги, ни на миг не забывая о подживающей ране. Когда не чувствуешь боли, причинить себе вред не составляет никакого труда.

– Надень шарф, – говорю я Робу.

Мне так хотелось найти друга, чтобы он за всеми нами присматривал. Но странное дело: когда он у меня появился, я хочу только одного – самому приглядывать за ним.

Деревья расступаются, и мы выходим к кромке воды. Погода сегодня холодная, песок под нависшим над нашими головами пасмурным небом выглядит грязным и мрачным. Кто-то сегодня решил прогуляться, кто-то взял с собой собаку. Но и тех, и других совсем не много. Озеро поблескивает черным стеклом. Вода слишком неподвижна, как картина или оптический обман. Оно меньше того, что запечатлела моя память. Хотя, конечно же, изменилось не озеро, а я сам.

– Даже не представляю, что делать, – говорю я Робу.

Что живой может сказать мертвецу? Девочка с фруктовым мороженым пропала неизвестно куда. Мамочки под раковиной в действительности нет, как и Папочки в мастерской.

– Может, нам и не надо ничего делать, – отвечает он.

Поэтому я просто пытаюсь сосредоточиться на той девочке и вспомнить, что она сначала здесь была, а потом ее не стало.

Роб кладет мне на спину ладонь. Я адресую Девочке с фруктовым мороженым свои лучшие мысли: в воду, в небо, в опавшие, сухие листья, в песок и гальку у нас под ногами. А потом говорю: «Ты в моем сердце», чувствуя, что кому-то надо произнести эти слова.

После чего, хотя идет дождь, снимаю ботинки. Моему примеру следует и Роб. Наши ноги погружаются в мокрый песок. Мы смотрим на озеро, где капли дождя выбивают круги на блестящей, черной поверхности воды, которые бегут все дальше и дальше, устремляясь в бесконечность.

– Сегодня по-настоящему холодно, – наконец произносит Роб.

Он человек практичный.

Я качаю головой, сам не зная, чего ожидал. Здесь ничего нет.

Мы молча шагаем обратно к машине. Тропинка змеится вниз по склону обратно к парковке. Вдруг мой взгляд улавливает на забрызганной дождем земле какой-то яркий проблеск. Я наклоняюсь и поднимаю камешек – продолговатый, овальной формы, со скругленными краями и гладкий на ощупь. Зеленый, как мох, с белыми прожилками.

– Смотри, какой красивый камешек, – говорю я и поворачиваюсь показать его Бобу.

И в этот момент у меня под ногами грациозно и плавно разверзается земля. Подошвы скользят по раскисшей земле и камням, мир в одночасье переворачивается с ног на голову. Я немилосердно грохаюсь вниз.

У меня внутри что-то рвется. Это как быть снова убитым. Только на этот раз я ощущаю ударную волну – глубокую, черно-пурпурную. С силой звучат острые ноты, обдирая нервы. Меня простреливает то самое чувство, заполняя каждую живую клеточку тела.

Надо мной склоняется Роб, горестно скривив губы, и говорит что-то о больнице.

– погоди минуту, – отвечаю я, – дай мне все прочувствовать.

Можно было бы засмеяться, но мне слишком плохо.

Ко мне приходит понимание, что его впустила боль и барьеры между нами рухнули.

«Я положил его нам в карман», – говорит он мне ясным, юным голоском.

«Малыш Тедди?»

«Нам в КАРМАН, однако ты ВЫБРОСИЛ его на ПОМОЙКУ».

Я сую руку в карман брюк. Там откуда-то взялась кровь, испортив на мне рубашку.

– Что ты делаешь? – спрашивает Роб.

Его голос пронизывают холодные, серые прожилки страха.

– У тебя *идет кровь*... – продолжает он и достает телефон.

– Стой! Подожди!

Я почти перехожу на крик, и это приносит мне невероятную боль.

Пальцы нащупывают какую-то бумажку, которую я извлекаю на свет божий. *Убийца*. Мой список подозреваемых, вновь склеенный скотчем. На меня взирает последнее имя. *Мамочка*.

Малыш Тедди имеет в виду совсем не убийцу птиц. О том случае ему скорее всего даже ничего не известно. Он говорит совсем о другом убийстве.

«Я *пытался* тебе показать, – говорит он, – но ты ничего не желал знать».

На меня обрушиваются его воспоминания, накрывая волной страданий. Фонтан чувств, красок, влажной земли и лунного света на пустынных улицах. У меня такое ощущение, что я смотрю кино, в котором все можно понюхать и потрогать руками.

Малыш Тедди

И время, и боль мы делим между собой. Большой Тед отнес Мамочку в лес, чтобы она могла стать богом. Но зато я видел, что произошло накануне.

Я сижу в гостиной. После того, как не стало Папочки, прошло несколько лет. Недавно на озере пропала Девочка с фруктовым мороженым. Все очень расстроены.

На столе передо мной лист бумаги. Анкета о приеме на работу. Мурлыча что-то себе под нос, я желтым карандашом рисую на ней собственный портрет. Из-под кухонной двери ползет запах табачного дыма и жженого кофе. Леди Терьер держит речь.

– Полбанки по утрам и сухой корм на ночь, – говорит она Мамочке, – но только после прогулки. Боже правый, чуть не забыла. Папоротники в горшках надо поливать трижды в неделю. Не чаще и не реже. Некоторые скажут, что это чересчур, но я считаю, что почва, в которой растут папоротники, постоянно должна быть влажноватой.

– Можешь на меня положиться, – кротко произносит Мамочка.

– Я знаю, – отвечает Леди Терьер, позвякивая ключами. – Вот этот, на зеленой тесемке, от парадной двери; этот от черного хода, там можно спуститься в подвал, я использую его как убежище во время урагана. А в остальное время я его не открываю. Ах, Мехииииико. Буду пить коктейль на завтрак каждый день. Тот самый, с зонтиком. Я буду плавать, валяться на солнце и хотя бы в этот раз не думать о работе. Ну ничуточки.

– Ты это заслужила, – участливо произносит Мамочка, – после таких-то нагрузок.

– И не говори.

Становится тихо, потом доносится какой-то шорох, кто-то кого-то чмокает в щечку. Леди Терьер заключает Мамочку в объятия. Я сильнее прижимаюсь ухом к двери. Во мне кипит ревность, из меня чуть не выплескивается желчь.

Я стою у окна и смотрю, как Мамочка после наступления темноты выходит из дома. В руке у нее большой чемодан на колесиках, и мне

страшно, что она уезжает в Мехииииико отдохнуть вместе с Леди Терьер. Не хочу, чтобы меня бросили. Но в чемодане ничего нет, потому как на ходу она беззаботно им размахивает. Я неподвижно смотрю, ведь мне еще никогда не приходилось ее такой видеть. *Веселье и шутки* точно не для Мамочки. Знаю, она не хотела бы, чтобы ее сейчас видел я или кто-то другой. На улице сегодня не горит ни один фонарь. Похоже, ей очень повезло, что мальчишки перебили их все камнями.

Мамочка направляется в лес. Проходит какое-то время, ее довольно долго нет, и я почти уже плачу, опасаясь, что на этот раз она действительно ушла.

А потом все жду и жду.

Причем жду, как мне кажется, долго-долго, хотя на самом деле проходит час, может, два. Мамочка выходит из леса и шагает по продолговатым мрачным теням от ветвей, простирающихся над тротуаром. В прогалинах серебристого, лунного света я вижу, что в чемодане теперь лежит что-то тяжелое. Она неспешно везет его за собой по тротуару на колесиках. А потом проходит мимо нашего дома, не остановившись и даже не бросив взгляд! Я поражен. Куда это она собралась?

В лунном свете зеленая окантовка дома Леди Терьер выглядит серой. Мамочка направляется на его задний двор. Я ложусь в постель и с головой накрываюсь одеялом, но уснуть не могу. Ее долго нет, но потом она все же тихо входит в дом. Я слышу, как в ванной льется вода, как она чистит зубы. Затем едва слышно раздается еще один звук. Мамочка напевает что-то под нос.

Утром она такая же, как обычно. На завтрак дает мне кусок хлеба и баночку яблочного пюре. Ее руки пахнут сырой подвальной землей. Большого чемодана я больше нигде не вижу, скорее всего она отправила его в Мехииииико, а сама осталась здесь. Слышу, как она велит Большому Теду сходить в магазин за мороженым.

Я снова и снова пытался рассказать обо всем Большому Теду. Снова и снова подводил его к желтому дому с зеленой окантовкой, но он так ничего и не понял. Похоже, где-то в глубине души он и сам знал, что это Мамочка. Но изо всех сил надеялся, что это не так. Теперь ему уже не избежать правды. Бац, хрясь, как кулаком в живот.

Я слышу, как из груди Большого Теда вырываются рыдания.

Тед

– Лежи тихо, а то будет только хуже.

Где-то в небе надо мной нависает лицо Роба. Он еще бледнее обычного.

– Надо кому-нибудь сообщить, – говорю я с мокрой от слез бородой, – я знаю, где она. Прошу тебя, пожалуйста, нам надо ехать, не теряя ни минуты.

У Роба есть еще одна замечательная черта – не тратить время на всякие вопросы.

Все происходит быстро, но в то же время медленно. Мы ковыляем обратно к машине, и Боб отвозит нас в полицейский участок. Там нам приходится долго ждать. У меня все еще немного идет кровь, но ехать с ним в больницу я не хочу. «Нет, – отвечаю я, – нет, нет, нет и нет. НЕТ». Когда мои возражения раздаются громче, Роб в испуге отшатывается. Наконец к нам выходит уставший полицейский с мешками под глазами. Я рассказываю ему о том, что видел Малыш Тедди, после чего он делает несколько звонков.

Мы ждем приезда какого-то человека, который должен вот-вот подъехать. Сегодня у нее выходной. Она стремительно входит в комнату, на ней большие, рыбацкие сапоги. Она каталась на лодке. У женщины-детектива замотанный вид, она чем-то похожа на опоссума. Я узнаю ее, она была среди тех, кто одиннадцать лет назад обыскивал мой дом. Меня это радует. Мозг сегодня в который раз совершает для меня настоящий прорыв! Но чем дольше я говорю, тем больше с лица детектива-опоссума исчезает усталость.

Я опять жду, сидя на пластиковом стуле. Это что, все тот же полицейский участок? Нет, здесь полно тех, у кого что-нибудь болит. Больница. Наконец подходит моя очередь, и меня зашивают хирургическим степлером, от чего меня охватывает странное чувство. От обезболивающих я отказываюсь. Мне нужно чувствовать боль. Она ведь так коротка, наша жизнь.

Роб везет меня домой, когда уже темнеет. А когда поворачивает на нашу улицу, я вижу перед ее домом фургон. На желтых досках обшивки и зеленой окантовке красиво переливаются красно-голубые

огни машин. Леди плачет и крепко прижимает к себе чихуа-хуа, пытаюсь обрести в нем утешение. Пес лижет ей нос. Из-за нее мне становится плохо. Она всегда была ко мне так добра. Mamочка никогда не делала Леди Чихуа-хуа больно, но все равно заставила страдать.

Вокруг ее дома полиция устанавливает большие белые экраны, за которыми ничего нельзя разглядеть. Я стою у окна гостиной и наблюдаю, хотя смотреть там особо не на что. Так проходит несколько часов. Копать им, похоже, пришлось глубоко. Mamочка была человек дотошный. Мы все стоим, настороженные и бдительные в одном теле, не сводя глаз с белых экранов. Тихо плачет Малыш Тедди.

Мы точно знаем, когда из дома выносят ее – Девочку с фруктовым мороженым. И чувствуем рядом ее присутствие, которое витает в воздухе, как аромат дождя.

Поселившаяся рядом соседка домой так и не вернулась. Бросив меня в лесу и убежав, она без конца звала по имени какую-то девочку. Это навело меня на мысль. Я рассказал о ней детективу-опоссуму. Когда полиция обыскала ее дом и порылась в вещах, мне за нее стало больно – даже после всего, что между нами случилось. Теперь пришел ее черед, и все эти глаза смотрели на ее вещи. Потом выяснилось, что она сестра Девочки с фруктовым мороженым. Услышав об этом, я подумал: «Теперь они обе мертвы». И почувствовал в душе уверенность. Сам не знаю почему.

В доме, где поселилась эта сестра, полиция нашла желтую Mamочкину кассету с записью, касающейся Девочки с фруктовым мороженым. По словам детектива-опоссума, Mamочка, судя по всему, подобрала ее уже мертвой. Но я до сих пор не могу об этом думать.

У меня нет сомнений, что Mamочка приняла эту Девочку за мальчика. С девочками она не связывалась. И спутала ее из-за стечения обстоятельств. Стрижка, поездка на озеро, водитель, проехавший нужный поворот. От этого у меня болит сердце, и это чувство, думаю, уже никуда не уйдет. Как незаживающая рана.

Мы с детективом-опоссумом сидим у меня на заднем дворе и пьем газировку. Оттого, что нам пришлось выдернуть столько гвоздей, у нас болят пальцы. Нас со всех сторон окружают кучи переломанной фанеры. Теперь, когда окна больше не заколочены, дом выглядит

странно. Я без конца жду, что он моргнет. На солнце еще тепло, но вот в тени уже холодно. Землю покрывает толстый ковер из листьев – красных, оранжевых, коричневых, всех оттенков волос Роба. Скоро зима. Зиму я люблю.

Детектив-опоссум мне нравится, но пригласить ее в дом я не готов. Когда на него смотрят чужие глаза, я потом его не узнаю. Она, похоже, это понимает.

– Вы знаете, где ваша мать?

Этот вопрос она задает внезапно, в самый разгар разговора на совсем другую тему – о морских выдрах (ей и правда очень много о них известно). Я улыбаюсь, видя, что говорить об этих обитателях океана ей нравится, но при этом она пользуется ими в целях расследования, чтобы заставить меня врасплох и вытянуть правду. Мне по душе, что она так хорошо делает свою работу.

– Мне ее и дальше искать? – продолжает она. – Вы должны сказать мне, Тед.

Я думаю, что ей ответить. Она ждет, не сводя с меня глаз.

Об этом мире мне известно не очень многое, но я точно знаю, что будет, если полиция обнаружит кости. Везде начнут копать, в газетах появятся фотографии, пойдут передачи по телевизору. По ночам у водопада будут собираться ребятишки, пугая друг друга рассказами о медсестре-убийце. И Мамочка останется богом.

Нет. На этот раз ей действительно придется умереть. А значит, нужно, чтобы ее забыли.

– Ее больше нет, – говорю я, – она мертва. Обещаю вам. И на том все.

Похожая на опоссума женщина долго смотрит на меня и говорит:

– Ну что ж... Тогда этого разговора не было.

Я провожаю детектива-опоссума к ее машине. А когда шагаю обратно к дому, вижу, что буква «к» на вывеске с названием улицы и черточка посередине буквы «м» поблекли. Если прищуриться, то первая исчезает, а вторая выглядит как «й». *Ничейная улица*. Я вздрагиваю и быстро переступаю порог.

Человек-жук куда-то пропал. Его кабинет освободился. Я специально приходил посмотреть. Теперь разговариваю с жучихой. С ней по поводу меня договорился тот молодой доктор из больницы.

Иногда жучиха приезжает ко мне домой, иногда я сам прихожу к ней в кабинет, где так же бело и холодно, как внутри айсберга. Там нормальное количество стульев. Сама она очень мила и совсем не похожа на жучиху. Но с именами я по-прежнему не в ладах. К тому же в моей жизни столько всего изменилось, что хотя бы что-то, пусть даже самую малость, хочется оставить неизменным.

Она предложила еще раз прокрутить мои записи, чтобы посмотреть, не подвела ли меня где-то память. К моему удивлению, выясняется, что я использовал аж двенадцать кассет. По правде говоря, записывать так много я не собирался, но ведь для того они мне и нужны, правда? Просто потому, что у меня вечно что-то да вылетает из головы.

Поскольку они пронумерованы, я начинаю с самой первой. Первые минут двадцать на ней то, что и ожидалось. Пара рецептов, что-то о поляне, что-то об озере. Потом идет пауза. Решив, что дальше ничего нет, я тяну руку, чтобы выключить магнитофон, но в этот момент среди тишины на пленке кто-то начинает дышать. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Вверх по рукам и ногам взбирается холод. Это не мое дыхание.

Потом слышится неуверенный, слишком правильный голос.

«Когда меня зовет Тед, – произносит она, – я зализываю языком на лапке то место, где меня донимает зуд. Черт бы его побрал, он совсем не вовремя».

Сердце у меня в груди подпрыгивает к самому горлу. Нет, не может быть... Да нет, так оно и есть. Это *Оливия*, прекрасная кошечка, которую я потерял. Я даже не знал, что она умеет говорить. Неудивительно, что мне никогда не удавалось отыскать этот магнитофон. Она говорит ласково и обеспокоенно, с менторскими нотками в голосе. Слушать ее чудесно и грустно, как разглядывать собственные детские фотографии. Как же мне хотелось бы с ней поговорить. Но теперь уже поздно. Я все слушаю и слушаю. И не понимаю, почему плачу.

Жучиха говорит, что это называется интеграцией. В ситуациях наподобие нашей такое порой случается. Само слово «интеграция» ассоциируется с каким-то событием на фабрике. Я же считаю, что им,

Оливии и той, другой кошке, захотелось объединиться в одно целое. Так или иначе, но теперь она ушла и больше уже не вернется.

Жучиха всегда велит мне не отгораживаться от чувств, а впускать их в душу, что я и пытаюсь делать. Это доставляет боль.

Записи Оливии перемежаются другими голосами, которых я не знаю. Иногда они ничего не говорят, а лишь бессвязно что-то бормочут, долго молчат, прищелкивают языками или затягивают какой-то пронзительный мотив, каждый раз со стоном ворочаясь во мне маленькими, холодными призраками. Раньше я пытался запереть их на чердаке. А теперь неторопливо их слушаю. Слишком долго мне пришлось жить, затыкая уши.

Все последнее время меня будит рассвет. Я медленно выныриваю на поверхность из сна, наполненного красными и желтыми перьями. В голове эхом перекликаются зеленые звуки и мысли, которые мне совсем не принадлежат. Во рту ощущается вкус крови. Я никогда не знаю, чей сон мне достанется ночью. Но организм все эти дни действительно отдыхает, а не используется кем-то другим, пока я сплю. Так что оно того стоит.

Изменилось и кое-что другое. Три дня в неделю я работаю на кухне в закусочной на другом конце нашего квартала. Мне нравится ходить пешком, глядя, как вокруг меня медленно растет город. Пока я только мою посуду, но скоро меня обещают перевести в помощники поваров, которые то и дело жарят что-то на плите. Сегодня выходной – день, предназначенный исключительно для нас.

Без фанеры на окнах дом кажется сотворенным из света. Осторожно, чтобы не порвать вереницу хирургических скобок на боку, я встаю с постели. Наше тело представляет собой настоящий пейзаж из шрамов и свежих ран. Я встаю, и на несколько мгновений в глубинах нашего естества разворачивается борьба. Тело опасно покачивается, и каждому из нас становится плохо. Вот Лорен угрюмо позволяет мне взять все в свои руки. Я упираюсь рукой в стену, не давая нам упасть, выпрямляюсь и делаю глубокий вдох. Этой тошнотворной борьбой, где-то сходной с землетрясением, наполнится весь наш день. Мы учимся. Трудно держать всех сразу в сердце.

Чуть позже телом, вполне возможно, завладеет Лорен. Станет рисовать или носиться на велосипеде, а может, мы пойдем в лес.

Правда, не на поляну и не к водопаду. Туда мы больше ни ногой. Голубое платье из полуистлевшей органзы, старая косметичка, ее кости – все это надо оставить в покое, чтобы они больше не были богами и превратились обратно в тлен.

Мы будем гулять под сенью деревьев и прислушиваться к звукам осеннего леса.

Полиция во главе с детективом-опоссумом обшаривает лес у озера. Им хочется отыскать мальчиков, которых забрала Мамочка. Они считают, что за долгие годы их количество могло достигнуть шести. Сказать точно довольно затруднительно, ведь дети действительно, бывает, теряются. В основном это были мальчишки из неблагополучных семей или сироты. Мамочка старалась выбирать тех, о пропаже которых никто не заявит. Что же касается Девочки с фруктовым мороженым, то вокруг нее такой шум поднялся потому, что у нее были родители.

Вполне возможно, что мальчиков когда-нибудь найдут. А пока я надеюсь, что они покоятся с миром под зеленым лесным пологом в объятиях ласковой земли.

Поздно вечером мы с Мраком-Оливией, наверное, вздремнем на диване, глядя на большие грузовики. С наступлением темноты они выходят на охоту. Меня на миг охватывает тревога – ощущение такое, что кто-то коснулся затылка мокрым листком. Мрак-Оливия большая, и сил ей не занимать.

Ну что же, день стоит прекрасный, пора завтракать. Когда мы проходим мимо гостиной, я заглядываю в дверь и несколько мгновений люблюсь новым ковром. На нем целая радуга цветов – желтый, зеленый, розовый, пурпурный, бронзовый. Он мне очень нравится. Старый голубой, думаю, после ухода Мамочки можно было выбросить в любой момент. Странно, что подобная мысль ни разу не пришла мне в голову раньше, до всех этих событий.

Мы проходим на кухню. Пока мы нашли только один продукт, который нам всем по душе. Иногда мы сообща съедаем его на завтрак. Когда мы чем-нибудь занимаемся, я неизменно описываю, что делаю, чтобы все запомнили. Записывать рецепты мне больше ни к чему.

– Поступаем следующим образом, – говорю я, – берем из холодильника свежую клубнику, моем ее в проточной воде и кладем в миску.

Мы смотрим, как ягоды поблескивают в лучах утреннего солнца.

– Ее можно выложить на кусок ткани, чтобы она немного подсохла, – продолжаю я, – а можно дождаться, когда эту работу проделает солнце. Это как захотим.

Раньше я разрезал каждую ягоду на четыре части тупым ножом, потому что ничего острого в доме не было. Но теперь держу в специальной подставке на кухонной стойке набор поварских ножей.

– Это называется доверием, – говорю я, орудуя одним из них, – некоторым из нас в этом отношении надо очень многому научиться. Понимаете, о чем я говорю?

Похоже, это как раз то, что Лорен называет «папочкиной шуткой».

Когда лезвие рассекает ягоду, на его боках отражается красная мякоть. От клубники исходит запах сладости и земли. Я чувствую, как некоторые внутри меня ерзают в предвкушении удовольствия.

– Чувствуете аромат?

Орудуя ножом в непосредственной близости от пальцев, мне приходится соблюдать осторожность. Я больше не отдаю свою боль другим.

– Так что клубнику мы режем как можно тоньше, а потом поливаем бальзамическим уксусом, который должен быть выдержанным и густым, как сироп. Теперь берем три листика базилика из вазона на подоконнике, режем на узкие полоски, вдыхаем запах и добавляем их к клубнике с бальзамическим уксусом.

Это хоть и рецепт, но звучит порой как заклинание. Мы несколько минут выстаиваем блюдо, чтобы смешались вкусы различных ингредиентов. А сами тем временем размышляем, любуемся небом или просто остаемся собой.

Почувствовав, что все готово, я говорю:

– Теперь мажем полученную пасту из клубники, базилика и бальзамика на кусок хлеба.

Тот пахнет выпечкой и пряностями.

– И посыпаем сверху молотым черным перцем. Пора идти на прогулку.

В небе и на деревьях полно птиц. В окружающем нас воздухе потоками льются их песни, угасая вдали. Лорен тихо вздыхает. Солнце своим теплом согревает нашу кожу.

– А теперь, – говорю я, – начинаем есть.

Послесловие

Если вы еще не закончили читать «Последний дом на Никчемной улице», лучше не читайте того, что идет дальше, потому как это один большой спойлер.

Вот как ко мне пришло решение написать книгу о выживании, выдав ее за роман в жанре «хоррор». Летом 2018 года я писала об одной кошке и все не могла получить ответ на извечный вопрос «почему?». Меня всегда изумляло, с какой очевидной легкостью между людьми, начисто лишенными сочувствия, и их домашними питомцами образуются нерушимые, страстные узы. Пес Блип, принадлежавший серийному убийце Деннису Нильсену, был единственным на всем свете существом, которое, если можно так выразиться, поддерживало с ним здоровые отношения. Он любил Блипа, и если после ареста его что-то и интересовало, то только судьба собаки. И тогда мне в голову пришла мысль: «Может, вот она, та самая история, над которой стоит поработать?» О кошке Оливии, которая живет с Тедом и утешает его, даже несмотря на то, что он схватил и держит своей пленницей девочку по имени Лорен. Но в таком виде идея не работала. Тед совсем не походил на убийцу или похитителя, а в своей душе я находила нотки сострадания к нему. По моим ощущениям, его история ассоциировалась скорее с муками и выживанием, но не со злодейством. А Оливия в действительности вела себя не как кошка. Да, она обладала рядом типичных качеств, присущих нашим младшим, мурлычущим друзьям, но голос ее был не человеческий, не кошачий, а какой-то другой. Она будто представляла собой частичку Теда. Как и Лорен, девочка, которую он якобы держал взаперти.

Занимаясь изучением последствий жестокого обращения в детстве, я наткнулась на выложенное в Интернете видео, на котором женщина по имени Энсина, страдающая от диссоциативного расстройства личности, обсуждала свою жизнь. Она предельно честно и участливо рассказывала о своей младшей альтер-личности. Женщина считала ее своим ребенком и относилась как мать, ухаживая, заботясь, чтобы ее ничего не пугало, и занимаясь делами, которые той были не

под силу, в том числе водила машину. Иногда вместо нее в разговор вступала младшая альтер-личность и продолжала рассказ. Говорила, как она одинока, потому что тело, в котором она живет, слишком большое, и другие дети ее не понимают. Глядя на них, я чувствовала, как меняются мои взгляды на жизнь. Это видео приведено в библиографии («Что такое жить с диссоциативным расстройством личности (ДРЛ)»). В какой-то момент мне стало ясно, что книга, которую я на тот момент писала, была не о кошке Оливии, не о девочке Лорен, не о мужчине по имени Тед, а о человеке, в котором жили бы все эти личности. Причем не хоррор, а роман о выживании и надежде, о том, как человеческий мозг справляется со страданиями и страхом.

О ДРЛ мне приходилось слышать и раньше. Это главный элемент замысла многих произведений в жанре «хоррор». Но глядя на Энсину, описывавшую, как ее личность раздвоилась, чтобы справиться с жестоким обращением, я почувствовала, что частичка мира, которую я никогда не понимала, встала на место, как фрагмент пазла. Мир после этого приобрел более странные, но вместе с тем и более реальные черты. То, что разум поступил таким образом, было сродни чуду, но в то же время всецело имело смысл.

Тогда я позвонила своей подруге-психотерапевту, которая, помимо прочего, работала с пациентами, ставшими жертвой торговли «живым товаром» и пыток. «Это все правда? – спросила я. – То есть в действительности все так и есть?» Не могу сказать, что предельно точно выразила свою мысль. «Я на собственном опыте убедилась, что все это абсолютно реально», – ответила она.

Потом я больше года углублялась в данную проблему, читая любые попадавшиеся книги по теме ДРЛ. После чего вдруг поняла, что должна представлять собой эта книга и в каком направлении мне надо двигаться.

Во врачебном сообществе, как и в мире в целом, есть немало специалистов, твердо уверенных в том, что такой патологии попросту не существует. ДРЛ, похоже, угрожает привычному взгляду людей на мир. Это может объясняться тем, что данное расстройство перекликается с концепцией души – мысль о том, что в одном и том же теле могут существовать несколько личностей, так или иначе пугает. И конечно же, подрывает догмы, лежащие в основе многих религий.

Все без исключения истории, сопутствующие данной патологии, внушают ужас. Для разума, столкнувшегося с невыносимой болью и страхом, она выступает в роли последней надежды. Особую благодарность я хочу выразить ассоциации «Первое лицо во множественном числе», одной из основных в Великобритании групп поддержки пациентов, страдающих от диссоциативного расстройства личности, которая очень помогла мне лучше понять это трудное, запутанное нарушение. Ее сайт и другие интернет-ресурсы перечислены в конце книги.

Я целый день разговаривала с человеком, который и сам страдает от диссоциативного расстройства личности, и работает с другими аналогичными пациентами. Он просил его не называть. Впервые мы встретились на железнодорожном вокзале, а потом пошли в ближайшее кафе поговорить. Поначалу мы волновались и чувствовали себя неловко. Обсуждать с незнакомым человеком столь сокровенные вопросы очень и очень трудно. Но потом он предельно решительно и честно рассказал мне о своем прошлом, о жизни.

Он рассказал мне, что ДРЛ, впервые заявляя о себе, отнюдь не является расстройством. Оно спасает детский разум от невыносимого напряжения и, по сути, выполняет функцию спасения жизни. И только гораздо позже, когда человек взрослеет и необходимость в нем отпадает, превращается именно в патологию. Он рассказал мне об одной из своих альтер-личностей, называя ее «Ногами». Она не разговаривает, а единственная ее задача сводится к тому, чтобы донести его до постели после того, как он подвергся насилию. Потом он описал, как ему, в момент совершения по отношению к нему насильственных действий, приходилось прогонять все остальные части тела. Все они в этот момент прятались в большом пальце на ноге, которым впоследствии, когда все заканчивалось, пользовались для того, чтобы обратно собрать воедино тело. Есть альтер-личности, которые презирают других, подвергшихся насилию. Некоторые из них не понимают, почему находятся в теле, которое не отражает их сущность в плане возраста, пола или внешности. Это их злит. Те или иные из них порой пытаются причинить телу вред. Другие стараются дистанцироваться от остальных и отгородиться, спрятаться, с позволения сказать, в «вакуумной упаковке». Таким хочется жить отдельной, параллельной жизнью. Цели различных альтер-личностей

отчетливо определены. Та ипостась, которая ходит на работу, проявляет холодность по отношению к семье или близкому человеку, когда те звонят или приходят повидаться с ней днем. Альтер-личность, отвечающая за работу, попросту работает, и не более того.

Мне также описали, что в случае с каждой такой альтер-личностью память работает по-разному. Каждая из них хранит тот или иной опыт. Память не линейна, а разбросана по целому ряду ячеек. «Мне никогда не узнать, каково запоминать людей, в том числе и вас», – сказал он мне. Из-за этого внешне простые задачи могут даваться с огромным трудом. Готовя по рецепту то или иное блюдо, он, к примеру, одновременно может запомнить не более четырех ингредиентов. Удерживать в голове слишком много информации опасно, ведь это может подразумевать необходимость запомнить и что-то другое. Иногда между перевоплощениями наблюдается провал, в ходе которого тело на краткий миг никем не занято, чтобы альтер-личностям не пришлось делиться знанием. Собеседник рассказал, как ему трудно собраться в отпуск, не забыв положить в чемодан для каждой альтер-личности отдельные вещи, в том числе одежду для разных возрастов. Описал свой внутренний мир, в котором сходятся все его ипостаси: ферму на перекрестке дорог, где сразу можно увидеть врага, с какой стороны тот бы ни приближался; детскую площадку под охраной солдат; пляж.

Он сказал мне, что постепенно выздоравливает. Альтер-личность, рвавшая раньше фотографии, стараясь уничтожить прошлое, больше этого не делает. После долгих лет терапии и при поддержке членов семьи, все его ипостаси учатся жить как одно целое.

Под конец нашего разговора я спросила: «Что такого должны узнать об этом расстройстве люди, чтобы постичь то, что пока в вашем представлении выходит за рамки их понимания?»

«Я хочу, чтобы окружающие знали: мы всегда стремимся к добру, – ответил он, – и всегда защищаем ребенка».

На то, чтобы понять это сложное явление, может уйти вся жизнь. Отдельные случаи, вероятно, очень отличаются друг от друга, да и проявляться диссоциативное расстройство личности может множеством способов. Я не списывала Теда с какого-то конкретного пациента. Он полностью вымышленный персонаж, и если при его описании были допущены те или иные ошибки, то вся вина за них

лежит на мне. Однако в этой книге я попыталась воздать должное тем, в чьей жизни присутствует ДРЛ, – дабы не забыть того, что было сказано в тот день за остывающими чашечками кофе. В произведениях жанра «хоррор» диссоциативное расстройство личности действительно может использоваться в качестве художественного приема, однако мой скромный опыт свидетельствует об обратном. Те, кто когда-то выжил, кто живет с этим сейчас, всегда стремятся к добру.

Благодарности

Моему чудесному агенту Дженни Сэвилл, чья вера в Теда, Оливию и Лорен позволяла мне двигаться вперед и которая сама за них постоянно сражалась, я могу лишь сказать огромное спасибо. В день нашей встречи звезды, вероятно, выстроились в одну линию. Мой удивительный агент в США Робин Строс и ее коллега Кейтил Хейлз без усталы трудились ради продвижения моей книги в этой стране. Я безмерно им признательна.

Неутомимая Миранда Джуэсс, неизменно внушающая к себе уважение, спокойно и твердо редактировала эту книгу, дабы придать ей окончательный вид. Пожалуй, это было сродни гнать стадо осьминогов по Пикадилли. Я восхищаюсь ею, Ниам Мюррей, Дрю Джеррисон и всей командой Viper, которые не щадили ради поддержки этой книги никаких сил. В лице Келли Лоунсам О'Коннор «Последний дом на Никчемной улице» обрел непревзойденного редактора в США, а издательство Tor Nightfire стало для него в Америке домом, о котором можно только мечтать. Работа с такими замечательными издателями приносит огромное удовлетворение.

Как всегда, хочу выразить свою благодарность и любовь моей матери Изабелле и отцу Кристоферу за то, что они с самого начала стали для меня опорой. Поддержка с их стороны, а также со стороны моей сестры Антонии и ее семьи – Сэма, Вольфа и Ривера – неизменно придает мне сил.

Благодарю моих замечательных, добросердечных и восхитительных друзей. Я чрезвычайно признательна Эмили Кавендиш, Кейт Бердетт, Ориане Элии, Ди Вэнаган и Белинде Стюарт-Уилсон за постоянную готовность выслушать меня, подставить в трудную минуту плечо, за бесчисленные слова утешения, равно как и за более язвительные наблюдения, вино и залежи мудрости. Наташе Пулли я выражаю глубочайшую признательность за наши бесконечные разговоры, за ее блестящие идеи и неистощимое остроумие. Поддержка и дружба Джиллиан Редфиен всегда служила мне спасательным кругом. Первыми читателями моей книги стали Нина Аллан, Кейт Бердетт, Эмили Кавендиш и Мэтт Хилл – ободрение с их

стороны подстегнуло меня двигаться дальше вперед. Жизнерадостность, творческий потенциал и дружба Юджина Нуна вдохновляла меня долгие годы, как теперь будет вдохновлять память о нем. И мне, и очень многим другим его очень не хватает.

Я невыразимо благодарна моему чудесному и бесконечно талантливому спутнику жизни Эду МакДоналду – за поддержку, великодушие, благородство души и изумительный редакторский глаз. Мне так повезло. С нетерпением жду новых, совместных приключений.

Благотворительная ассоциация «Первое лицо во множественном числе» снабдила меня бесценными сведениями о ДРЛ и позволила одним глазком взглянуть на то, как живут те, кто страдает от данного расстройства. Они помогли мне вызвать диссоциативное расстройство к жизни; надеюсь, я воздала им должное.

Библиография

Американская психиатрическая ассоциация, 2013. «Учебник по диагностике и статистике умственных расстройств: УДС-5», Арлингтон, штат Вирджиния: American Psychiatric Association.

Анонимный источник, без даты. «О диссоциативных оковах», Блог «Диссоциативные оковы». <https://dissociativejess.wordpress.com/about/> [материал просмотрен в сентябре 2018 г.]

М. Р. Барлоу, 2005 г. «Память и фрагментация при диссоциативном расстройстве личности» [диссертация на получение ученой степени доктора философии], Университет Орегона. <https://dynamic.uoregon.edu/jjf/theses/Barlow05.pdf> [материал просмотрен 2 ноября 2018 г.]

С. Бун, К. Стил и О. Ван дер Харт, 2011 г. «Как справиться с травматическим диссоциативным расстройством: тренинг по приобретению навыков для пациентов и врачей», Лондон: WW Norton and Co.

Трудди Чейз, 1990 г. (1987 г.) «Когда кролик воет», Нью-Йорк: Jove

Рут Ди, 2009. «Переломанные», Лондон: Hodder & Stoughton
Изучение ДРЛ, 2017 г. «Кооперация, интеграция и слияние». <http://did—research.org/treatment/integration.html> [материал просмотрен 9 августа 2018 г.]

Изучение ДРЛ, 2015 г. «Внутренние миры», http://did-research.org/did/alters/internal_worlds.html [материал просмотрен 5 июля 2017 г.]

Dissocia DID, 2018 г. «Миры внутри (изобличение ДРЛ)», эпизод 8 [видео]. <https://www.youtube.com/watch?v=CB41C7D7QrI> [материал просмотрен 5 января 2019 г.]

Dissocia DID, 2018 г. «Сотворение внутренних миров! – Симс 4» [видео]. <https://www.youtube.com/watch?v=gXLhEWSC1c4> [материал просмотрен 5 января 2019 г.]

Dissocia DID, 2018 г. «Почему бы нам не поговорить о наших малышах (включите камеру)» [видео]. <https://www.youtube.com/watch?>

v=ZdmPIIjIrBI [материал просмотрен 11 ноября 2018 г.]

Б. Харгис, 2018 г. «О смене альтер-личностей при диссоциативном расстройстве», *Healthy Place* [блог], 14 июня. <https://www.healthyplace.com/blogs/dissociativeliving/2018/6/about-alter-switching-in-dissociative-identity-disorder> [материал просмотрен 11 марта 2019 г.]

Элис Джеймисон, 2009 г. «Сегодня я Элис», Лондон: Pan Macmillan.

Р. Джонсон, 2009 г. «Глубоко личная Гражданская война», «Журнал психолога», апрель 2009 г., выпуск 22 (стр. 300–303).

Линн Мэри Карджала, 2007 г. «Понимание травмы и диссоциации», Атланта: Thomas Max Publishing.

Б. Кэстрап, А. Крэбтри, Е. Ф. Келли, 2018 г. «Можно ли с помощью диссоциативного расстройства личности объяснить жизнь, вселенную и все сущее?» *Scientific American* [блог], 18 июня. <https://blogs.scientificamerican.com/observations/could-multiple-personality-disorder-explain-life-the-universe-and-everything/> [материал просмотрен 13 марта 2019 г.]

К. Матулевич, 2016 г. «Кем себя ощущают альтер-личности при диссоциативном расстройстве личности», *HealthyPlace* [блог], 25 мая. <https://www.healthyplace.com/blogs/dissociativeliving/2016/05/the-experience-of-alters-in-dissociative-identity-disorder> [материал просмотрен 12 марта 2019 г.]

MedCircle, 2018 г. «Что такое жить с диссоциативным расстройством личности (ДРЛ)» [видео]. <https://www.youtube.com/watch?v=A0kLjsY4JIU> [просмотр материала 3 августа 2018 г.]

А. Митчисон, 2011 г. «Ким Нобл: женщина с сотней индивидуальностей», *Guardian*. <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2011/sep/30/kim-noble-woman-with-100-personalities> [материал просмотрен 3 июня 2017 г.]

MultiplicityandMe, 2018 г. «Очерк о диссоциативном расстройстве личности: жизнь, которую я веду» [видео], радио BBC 1. https://www.youtube.com/watch?v=exLDxo9_ta8 [материал просмотрен 11 декабря 2018 г.]

Ким Нобл, 2011 г. «Это все я», Лондон: Hachette Digital

Nurses Learning Network, без даты. «Понимание диссоциативного расстройства личности».

<https://www.nurseslearning.com/courses/nrp/NRP—1618/Section%205/index.htm> [материал просмотрен 3 декабря 2019 г.]

Сандра Полсен, 2009 г. «Глазами травмы и диссоциации: иллюстрированное пособие по ДПДГ для врачей и пациентов», Чарлстон: Booksurge Publishing

Таня Пейсли, 2017 г. «Развенчивание мифов о диссоциативном расстройстве личности», *SANE* [blog]. <https://www.sane.org/information-stories/the-sane-blog/mythbusters/busting-the-myths-about-dissociative-identity-disorder> [материал просмотрен в июне 2018 г.]

Психология сегодня, 2019 г. «Диссоциативное расстройство личности (синдром множественной личности)». <https://www.psychologytoday.com/gb/conditions/dissociative-identity-disorder-multiple-personality-disorder> [материал просмотрен 7 сентября 2019 г.]

Максин Стайнберг, Марлен Шаль, 2010 г. «Незнакомец в зеркале: диссоциация, скрытая эпидемия», Лондон: HarperCollins ebooks

Truly Docs, 2004 г. «Женщина, в которой уживаются семь личностей» [видео]. <https://www.youtube.com/watch?v=s715UTuO0Y4&feature=youtu.be> [материал просмотрен в ноябре 2019 г.]

Бессел Ван де Колк, 2015 г. «Тело ведет счет», Нью-Йорк: Penguin Random House

Кэмерон Уэст, 2013 г. (1999 г.) «Первое лицо во множественном числе: моя жизнь во множестве воплощений», Лондон: Hachette Digital

Сетевые библиотеки и другие интернет-ресурсы

<https://www.aninfinitemind.com/>

<http://didiva.com/>

<http://did-research.org/index.html>

<https://www.firstpersonplural.org.uk/resources/training-films/>

<https://www.isst-d.org/>

<http://www.manyvoicespress.org/>

<https://www.sidran.org/essential-readings-in-trauma/>

<https://www.sidran.org/recommended-titles/>

---

notes

Примечания

1

Первое послание Иоанна 4:7–8 (*прим. ред.*).

В фольклоре жителей полуострова Бретань предвестник смерти
(*прим. ред.*).

Книга Судей Израилевых, 3-я глава.

4

Одноименная компания была основана в США в 1926 году. А их фирменный напиток состоит из апельсинового сока, льда, подсластителя, молока, яичных белков и ванильного сиропа.

Новый Завет от Матфея. Глава 7.